

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России

Российская ассоциация международных исследований

V КОНВЕНТА

материалы
Российской ассоциации международных исследований

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА: ВЗГЛЯД ИЗ БУДУЩЕГО

Том 4

Великие державы в мировой
политике (2008–2018): новая
конфигурация взаимоотношений

Москва, 2009

РАМИ

*mundum
cognoscendo*

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России

Российская ассоциация международных исследований

Мировая политика: взгляд из будущего

Материалы V Конвента РАМИ

Под общей редакцией ректора МГИМО (У) МИД России,
академика РАН А. В. Торкунова

Москва
МГИМО — Университет
2009

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России

Российская ассоциация международных исследований

Том 4

Великие державы в мировой политике (2008–2018): новая конфигурация взаимоотношений

Редактор тома: Троицкий М. А.

Тексты публикуются в авторской редакции.
Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

Москва
МГИМО — Университет
2009

В настоящий сборник вошли доклады и выступления, сделанные на секции «Великие державы в мировой политике (2008–2018): новая конфигурация взаимоотношений», проведенных в рамках V Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Мировая политика: взгляд из будущего» (МГИМО, сентябрь 2008 г.). Докладчики осветили три важных региональных направления российской внешней политики — двусторонние российско-американские отношения, промышленное и военно-техническое сотрудничество России с Ираном, а также взаимодействие Китая с Россией в контексте связей между КНР и США.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Renato Corbetta, Thomas J. Volgy, Keith A. Grant, Ryan G. Baird	
Major Powers, Major Power Status and Status Inconsistency in International Politics	11
Robert H. Donaldson	
U.S. — Russian Relations: A View from the Future	51
Л. А. Карабешкин	
Глобальные акторы в регионе Балтийского моря: сдерживание, конкуренция и сотрудничество	61
И. И. Курилла	
Эволюция взаимных образов России и США: проблемы методологии.....	69
Н. В. Поздышева	
Иракский фактор британской внешней политики или «ближневосточное болото» Тони Блэра	77
Dr. Ekaterina Piskunova & Dr. Houman A. Sadri	
Russia-Iran Technical Cooperation: Pragmatism from Both Sides.....	89
В. И. Сегур	
Глобальный контекст траектории geopolитического развития России в XXI веке	99
Yong-Bin Lee	
The China Factor between Washington and Moscow: Strategic Perspectives from 2014, 2021, and 2048.....	117
Сведения об авторах.....	133

Предисловие

Объяснить и предсказать развитие международных отношений как в глобальном, так и в региональном масштабе невозможно без детального изучения взаимодействия между великими державами. Как и в человеческом социуме, в сообществе государств иерархия и динамика ее изменения определяют большинство ключевых характеристик и процессов в мировой политике и экономике. Это относится к соотношению конфликта и сотрудничества, перспективам разрешения традиционных и новых глобальных проблем безопасности и выживания человечества, созданию новых и распаду отживших институтов в международных отношениях.

Уже много десятилетий не прекращается дискуссия о том, как на стабильность международной системы влияет количество «центров силы», или «полюсов» на международной арене, характер отношений между ними и распространяемые ими идеи и ценности. Исследователи продолжают поиск наиболее адекватной классификации государств в соответствии с их потенциалом влияния, целями и отношением к сложившемуся порядку. Велико количество теорий создания и разрушения международных институтов с участием великих держав, концепций мирового и регионального лидерства. Великие державы так или иначе фигурируют в большинстве теоретических и прикладных аналитических построений специалистов по мировой политике, экономике и идейному наполнению международных отношений.

В конце 2000-х годов внимание академического сообщества сфокусировано на особенностях определения силы в современной мировой политике, факторах этой силы, перспективах подъема новых великих (а в перспективе — глобальных) держав, воздействию мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008 году, на иерархию мировых игроков и многих других научных проблемах, касающихся великих держав. В свете экономических сложностей, с которыми столкнулись подавляющее большинство стран мира, лидеры ведущих держав продемонстрировали озабоченность не только последствиями кризиса для своей страны, но и перспективами ее сохранения в ряду признанных великих держав.

Кризис порождает не только объективные, но и психологические сложности и искажения восприятия. Поэтому нарождающиеся центры силы могут длительное время не признаваться в качестве таковых мировым общественным мнением. Еще более вероятен другой сценарий: мировые лидеры игнорируют объективное

снижение влияния традиционных великих держав, включая самые могущественные из них. Результатом может стать повышенная региональная или глобальная конфликтность, возникающая вследствие попыток «новых великих» утвердиться в качестве таковых и получить соответствующее признание. Подобный феномен уже длительное время изучается теоретиками международных отношений. В его анализ значительный вклад делают президент Ассоциации международных исследований профессор Томас Волджи и его коллеги — авторы доклада на тему «Великие державы, великодержавный статус и проблема несоответствия статуса реальности в международной политике». Этим докладом открывается сборник работ, представленных на секции «Великие державы в мировой политике (2008–2018): новая конфигурация отношений».

Большинство других работ в данном сборнике посвящено международным отношениям России и ее месту в глобальном и различных региональных политических и экономических ландшафтах. Предельно широкая оценка условиям мировой политической среды, в которых развивается Россия, дается в докладе И. В. Сегуру. Его автор склонен видеть угрозы безопасности социально-экономическому развитию России как на Западе, так и на Востоке и полагает, что лучшим гарантом стабильности в мире служит паритет сил между ведущими блоками (лучше всего двумя).

В годы когда подобный баланс сил поддерживался между советским и американским блоками, критерием влияния каждого из них был не какой-либо абсолютный показатель, а соотношение сил с соперничающим лагерем. Однако и после распада bipolarности Россия часто склонна соизмерять свой потенциал с американским. Именно США остаются для России «зеркалом», в котором россияне склонны рассматривать собственные достоинства и недостатки. Изучению взаимных образов России и США и эволюции этих образов в XIX веке под воздействием как международных, так и внутриполитических тенденций в обеих странах посвящен доклад профессора Волгоградского государственного университета, известного историка российско-американских отношений И. И. Куриллы.

Докладчики осветили три важных региональных направления российской внешней политики — двусторонние российско-американские отношения, промышленное и военно-техническое сотрудничество России с Ираном, а также взаимодействие Китая с Россией в контексте связей между КНР и США. Известный американский эксперт по России Роберт Дональсон из Университета Талсы сравнил несколько прогнозов развития отношений Москвы и Вашингтона, предложенных в 1990-е и 2000-е годы российскими и американскими исследователями. Р. Дональсон оценил соответствие сделанных ранее прогнозов реальности и установил, что чаще всего не сбывались предсказания о «крайних» сценариях развития России и российско-американских отношений. Точные прогнозы всегда были в меру оптимистичными и пессимистичными одновременно.

Екатерина Пискунова из Университета Монреаля (Канада) и Хуман Садри из Университета Центральной Флориды (США) пришли к выводу о том, что в отличие от времен холодной войны Россия не ставит перед собой цель нанести ущерб интересам США любой ценой — например, сотрудничая с Ираном в ядерной области. Москва взаимодействует с Тегераном, руководствуясь прежде всего pragmatischen сооб-

ражениями. Россия стремится извлечь максимальную выгоду из поставок Тегерану мирных ядерных технологий и некоторых видов вооружений, а не подорвать позиции США на Среднем Востоке, рискуя возможностью распространения ядерного оружия. По заключению авторов доклада, в отношениях с Тегераном Москва не станет действовать вопреки собственным интересам безопасности, которым противоречит как военная ядерная программа Ирана, так и – тем более – военное столкновение Ирана с Израилем или США.

Научный сотрудник Корейского института правовых исследований при Национальной собрании Республики Корея Йонбин Ли провел анализ «китайского фактора» в российско-американских отношениях. Автор доклада исходил из предложенных им самим представлений о целях и характере внешней политики Китая в 2014, 2021 и 2048 годах. Он предполагает, что к 2014 году изменится идентичность Китая как международного игрока, к 2021 году в КНР произойдет смена режима. В любом случае, по мнению корейского исследователя, влияние КНР на международной арене не может «нарастать бесконечно», а его пределы будут определяться интенсивностью взаимодействия Китая с Западным миром (прежде всего с США).

Наконец, два доклада были посвящены региональной и страновой тематике, напрямую на связанный с Россией. Леонид Карабешкин из Евроуниверситета Таллина изучил влияние взаимодействия между великими державами вокруг Балтийского моря на безопасность и экономическое развитие данного региона. Конкуренция между США, Россией и Европейским Союзом зачастую помогала некоторым прибалтийским государствам «играть на противоречиях» и получать выгоду для отдельных групп населения в сфере нациестроительства, методы которого иногда оправдывались необходимостью размежевания с «советским прошлым». Аспирантка Института Европы Российской Академии наук Наталья Поздышева проанализировала мотивы британского правительства и последствия для Великобритании участия в операции по свержению режима Саддама Хусейна в Ираке. По ее мнению, принимая решение о совместном с США вторжении в Ирак, Лондон стремился повысить свой статус на международной арене. Ограничившись словесной поддержкой (а варианты присоединения к Германии и Франции — радикальным критикам Вашингтона за иракскую кампанию — правительством Тони Блэра не рассматривались), Лондон рисковал заработать репутацию некритичного но нерешительного союзника Вашингтона. Подобный имидж был бы хуже для Британии, чем образ готового к действиям по защите собственных ценностей и интересов, даже если подобные действия были бы сопряжены со значительным риском.

Уверен, знакомство с текстами докладов, переработанных авторами по итогам дискуссии на Конвенте РАМИ, будет полезным для специалистов по международным отношениям и безопасности, а также всех читателей, интересующихся современными оценками внешней политики отдельных держав и ситуации в мире в целом.

М. А. Троицкий,
кандидат политических наук

Major Powers, Major Power Status and Status Inconsistency in International Politics

Renato Corbetta, Thomas J. Volgy,

Keith A. Grant, Ryan G. Baird

Ever since Thucydides asserted in the Melian debate that international politics is shaped by the powerful, international relations scholars have been grappling with the notion of power and the way it shapes relations between states. The pervasiveness of this notion has translated into widespread theorizing and the empirical use of two closely intertwined concepts: *major powers* and their *status*. Combining the two, it appears that certain states stand out because of their unusual abilities and willingness to exercise influence in the international system, *and* because other states attribute to them the status of major powers. Great powers are seen as such because they are expected to be superior to others in having an impact on the course of international affairs. While we know much about the material capabilities of states, we appear to know far less about the determinants and nature of major power *status*, and that is the focus of this effort.

International relations scholars have made widespread use of the concept of major power status but have rarely been clear in their definition of the term, settling too often for Waltz's idea that, in essence, we know a major power when we see one (Waltz, 1979: 131). Even fewer scholars have defined major power status in terms of the foreign policies major power states pursue in the context of a set of substantial military and economic capabilities. One of the exceptions is Levy (1983), who defines a major power as one with an extensive foreign policy agenda, a wide range of international interests, the ability to project power globally, and to be recognized for it. More recent efforts appear to have forgotten this definition, opting either conceptually or operationally for major power status as identified in the Correlates of War (COW) project.

This effort seeks to disentangle material, policy, and perceptual components associated with being a major power and the conditions under which other states attributed major power status to a few of their members. We are interested especially in changes in major power status, possible status inconsistencies for major powers, and the implication of those phenomena for stability and change in international politics.

We define these terms in the following fashion. A **major power**¹ is a state that a) has unusual capabilities with which to pursue its interests and to influence interstate relations; b) uses those capabilities to pursue unusually broad and expansive foreign policy interests beyond its immediate neighborhood; and c) seeks to influence the course of international affairs relatively *independently* from other major powers. **Major power status** is an attribute conferred on a state by other states whose foreign policy makers perceive that state as being a major power, and act toward it accordingly. **Status inconsistency** occurs either when the attribution of major power status is not in sync with the capabilities and foreign policy pursuits of the state in question (*external status inconsistency*); or, if states are inconsistent in awarding status to a major power (*internal status inconsistency*)².

First, we briefly review the concept of major power status in IR theory and empirical analyses. Next, we employ event history analysis to examine the extent to which combinations of capabilities and foreign policy behavior can predict a state's ascent to and loss of major power status over the last two centuries when using the standard identification of status in the literature. Third, we focus on the post-World War II time frame to take a closer look at the relationship between capabilities, behavior, the attribution of major power status, and some potential consequences of status inconsistency. Finally, we draw some implications from our findings and look as well at regional powers.

Great Powers/Major Powers/«Elite» Powers and Status: A Very Brief Look at the Literature³

Is there a need for one more study of major powers and their status? The idea of a rank order among states is as old as the Athenians' statement that «. . . since you know as well as we do that right, as the world goes, is only in question between equals in power, while the strong do what they can and the weak suffer what they want» (Thucydides, 1951: 331). Decades ago Morgenthau integrated the notion of status and ranking among nations into realism by noting that major powers shape international politics, create the rules by which international relations are played, and warned us that a state's power status was defined in equal measure by material capabilities and less tangible factors (Morgenthau, 1985)⁴. The issues of major powers and their status also feature prominently in Waltz's seminal work: «[t]he theory, like the story of international politics is written in terms of the great powers of an era» (Waltz, 1979: 72)⁵.

¹ We use the terms «major power» and «great power» interchangeably.

² External status inconsistency would occur when a state is not awarded major power status when it acts as a major power and has the capacity to do so; or, if it has the status of a major power but has lost substantial capacity and/or the desire to act as one. Internal status inconsistency would occur if the state in question is awarded high status on one measure but not another measure of status.

³ This review is meant to highlight the importance and use of the concepts of great power and great power status. Space limitations prohibit a more fundamental review. For an excellent review of the literature prior to 1983, see Levy, 1983.

⁴ Morgenthau understood the difference between great power attributes and status (Morgenthau, 1985: 360–361).

⁵ Although Waltz settled for ambiguity in definition (Waltz, 1979: 130–131) and was non-committal about how policies and reputations help to determine status (Waltz, 1986). Understandably, Waltz's (1979) empirical enumeration of great powers differs from Morgenthau's.

Inconsistency between status, foreign policy activity and (declining) material capabilities, is also central to power transition theory: global war becomes more likely as the dominant state's capabilities decline in the presence of a rising, revisionist challenger. The conflict between dominant state and the challenger occurs over—among other things—status. For this reason, Kugler and Lemke (2000) stress the importance of the challenger being a non-status quo state for the theory to correctly predict major power war. Within this tradition, it is the confluence of capabilities and status to set the rules for a global or regional system and the threats to both status and capabilities for determining those rules that appear to underscore the conflict between dominant state and challenger.

The issue of major power capabilities, behavior and their status has also been at the center of liberal institutionalist agendas. Keohane and Nye (1977), Keohane (1984), and Nye (2004) demonstrate an explicit interest in how various forms of power affect the solidification and preservation of the system leader's status. Central especially in Keohane's *After Hegemony*, is the notion that hegemonic decline need not be followed by conflict. To the extent that the hegemon successfully manages to shape the international system, a situation of mismatch between the hegemon's «traditional» material capabilities and its status can be sustained over time. The hegemon's «soft power» is expected to compensate for the inconsistency between its leadership position and its declining resources.

Most empirical analyses of interstate conflict that involve great powers use the Correlates of War (COW) project's massive effort to conceptualize and operationalize the notions of great power status and material capabilities. The COW project has defined status and capabilities as two different explanatory factors in international politics. Emphasizing that status as a great power is a matter of reputation as much as it is a matter of capabilities, COW offers a unique operationalization procedure (Small and Singer 1982). International relations experts —mostly diplomatic historians— were surveyed and asked to identify the great powers in the international system since 1815 (Singer, 1988). The survey required experts to identify which nations were considered great powers by *other states* in the same era (Table 1). The COW classification has become the working, operational definition of major power status. Its operationalization of status was conducted with careful attention to the distinction between material capabilities versus the dynamics that lead to «...a rank or reputation attributed to an individual or group by others in the same social system (Singer and Small, 1966:238), including examples of discordance between capabilities and status (Singer, 1988). It is unclear however if such discordance is a function of the foreign policy behaviors of major powers (e.g., Levy, 1983; Siverson and Starr, 1991; Fordham, 2006), or some other factors that are unspecified.

Table 1: Correlates of War (COW) Major Power Status Designation, 1816–2001

1816–1860	1860–1894	1895–1918	1919–1924	1925–1944	1945–1990	1990–
Austria-Hungary	Austria-Hungary	Austria-Hungary			China**	China
France	France	France	France	France (1940)	France	France

1816–1860	1860–1894	1895–1918	1919–1924	1925–1944	1945–1990	1990–
Germany (Prussia)	Germany	Germany		Germany		Germany
	Italy	Italy	Italy	Italy (1943)		
		Japan	Japan	Japan		Japan
Russia	Russia	Russia (1917)	*	USSR	USSR	Russia
UK	UK	UK	UK	UK	UK	UK
US	US	US	US	US	US	US

* Russia re-enters club in 1922.

** China enters club in 1950

The COW identification of major power status has been widely employed in studies of international conflict and cooperation with myriad findings underscoring the salience of great power status. Major power status inconsistency has been found to be related to the frequency and intensity of conflict at the systemic level (Wallace 1971; Levy 1982). States designated as great powers are more likely to initiate and to become involved in militarized disputes (Gochman and Maoz 1984; Siverson and Starr 1990, 1991), more likely to drag one another into wars (Yamamoto and Bremer 1980), to generate rivalries (Lemke and Reed 2001b), to cause a conflict to expand (Corbett 2006), to intervene in ongoing wars, disputes and crises (Altfeld and Bueno de Mesquita 1979; Siverson and King 1980; Huth 1998), to join alliances, to have a larger number of allies, and to act multilaterally (Siverson and King 1980; Sullivan and Siverson 1984; Siverson and Emmons 1991; Corbett and Dixon 2004). The sheer presence of a major power in a dyad increases the likelihood of both war and dispute occurrence (e.g., Bremer 1992), and as a consequence, many researchers have even elevated major power status to a significant selection criterion in sampling procedures (e.g., Maoz and Russett, 1993; Huth, 1998; Lemke and Reed, 2001b).

Despite such a wealth of findings, COW's identification of states holding the status of major powers appears to warrant further investigation. The combination of time frames and states in Table 1 suggests either an enormous amount of stability in the major power club over two centuries of international politics, and/or some misspecification of major power status. Only one continuing state (Italy) loses its status permanently⁶. Other major powers lose their status only to regain it immediately either after world wars, or after the end of the Cold War (Japan and Germany). China appears to be the only «new» major power to join the club over the last hundred years and it joins paradoxically during a period of tremendous weakness in its economic and military capabilities.

It may be that such stability is a condition of international politics. Unfortunately, it is difficult to assess such stability from the literature. While there appears to be broad agreement that the attribution of great power status is a function of demonstrating unusual material capabilities, certain types of foreign policy orientations and interests, research on great powers and their status fails to address systematically a number of key questions that would further

⁶ Austria Hungary disappears as a state after Word War I.

our understanding of how status is generated and the implications of such status attribution for international politics. We are particularly interested in three questions: How much, what types, and what combination of capabilities and foreign policy activity are needed for the attribution of great power status for a state? Can we specify the attribution of major power status to states from the behavior of other states toward them? Finally, can we specify some effects when there is status inconsistency between capabilities, behavior, and attribution of great power rank?

Without answers to these questions, it is difficult to estimate whether or not COW measures an unusually high stability within the major power club, or, has misspecified club membership. One possible way of investigating the latter, however, is to designate the COW estimates of major power status as the dependent variable and look for consistent patterns of capabilities and foreign policy behaviors that in combination can account for the COW attribution of status to certain states. We turn to that task below.

COW and Major Power Status: Looking Tough, Acting Tough, or Neither?

We begin by accepting the basic premise that the relationship between the attribution of status and various forms of material capabilities and foreign policy behaviors is not straightforward. For example, Italy was recognized as a major power between 1860 and 1943 while its status «covered some stupendous weaknesses» (Kennedy, 1987:206), despite it acting as a great power. The example, however, merely begs other questions: for instance, what kinds of capabilities and how much are needed to lift a state (and keep it) in the great power club? Neorealists underscore the need for unusual amounts of military capabilities while liberal scholars focus on economic capabilities and question the fungibility of military power (e.g., Ruggie, 1986). Meanwhile, and with rare exceptions (e.g. Fordham, 2006)⁷, the systematic investigation of the relationship between capabilities and status has been limited to a series of cross-sectional snapshots of the top ranking countries according to different types of capabilities (e.g., Wright, 1965; Stoll, 1989).

Yet the data on great power status are longitudinal in nature. It is possible to view the dynamics leading a state to enter and exit the restricted group of great powers as a continuous process through which, at any pre-defined time interval, a state achieves (or fails to achieve) major power status as a result of possessing certain levels of material capabilities and the undertaking of certain foreign policy actions. Using great power status as a dependent variable allows us to employ survival analysis, a method developed originally in the fields of epidemiology and biostatistics and has found widespread application in the field of political science due to the inherent temporal dimension of many political processes (see Box-Steffensmeier and Jones 1997; Box-Steffensmeier and Zorn 2001, 2002; Box-Steffensmeier and Jones 2004). We treat great power status as a «condition» that states may develop over time as a result of having some characteristics and/or engaging in certain actions. The «condition» persists for some states, as they remain major powers for long periods of time, while it terminates for others. At every time interval each state is at risk of contracting, preserving, or losing the «great power disease»⁸.

⁷ Fordham's analysis focuses on attempting to uncover great power foreign policy behaviors through measures involving military capabilities.

⁸ Since some states experience a «relapse» as they transition in and out of the great power rank multiple times, event history models for repeated events could also be employed (Box-Steffensmeier and Jones 2004). However, models of this kind require demanding assumptions about the dependence of observations across time periods and the parametric shape of the hazard function (see Box-Steffensmeier and Jones 2004); we have greater confidence in the results obtained from semi-parametric approaches.

Survival (event history) analysis provides two approaches to test directly both capabilities and foreign policy actions as independent variables, while taking into account temporal dependence across observations. First, assuming that all states are at risk of becoming great powers, we can model the effects of capabilities and behavior on the time lapsing between a state's entry into the international system and the «onset» of great power status (the «entry model»). Second, focusing on the risk of losing major power status at each time interval, «the exit model» explores the amount of time lapsing between a state's entry into the group of major power states and its exit from it, in the context of changing material capabilities and behaviors.

The dependent variable of great power status for this exercise is drawn from the COW designation (Table 1): data on major power status are available from 1816 to 2001 with measurements taken at yearly intervals. The data set contains 13,020 country-year observations. Nations are added to the data set as they enter into the international system. We begin by using the COW index (CINC) of national capabilities. We then repeat the analysis by disaggregating the COW cumulative index into its six measures of state capabilities, measured at annual intervals, which include total population, urban population, energy consumption, iron and steel production, military expenditures, and number of personnel on active duty. The six measures reflect a combination of latent and actualized state capabilities. All indicators are lagged in order to allow for the time gap it may take a state to establish its reputation as a major power.

With respect to foreign policy activity consistent with the attribution of great power status, it is exceedingly difficult to find appropriate measures of such activities over a long time span. Great powers distinguish themselves by the scope of their foreign policy interests and their willingness to pursue them assertively (Fordham, 2006). Major powers stand out as well for being centrally located with respect to other states, representing hubs of the international network (Singer and Small, 1966). We can estimate roughly over time these two notions by looking at interstate conflicts as measured by the COW Militarized Interstate Disputes (MID) project (see Jones, Bremer, and Singer, 1996; Ghosn, Palmer and Bremer, 2004), along with state centrality in the interstate system, assessed through alliance ties and memberships in intergovernmental organizations (IGOs). The former indicator is obtained from the Alliance Treaty and Obligation Provisions (ATOP) database (Leeds, McLaughlin Mitchell and Long, 2000; Leeds et al., 2002); the latter is derived from the COW Intergovernmental Organizations (COW IGO) data set, version 2.0 (Pevehouse, Nordstrom, and Warnke, 2004). The number of disputes, alliances, and IGO membership are lagged at the same intervals as the capabilities indicators.

Table 2: Multiple Event Estimates of Ascent to Great Power Status, 1816–2001

	Exit Cox Regression:	Entrance Cox Regression:	Exit Cox Regression:	Entrance Cox Regression:
	Time to First	Time to First	Time to First	Time to First
	Failure	Ascent	Failure	Ascent
CINC score	-10.338	11.505**		
	(10.81)	(.312)		

	Exit Cox Regression:	Entrance Cox Regression:	Exit Cox Regression:	Entrance Cox Regression:
Energy			-0.00007** (.00023)	1.65e-06** (1.81e-07)
Iron/Steel			.00023* (.0001)	-2.67e-06 (3.17e-06)
Mil Expend			2.72e-07** (9.16e-08)	-1.27e-08** (1.52e-09)
Mil. Personnel			.0005* (.0002)	-.00006 (.00004)
Population			-.00001 (.00002)	2.34e-06** (4.67e-07)
Urban Pop.			.00023 (.0001)	-.00001** (3.99e-06)
N Disputes	.254* (.125)	-.054** (.017)	.426* (.198)	.037* (.017)
N Alliances	.153 (.121)	.026** (.006)	.070 (.259)	.008 (.007)
N IGOs	-.121** (.043)	-.067** (.002)	-.191* (.092)	-.085** (.002)
Wald chi-square	18.93**	2840.29**	50.66**	2213.26**
N	1092	12998	1092	11099

* p >= .05; ** p <=.01; *** p <= .001

Table 2 illustrates the results showing all the models, with the independent variables lagged one year. As mentioned above, we use disaggregated capabilities first, and then COW's cumulative index of material capabilities. We employ absolute rather than relative values⁹. The results are expressed in terms of coefficients rather than hazard ratios. Three sets of results emerge from Table 2. First, we note that COW cumulative index of national capabilities is an imperfect, although important, indicator of status. The CINC index effectively predicts when states enter the major power club, but it fails to predict when great powers cease to be recognized as such. Second, not all of the individual indicators of capabilities drive the dynamic of major powers' rise and fall. Notably, increases in military indicators of capabilities suggest the presence of a declining major power that is struggling to preserve its position in the system. Conversely, concomitant increases in «peaceful» indicators of capabilities and decreases in

⁹ Other combinations using different lags and relative versus absolute capability values yield similar results

military indicators signal an established major power that is secure of its position in the international hierarchy. Clearly, the relationship between capabilities and status is mediated by the phenomenon of war. States lose their major power status after losing a war or become great powers in the aftermath of a victorious conflict. This second set of findings suggests to us that, while material indicators tell us a good portion of the «major power story,» major power status also depends on an external process of attribution — i.e., ascription — and that the COW major power status measurement can be improved if we explicitly incorporate such a process.

Finally, we note that the COW indicator of status neither clearly captures considerations about the centrality of great powers in the international system nor their peculiar foreign policy behavior. It is possible that methodological issues involved with the operationalization of key independent variables are flawed¹⁰. From a theoretical standpoint, it is plausible that we know far too little about the conditions under which states are designated as great powers by other states, and therefore our models are not predicting well either status gained or status lost. As we have indicated earlier, we believe that not enough is known about the process of external attribution of major power status. For all of these reasons we turn toward a closer look at the relationship between capabilities, behavior and the attribution of status in the most recent era, covering the Cold War and post-Cold War periods¹¹.

A Framework for Status Attribution

We assess again data on major power status by suggesting three criteria that should be salient for the attribution of major power status by states in the international system. First, states are likely to recognize in a handful of others unusual capabilities with which to influence the course of international affairs. This is recognition of major power *opportunity*, and it should be relatively unambiguous¹². Second, and equally unambiguous should be the recognition that some states are *willing* to act as major power by using their capabilities in a consistent and unusual manner to engage in international politics in order to effectuate the state of international affairs. We assume that the volume of capabilities and the extent of foreign policy actions are sufficiently different from «normal» capabilities and behaviors that they are easily monitored and detected by other states. Finally, to achieve recognition as a major power, a state needs to be perceived as engaging in efforts to influence the course of international affairs in a manner independent of other major powers. States may recognize that X has unusual capabilities and is very active, but if it is closely allied with Y, and follows Y's direction, it does not constitute an independent force in international affairs, and may not be attributed the same rank as Y.

¹⁰ The measures available for large spans of time for gauging capabilities and foreign policy behavior may be insufficiently sensitive to the vast changes that have occurred in the international system between 1816 and the present. IGOs have changed and their numbers have grown dramatically; so have alliance obligations. Economic size in the 20th century may function better to measure economic capabilities than iron and steel production or energy consumption. Military reach — more important than simply military capabilities — may be a better measure of great power status than either military spending or size of the armed forces (Rasler and Thompson, 1994; Fordham, 2006). Alliance, IGO, and dispute involvement are limited foreign policy behavior measures compared to more rigorous specifications of foreign policy activity that are not available for the era prior to the start of the Cold War.

¹¹ We note in Appendix B the COW specification for great power status after 1945, along with concerns raised flowing from Levy's (1983) definition of major power status.

¹² Note the relationship between overall COW CINC scores and the COW designation of major power status.

While these three conditions should be salient for identifying major power status, there may be a fourth dynamic at work. We assume that not all major powers are equal and the global conditions in which they conduct their affairs impact significantly on their relationships with each other. The strongest of them may successfully influence not only the course of international affairs in general, but as well have the capability and desire to influence the attribution of major power status by other states. At least two scenarios are likely, especially under conditions of high conflict or polarization in global politics. In one case, a very strong major power may work to create norms that pressure other states to privilege its major allies. Conversely, it may work to dissuade other states from privileging major powers that are in long-term conflict with its leadership. Likely, there are limits to its influence. Dissuasion strategies are unlikely to work against very strong states (e.g., the USSR) but may be more successful against less powerful states (PRC during the 1960s; East Germany through the Cold War). Persuasive efforts may run afoul when allied states don't perform as major powers (e.g., Japan through most of the Cold War). Nevertheless, it would be foolish to dismiss the potential impact that strong global powers may have on the attribution of status, and the distortions they may cause that could result in status inconsistencies.

Capabilities

We identify unusual amounts of state capabilities by focusing on both military and economic capacity. For military capabilities, we use a measure of military expenditures, and add a measure of military reach since we assume that military spending alone may not reflect the ability of major powers to reach outside of the neighborhood or the region. We operationalize military reach consistent with Fordham (2006), dividing military expenditures by military personnel. We believe that economic capabilities are better reflected in the modern era by the size of a state's economy and we use GDP as that measure. Military data are from COW; GDP are from Penn World Tables.

Foreign Policy Activity

We assume that states that «earn» major power status act must act accordingly, extensively engaging in an unusually broad variety of foreign policy activities. Major, powerful states have the capability to entice and to coerce, to engage in both cooperation and in conflict. Therefore, we look at the extent to which states engage in an unusual amount of both cooperative and conflictual activities. We utilize three data bases for this task: COPDAB, WEIS, and IDEA, covering events data between states from 1948–1978, from 1968–1978, and from 1990–2004. Events are scaled into cooperation and conflict dimensions, and we use both dimensions to reflect unusual amounts of foreign policy activity¹³. Unfortunately, the three data bases create a ten-year gap (1979–1989) in the time frame covered; we are not aware of another source to fill this hole in coverage.

Foreign Policy Independence

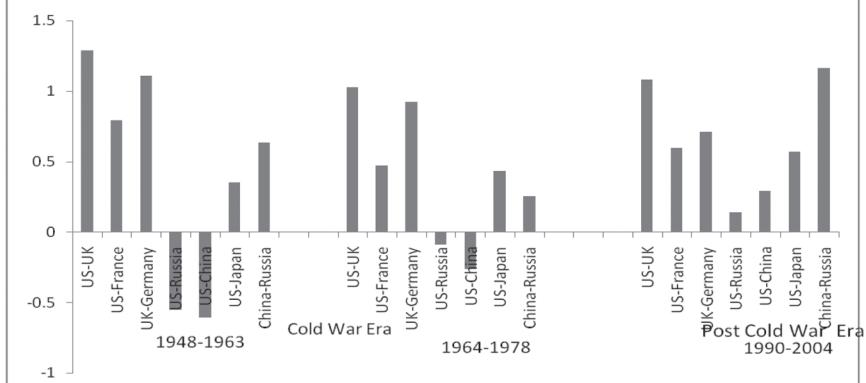
We assess the independence of foreign policy behavior by comparing states' foreign policy profiles. A state's foreign policy profile is comprised of all other states it interacts with, considering both the nature (conflict versus cooperation) and the intensity of that

¹³ Where WEIS and COBDAP overlap, we use the higher figures to identify patterns of unusual behavior.

interaction. These foreign policy profiles are then compared to one another by assessing the structure of their foreign policy profile vis-à-vis all other states. We form a square matrix, where each cell represents the actions of one country towards another. We then assess the structural equivalence of a state's foreign policy profile by performing row-wise correlations on the matrix. This produces a correlation coefficient, ranging from -1 to 1, representing the degree to which two states act in a similar manner towards all other states in the system. A value of 1 would indicate that two states have exactly the same foreign policy activity, while a value of -1 would suggest that states are acting towards the same set of states, but in opposite ways. Data on foreign policy behavior are drawn from the IDEA (Bond et al. 2003) and COPDAB (Azar, 1980) datasets. The IDEA data are weighted for intensity using the Goldstein Scale (Goldstein 1981); COPDAB has a built-in intensity scale. We compare the two time periods (Cold War and Post Cold War) using equal time intervals of fifteen years for the 1948–1978 and 1990–2004 time frames. The resulting foreign policy similarity (FPS) measure¹⁴ is transformed into Z-scores, relative to the annual global mean and standard deviation, in order to compensate for changing system size across the three time periods being analyzed. We expect to see policy similarity between major powers since they are likely to respond to similar events; we are searching for differences both in direction and emphasis in their foreign policy portfolios.

Figure 1 notes the foreign policy similarity scores for major powers during the three time frames. Note the high similarity scores for the Russia — China and the US — UK dyads, compared to other major power dyads in the post-Cold War period. The close relationship within the US — UK dyad is well illustrated across all three time frames.

Figure 1: zScores for Dyadic Foreign Policy Similarity Among Major Powers during Cold War (1948-1963, 1964-1978) and Post Cold War (1990-2004) Eras.

¹⁴ This measure is calculated using UCInet v. 6.202 (Borgatti et al. 2002).

Attribution of Status

Perhaps most difficult is the task of uncovering appropriate behavioral indicators of states attributing major power status to other states. We assume that these indicators should reflect choices made by states to seek routinized contacts with those they believe to be major powers and likely influence both international affairs and their security and well being. We use two measures that may reflect such attribution of status. One is structural: the establishment of embassies and legations in the capitals of major powers. We assume that the creation of infrastructure in the home territory of the major power is an indication of the value and importance of that power to other states¹⁵. Creation of such diplomatic structures is not unusual; we search however for an unusual number of such diplomatic contacts being created in certain states¹⁶. Second, we assume that state visits — directed at major powers by other states—are an indication of both the desire to consult with major powers, and also a reflection of the importance of the state to others. We excerpt from our events data all state visits received annually by each state; we are searching for unusual levels of such state visits being received by certain states.

We don't expect that either measure is sufficient by itself to reflect status attribution. However, a combination of the two may yield more satisfactory results, and meet the test of face validity. Additionally, the extent to which there is congruence among the two measures may give us an indication of inconsistent judgments made about a state's major power status (internal status inconsistency).

Critical to our approach is the operational definition of «unusual». In all three cases—Attribution of status, foreign policy activity, and capabilities — we operationalize «unusual» as that value which exceeds the mean value for all states by at least one standard deviation. We collect and report standard deviation counts annually for all states on all measures, and report them cumulatively; it is the *consistency* of standard deviations that represent unusual major power capabilities, behavior and attribution of status. In this manner we minimize «noise» emanating temporarily from a region or neighborhood in conflict. We demonstrate as well change in these values over time: when the cumulative standard deviation scores flatten, we are detecting the diminution of unusual values on a particular indicator; when they continue to rise monotonically over time, we are observing stability in the unusual value of the particular attribute being documented.

Criteria and Cases of Major Power Status

We assume substantial variation in the composition of capabilities, behaviors, and status attribution within the classification of major powers. At the lower end, there should be a threshold level, where status attribution is conferred, but below which a state is no longer considered to be a major power by other states. At the same time, there should

¹⁵ For an analysis of the variety of factors associated with diplomatic representation, see Neumayer, 2008.

¹⁶ We recognize as well that there are reasons other than the ones we note that may lead to such diplomatic contacts (Neumayer, 2008), and there may be «noise» in this measure. For example, Belgium has an unusually high number of diplomatic contacts received since Brussels houses the EU and the added costs of establishing diplomatic missions with Belgium are quite low.

be a minimum threshold level on capabilities and foreign policy behavior, below which a state is no longer a major power, irrespective of whether or not it receives the attribute of being one. Making this distinction in particular allows us to make judgments about status inconsistency among potential and actual major powers (*external status inconsistency*). At the same time, *internal status inconsistency* occurs when states attribute status of one type (diplomatic infrastructure) but withhold status of another type (state visits). Thus, to make judgments about the attribution of status and its correlates, we need a series of markers that are consistent with face validity: what we know about these states in the current era. But what can guide our markers when the correlations within or between different dimensions are less than perfect? We suggest a series of «rules» that identify different markers in the ladder of designation of major power and its status.

Rule 1 (The maximum power rule): *When a state demonstrates consistently unusual capabilities and foreign policy behaviors, and seeks to exercise independent influence on the course of global affairs, it will be consistently attributed major power status by other states.* The US since 1945 represents the one case where there should be little controversy over whether or not a state is a major power and is seen as such by other states. We should be able to show that it has had the opportunity and willingness to act as a major power, and in turn, is attributed major power status. Figures 2A and 2B demonstrate the US cumulative standard deviation scores for each of the three dimensions. The US meets or exceeds the criterion of one standard deviation on all of its capability, foreign policy activity, and status attribution measures for every observation available, demonstrating a perfect fit across the three dimensions. In terms of face validity, these observations represent the best case, with status attribution, capabilities, and foreign policy behavior mirroring expectations based on what we know of contemporary international relations.

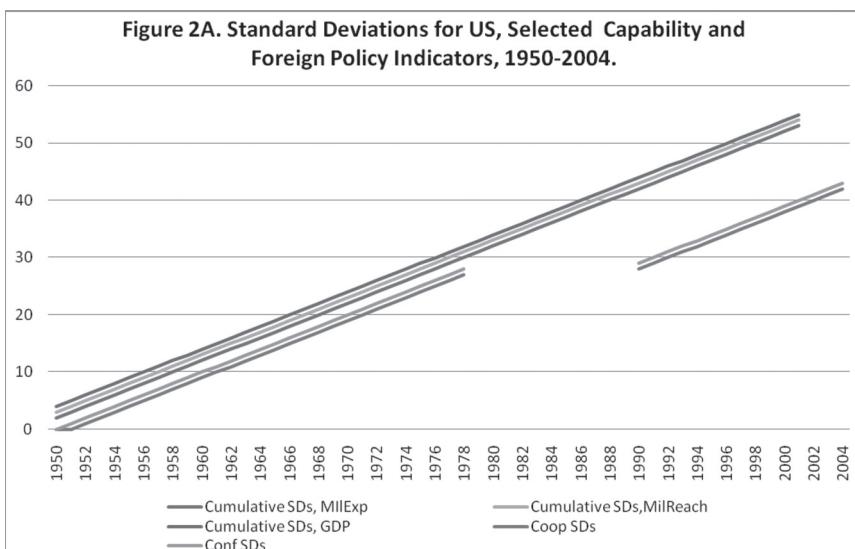
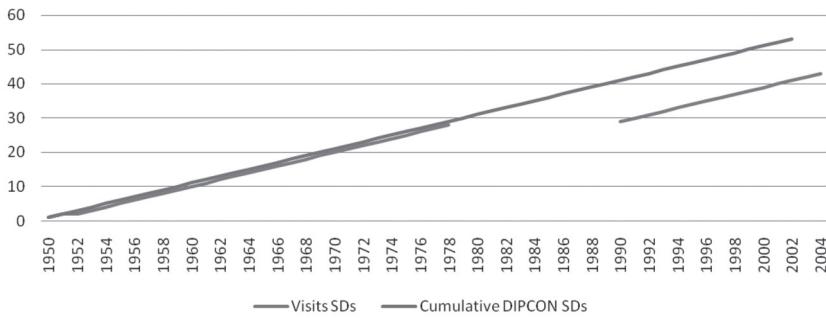
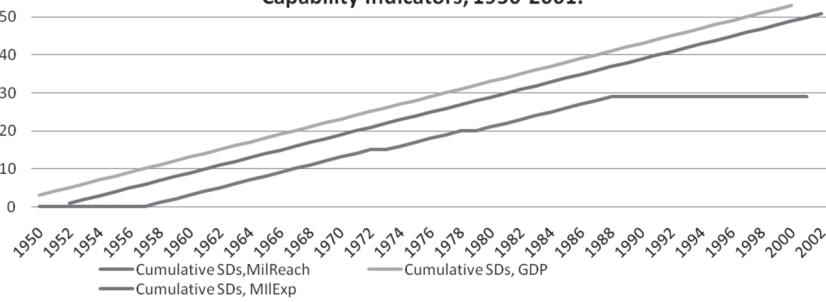

Figure 2B: Cumulative Standard Deviations, US Status Attribution Indicators, 1950-2004.

Rule 2 (The Minor Variation rule): Some variation in unusual capabilities should be acceptable for maintaining major power status as long as most attributes remain unusually strong, and there is a consistent demonstration of unusual amounts of independent foreign policy activity on both dimensions of conflict and cooperation. The Russian case should illustrate this rule. Although not as strong as the US (Volgy and Bailin, 2003), it was widely accepted as one of two superpowers during the Cold War, reflecting high capabilities, unusual foreign policy activity, and attribution of status by other states¹⁷. As the USSR disintegrated into the Russian Federation, capabilities substantially diminished, and especially its military reach, but not sufficiently so that it would violate the conditions of this rule. Russia should continue to keep its major power status as long as its foreign policy activity remains unusually active and there isn't a wholesale diminution of its capabilities.

Figure 3A: Cumulative Standard Deviations, USSR/Russia, Selected Capability Indicators, 1950-2001.

¹⁷ The fact that it was excluded from the G7 club until after the end of the Cold War likely reflects a combination of US to influence Cold War status norms along with some Soviet weaknesses in its economic capabilities.

Figure 3B: Cumulative SDs, Russia/USSR, Foreign Policy Indicators, 1950-2004.

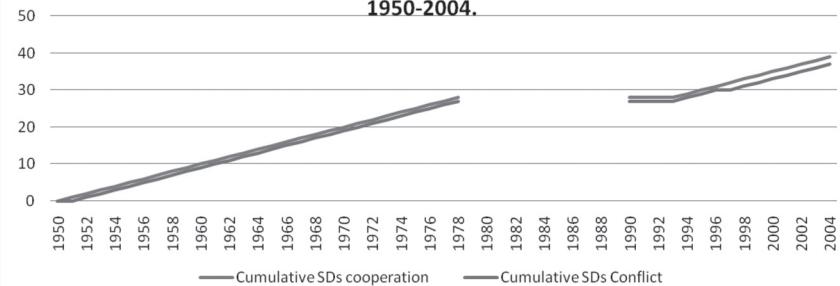
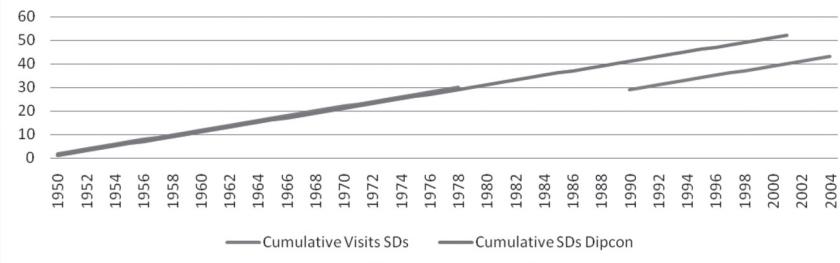

Figure 3C: Attribution of Status, Russia/USSR, Selected Variables, 1950-2004.

Essentially, these are the patterns noted in Figures 3A through 3C. After 1989 Russia remains strong enough to continue to display standard deviation scores compared to most states in the system. It is only in military reach that we see diminution from past patterns as the military reach standard deviation scores flatten, but foreign policy activity continues unabated, and other states in the system continue to attribute to it the status of a major power after the end of the Cold War. In fact the status attribution scores of both the US and USSR/Russia, along with their foreign policy activities appears as identical, even after the Cold War.

Rule 3 (The limited capabilities rule): *High economic capabilities are insufficient for status attribution; only in combination with military capabilities (expenditures and military reach) and multidimensional foreign policy activity will states consistently attribute major power status.* This rule is illustrated by the case of Japan, as noted in Figures 3A through 3C. Despite substantial GDP scores that start in the late 1950s (Figure 4A), status attribution scores (Figure 4C) begin in the mid-1980s¹⁸, evidence consistency by 1990, as they parallel increases in military capabilities and substantial cooperative and conflictual foreign policy behaviors (Figure 4B).

¹⁸ According to Levy's criteria of attribution, Japan's record is mixed with membership in the G7 but not a permanent seat in the UNSC. COW attributes major status to Japan starting in 1990.

Figure 4A: Cumulative Standard Deviations, Japan, Selected Capability Indicators, 1950-2001.

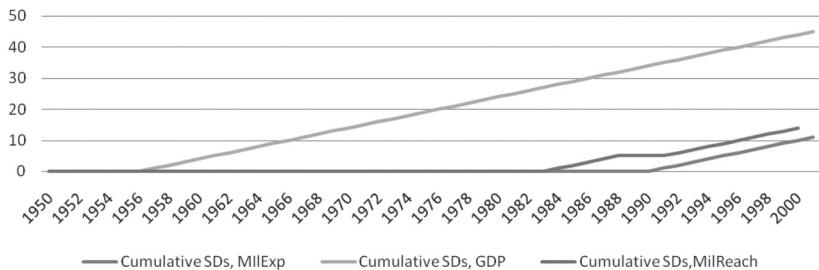

Figure 4B: Cumulative Standard Deviations, Foreign Policy Activity, Japan, 1953-2004.

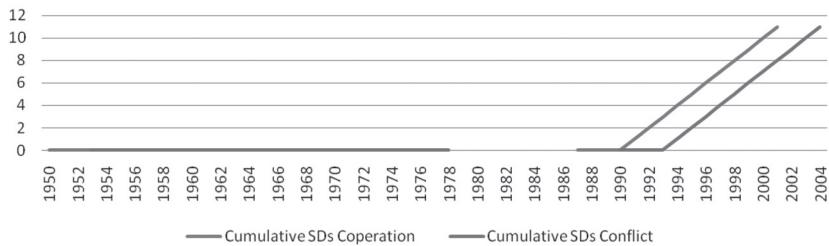
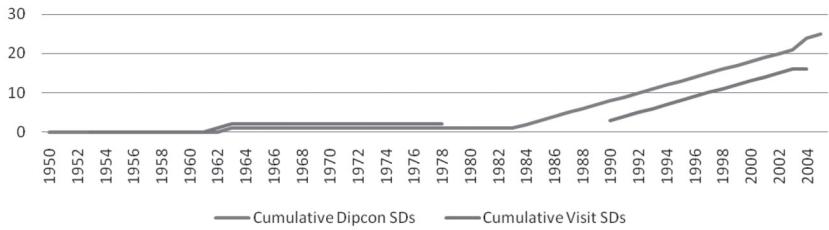

Figure 4C: Cumulative Standard Deviations, Japan, Status Attributes, 1950-2004.

Japan, Russia, and the US illustrate cases of internal status consistency: measures of status attribution work in tandem when measures of foreign policy behavior and capabilities exhibit patterns consistent with the activities and resources associated with great powers. We now turn to two conditions when major power behavior will likely create status inconsistency.

Rule 4 (Unidimensional foreign policy may be insufficient for status rule): When major powers fail to consistently demonstrate both cooperative and conflictual foreign policy behaviors, they will generate inconsistent status attribution from other states. Given our definition, a state that has the capacity to act as a major power yet engages primarily in conflictual or cooperative behavior may not be meeting the expectations of other states in the international system,

including whether or not it truly has the capability, or the willingness to engage in both types of behaviors consistently. Two states—Germany (Figures 5A-5C) and China (Figures 6A-6C)—demonstrate unusual amounts of foreign policy activity over time, but unlike the previous cases, one is primarily cooperative (Germany) while the other is primarily conflictual (China), until near the end of the Cold War. Whether these preferences for cooperative or conflictual behavior is one of opportunity or willingness is not demonstrable from the data, although assuming that very high levels of (and very diverse) capabilities are needed to exercise high volumes of both cooperation and conflict, we note that the capability indicators for both appear quite mixed.

Figure 5A: Cumulative Standard Deviations, Germany, Selected Capability Variables, 1950-2001.

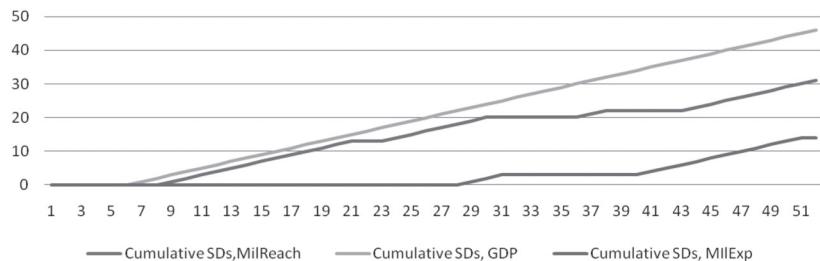

Figure 5B: Cumulative Standard Deviations, German Foreign Policy Indicators, 1953-2004.

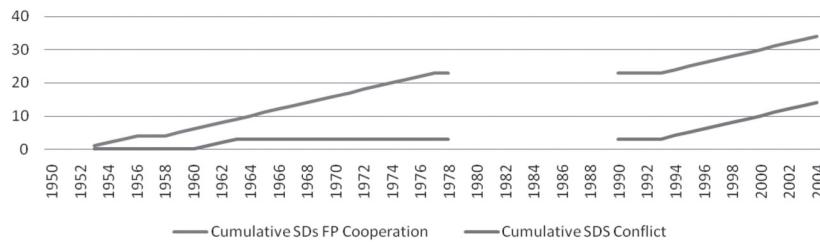
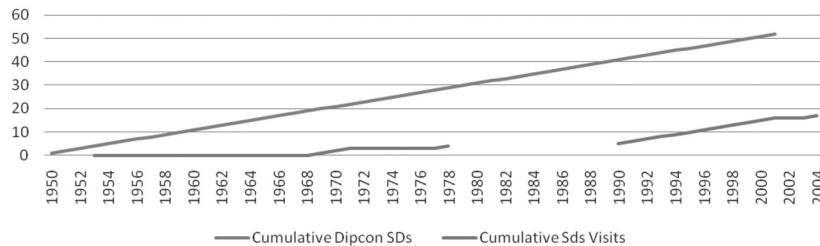

Figure 5C: Cumulative Standard Deviations, Germany, Attribution of Status Indicators, 1950-2004.

Consistent with rule #4, status attribution is mixed in both cases. China's high conflict behavior until near the end of the Cold War results in unusual levels of state visits/consultation, but limited diplomatic contacts, while the opposite holds for Germany. However, once both cooperative and conflictual foreign policy activity begin to move in tandem for both states, the inconsistency in status attribution measures disappears. If the threshold of major power status attribution is set at requiring the elimination of internal status inconsistency, then Germany may have qualified for major power status before the end of the Cold War but China would not have until the early 1990s. The designation of Germany would predate the COW status measure. The assessment of status attribution for China differs substantially from COW's designation of the PRC as having major power status starting as early as 1950¹⁹. Given that major powers need both military and economic reach, apparently neither Germany nor China achieve that threshold during the Cold War, and despite high levels of conflict behavior, the Chinese military reach measure fails to register even after the Cold War, reflecting significant (external) status inconsistency.

Figure 6A: Cumulative Standard Deviations, China (PRC), Capabilities, Selected Indicators, 1950-2001.

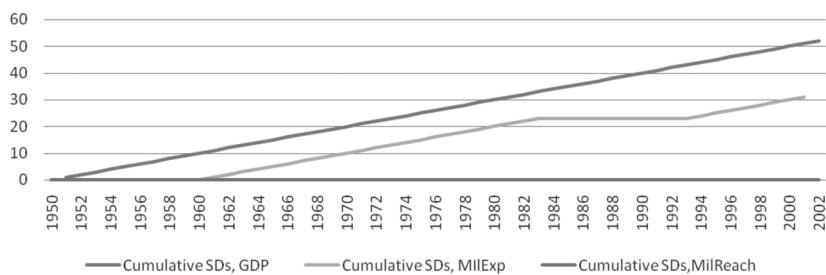
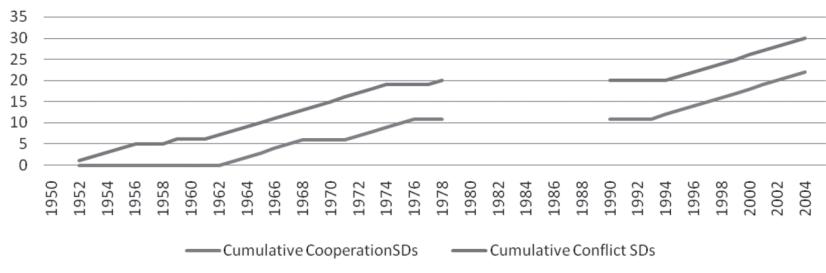
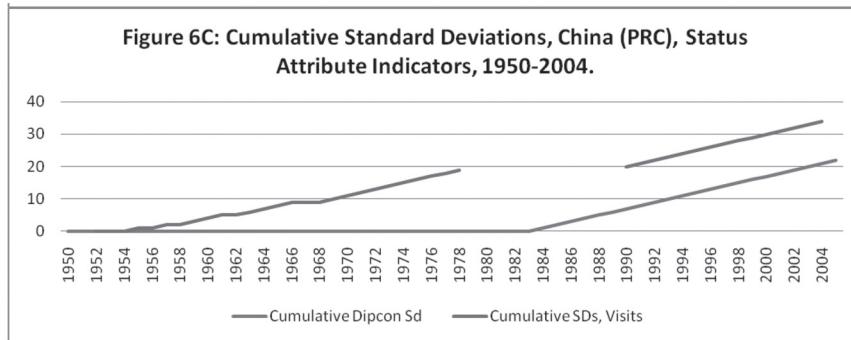

Figure 6B: Cumulative Standard Deviations, China (PRC), Foreign Policy Indicators, 1950-2004.

¹⁹ See Feng (2008) who argues that Chinese foreign policy makers did not seek such status until the mid-1980s.

It is plausible that the mixed signals received from the status attribution measures for these two states are only partly a function of their foreign policy behaviors and mixed capabilities. Clearly, both were caught in Cold War bipolar dynamics through 1989. The dominant state during that era was the US and its dominance influenced in significant part the attribution of a variety of factors, including the structure of diplomatic contacts between states. We would expect that Germany, as a critical US ally would receive an unusual amount of diplomatic contacts, compared to China, while China would receive more state visits since Germany was seen as a less than equal partner of the US in East-West relationships. This point suggests the following rule:

Rule 5 (Major power autonomy rule): *Major power independence is more likely to be rewarded by consistent status attribution than foreign policy collaboration with other major powers.* We assume that states attribute major power status to those that not only have the capability to act as one and demonstrate unusual involvement in global affairs, but in addition seek to exert influence on the course of international affairs, in a manner *independent* of other major powers in the system. For example, states seen as major powers in bipolar systems that also appear to be independent of the dominant polar leaders are likely to enjoy more status than states closely allied to dominant states.

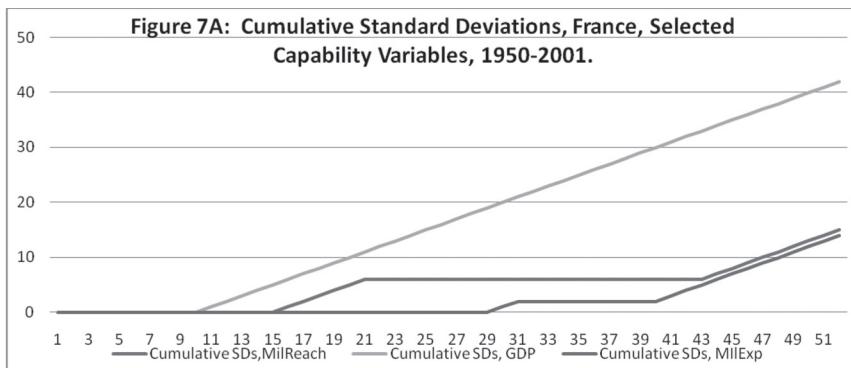

Figure 8A: Cumulative SD Scores, UK, Selected Capability Variables, 1950-2001.

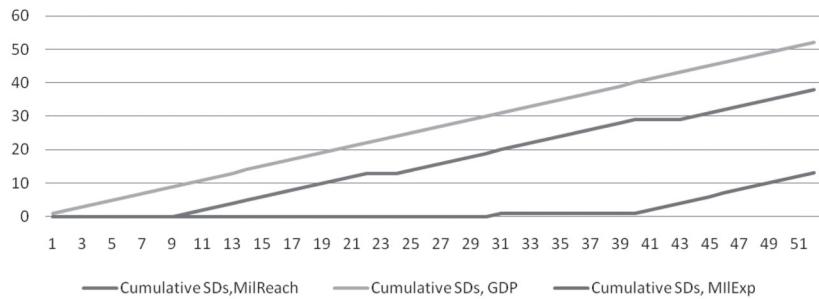

Figure 8B: Cumulative Foreign Policy Standard Deviations, UK, 1950-2004.

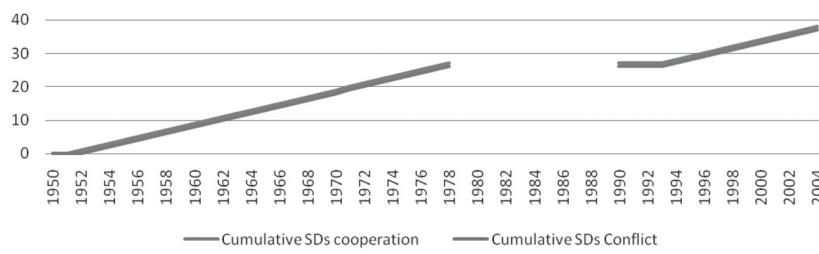
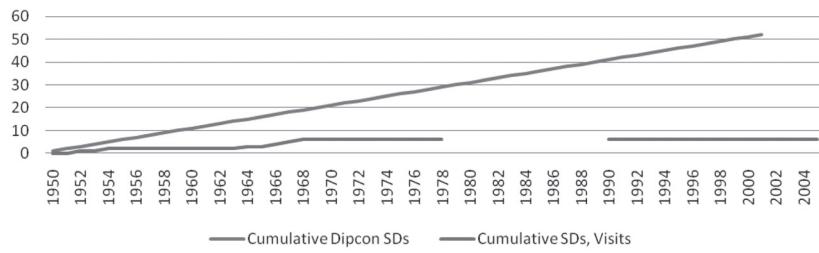

Figure 8C: Cumulative Standard Deviations, UK, Status Measures, 1950-2004.

The cases above are not very useful for illustrating this rule; a comparison of status attribution for France and the UK, with very similar capabilities and similar volumes of foreign policy activity, can highlight this issue better. The UK remained a close ally of the US while France distanced itself from US leadership in the Cold War. The foreign policy portfolio scores in Figure 1 demonstrate that the UK — US dyad is substantially more similar than any other major power dyad during the Cold War and remain substantially closer than the US — France dyad during and after the Cold War.

While the COW status measure indicates that both qualify as major powers through most of the Cold War, our status attribution measures indicate consistency of status for France, but not for the UK (Figure 7C versus Figure 8C). This difference occurs, despite the fact that both states exhibit virtually behavioral and capabilities patterns during the Cold War (Figures 7A and B; 8A and 8B). Note that status inconsistency remains for the UK after the end of the Cold War, corresponding with its continued close relationship to the US after 1989.

Where is the threshold though, below which a state no longer qualifies as a major power and receives insubstantial major power status? We observed some partial «below the threshold» outcomes for Germany and Japan that were later «corrected» and the two joined the major power club. The following rule is suggested for those that don't quite make it across the threshold:

Rule 6 (The Insufficiency Rule): States that fail to meet the minimum threshold to qualify as having major power status a) exhibit not only inconsistent attribution of status, but exhibit virtually no attribution consistently on at least one measure of status; and b) are characterized by inconsistent capabilities (e.g., high economic capabilities but low military capabilities) or insufficient foreign policy activity (or both). To illustrate this rule, we focus on the one state that has been dropped from major power status (Italy), and two others that are part of the BRIC group (Brazil and India). None of the three are considered as having major power status globally, although regional major power status may be more appropriate for both India and Brazil.

Figure 9A: Cumulative Standard Deviations, Italy, Selected Capability Variables, 1950-2001.

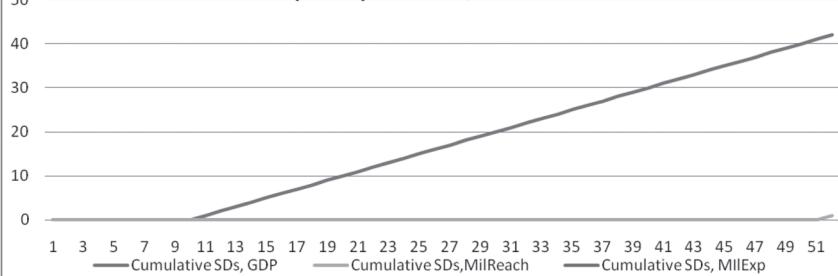

Figure 9B: Cumulative Standard Deviations, Italy, Foreign Policy Measures, 1960-2004.

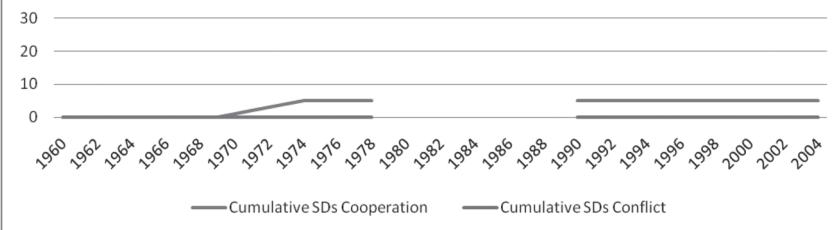
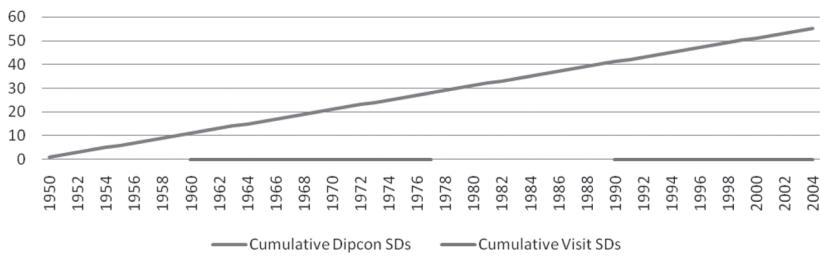
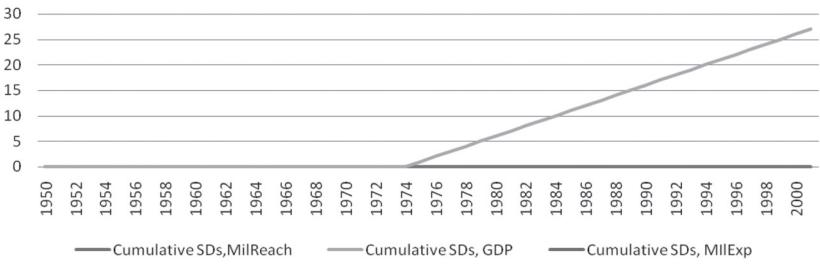

Figure 9C: Cumulative Standard Deviations, Italy, Status Attributes, 1950-2004.

The Italian case is presented in Figures 9A through 9C. Its status attribution scores are consistent with Rule #6: while it ranks consistently high on diplomatic infrastructure (Figure 9C), it does not meet a one standard deviation threshold on state visits and consultations at any point in the entire period of assessment²⁰. Italy also fails to act as a major power (Figure 9B), and its unusual capabilities are limited to economic size (Figure 9A), as it fails to register on any of the military measures. The Brazilian case is illustrated in Figures 10A-10C, and clearly shows that while Brazil may act as a regional power, it exhibits none of the status characteristics attributed to global major powers (10C), nor the foreign policy behaviors associated with them (10B). Only on its capability measures (10A) does it begin to approximate the early stages of a major power, but even here, the indication is based on the size of its economy and not on any of its military capabilities.

Figure 10A: Cumulative Standard Deviations, Brazil, Selected Capability Measures , 1950-2001.

India presents a more intriguing and nuanced case of states falling below the threshold level defined by Rule #6. Its status attribution falls below the threshold levels specified for diplomatic structures established in India; its pattern exceeds the mean for states by one standard deviation (sd) only 20 percent of the time frame, and there is little consistent upward movement over the last decade. Its state visits attribution is more robust at 51 percent of sd's for the time frame but this measure is both inconsistent over time, and inconsistent compared to its diplomatic contacts

²⁰ The consistent scores on diplomatic contacts for Italy are partly due to its history prior to WWII, but more so due to the location of the Vatican in Rome, allowing other states at very low cost to set up diplomatic infrastructure in one capital to address both entities. This is not dissimilar to the high diplomatic contact rate for Belgium as Brussels houses the EU.

(Figure 11C). Rule #6 is also violated on the capability dimension (Figure 10A): while it has a large economy it fails to register either on military expenditures or military reach. It is only on its foreign policy measures (Figure 11B) where there is a suggestion of major power behavior, with both unusual amounts of cooperative and conflict behaviors until 1978 (but not after 1989)²¹.

Figure 10B: Cumulative Standard Deviations, Brazil, Foreign Policy Measures, 1955-2004.

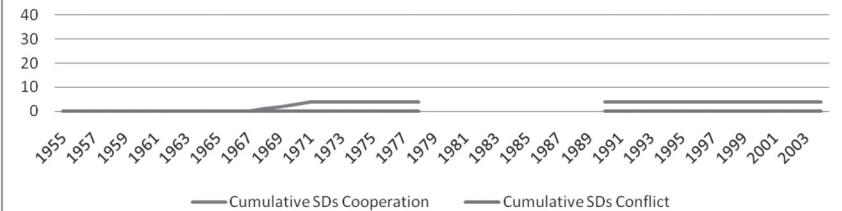

Figure 10C: Cumulative Standard Deviations, Brazil, Status Measures, 1950-2004.

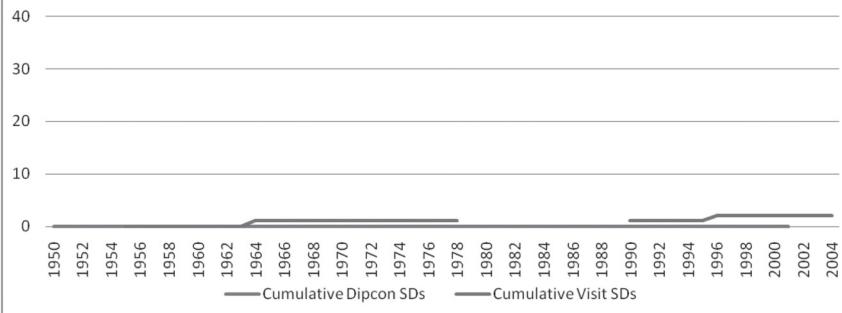
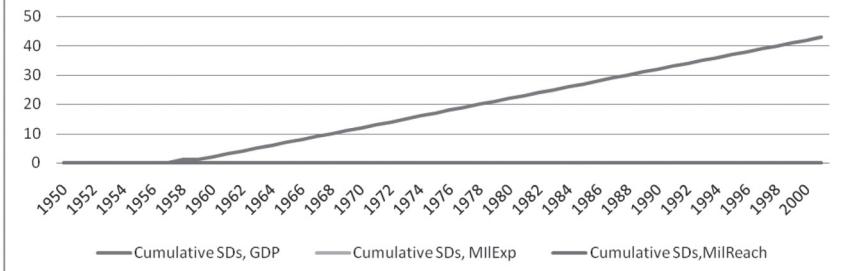

Figure 11A: Cumulative Standard Deviations, India, Selected Capability Variables, 1950-2001.

²¹ We expect that the 1958–1978 foreign policy patterns are associated with the Indian-Pakistani and Indian-Chinese rivalries, and contained primarily in the region rather than globally.

Figure 11B: Cumulative Standard Deviations, India, Foreign Policy Indicators, 1950-2004.

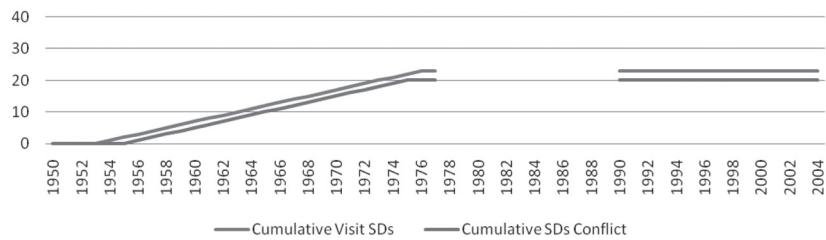
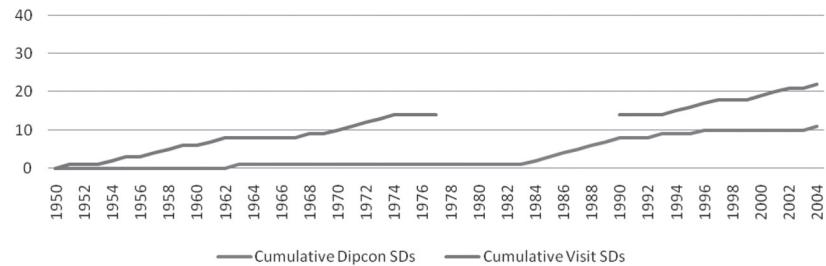

Figure 11C: Cumulative Standard Deviations, India, Status Attributes Measures, 1950-2004.

So What? Implications for International Politics

Our exploration of the behavioral manifestations of status attribution, capabilities and foreign policy activity after World War II has yielded a different mix of membership in the major power club than indicated by the traditional COW measure of major power status. Table 3 suggests at least three types of differences between ours and the COW classification. The first is with respect to membership and time of entry into the club. COW indicates a Cold War membership of five major powers (China, France, USSR, UK, and US); we show one less (UK), and a much later timing for China than COW. Given how few major powers exist in any single time period, these differences are not insignificant (e.g., our membership is 40 percent lower than COW's until at least the mid-1980s).

Table 3. Major Powers Status Club Membership, post World War II

STATE	Time Period	New Status	COW Status	Type
China	1950–83	NO	Yes	(internal status inconsistency)
China	1984-present	YES	Yes	Mixed capabilities

STATE	Time Period	New Status	COW Status	Type
France	1950–1990	YES	Yes	Mixed capabilities
France	1991–present	YES	Yes	Maximum
Germany	1950–1992	NO	No	(internal/external status inconsistency)
Germany	1993–present	YES	Yes (1991)	Maximum
Japan	1950–85(?)	NO	No (to 1990)	(mixed capabilities/no status)
Japan	1986(91)–present	YES	Yes (1991)	Mixed capabilities
Russia/USSR	1950–1986	YES	Yes	Maximum
Russia/USSR	1987–present	YES	Yes	Maximum diminishing
UK	1950 to present	NO	Yes	(internal status inconsistency)
US	1950 to present	YES	Yes	

Second, we have some markers to indicate criteria of exclusion versus inclusion from the club. As Table 3 illustrates, for two states marked by COW as having major power status, we find internal status inconsistency (UK; China until at least 1984). The markers we propose should help account for why certain states don't get accorded major power status at certain times but are given that attribution later. Note the cases of Germany and Japan: COW seems to indicate some automatic process by which they receive major power status as soon as the Cold War ends. Our data indicate that neither qualified as having such status until near the end of the Cold War, due to their capabilities and behavior, and it is changes in both that leads to the reestablishment of status rather than just the end of the Cold War or «forgiveness» of their loser status in WWII.

The markers also help in identifying the extent to which ongoing controversies about major power relationships may be about possible clashes between major powers versus potential future clashes. Note the case of China, which we label as having mixed major power capabilities, although it does receive major power status after the end of the Cold War. Its graph illustrates extensive Chinese military spending, while its military reach has yet to develop to the point where it registers on the graph in 2004 (and would barely register as of this writing). China appears to represent a case of a state receiving more major power status than its aggregate capabilities would warrant, a point underscored even by the nature of official hand-wringing in the US about its intentions²².

Finally, the markers help to distinguish between different types of major power status relationships. Not all major powers are equal, nor are they likely to have the same impact on international politics. Table 3 suggests a classification of major power type

²² US assessments (Lague, 2008) about increased Chinese defense spending see the Chinese military «threat» in terms of having only enough reach to fight successfully over Taiwan and in East Asia (Shanker and Sanger, 2005), but not globally.

based on these markers; while we recognize the roughness of the classifications, we believe that they may have some consequences for how these states impact the nature of international politics.

Table 4. Logit Analysis of the Effects of Major Power Status and Militarized Interstate Dispute (MID) Initiation, 1950–2001

Major Power Status (COW)	0.246 (0.205)		
Revised Major Power Status		-0.541* (0.233)	
Status Inconsistency			1.174*** (0.350)
Capabilities	24.859** (3.087)	29.405** (2.902)	24.115** (2.453)
Democracy	-0.009* (0.004)	-0.008* (.004)	-0.009* (.004)
# of borders	0.095*** (0.010)	0.099*** (0.010)	0.097*** (0.010)
Peace years	-0.918*** (0.051)	-0.918*** (0.051)	-0.912*** (.051)
Spline 1	-0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)
Spline 2	-0.069*** (0.006)	-0.069*** (0.006)	-0.069*** (0.006)
Spline 3	0.014*** (0.001)	0.014*** (0.001)	0.014*** (0.001)
Constant	-0.222*** (0.078)	-0.257*** (0.078)	-0.241*** (0.077)
N	7475	7475	7475
Log likelihood	-3732.611	-3730.749	-3725.904
Pseudo R-squared	0.269	0.269	0.270

We use the markers noted in Table 3 to delineate differences between major powers and especially regarding the attribution of status. If status and status inconsistency matter, then we should find traces of it in the ways that major powers respond to conflicts in international politics. We look at when major powers initiate militarized responses to interstate disputes (MIDS), and suggest two hypotheses. The first is that states receiving major power status from other states are able to resort to a broader variety of means in addition to militarized options to achieve their objectives. This proposition finds some support in Table 4, showing that even controlling for capabilities, the relationship between

our measure of major power status and the initiation of militarized interstate disputes by major powers is negative and significant.

Our second hypothesis explores further the consequences of status attribution: we expect that major powers that receive inconsistent status attribution are more likely to initiate militarized interstate disputes than major powers with consistent status attribution²³. Table 4 illustrates that status inconsistency is associated with a higher level of militarized dispute initiation than for status consistent major powers. Note that the COW measures of status in Table 4 are insignificant, presumably failing to distinguish between major power capabilities versus the actual attribution of status to these powers²⁴.

The relationship between status inconsistency and MID initiation appears even more robust when we consider the results obtained from our event history models in Table 2. Our analysis in that table demonstrated that a major power's increases in its military expenditures is related to exiting the major power club. Initially we posited that increasing military expenditures is likely to be a symptom of a major power attempting to maintain its place within the international system. This initial hypothesis seems to be supported by the finding that status inconsistent major powers appear to initiate dyadic militarized conflict with a greater probability than normal for status consistent major powers. These attempts are likely to result in more forceful actions as other avenues of foreign policy are either less available or less effective. The two findings provide additional validity to our measures and conceptualizations of status consistent and status inconsistent major powers.

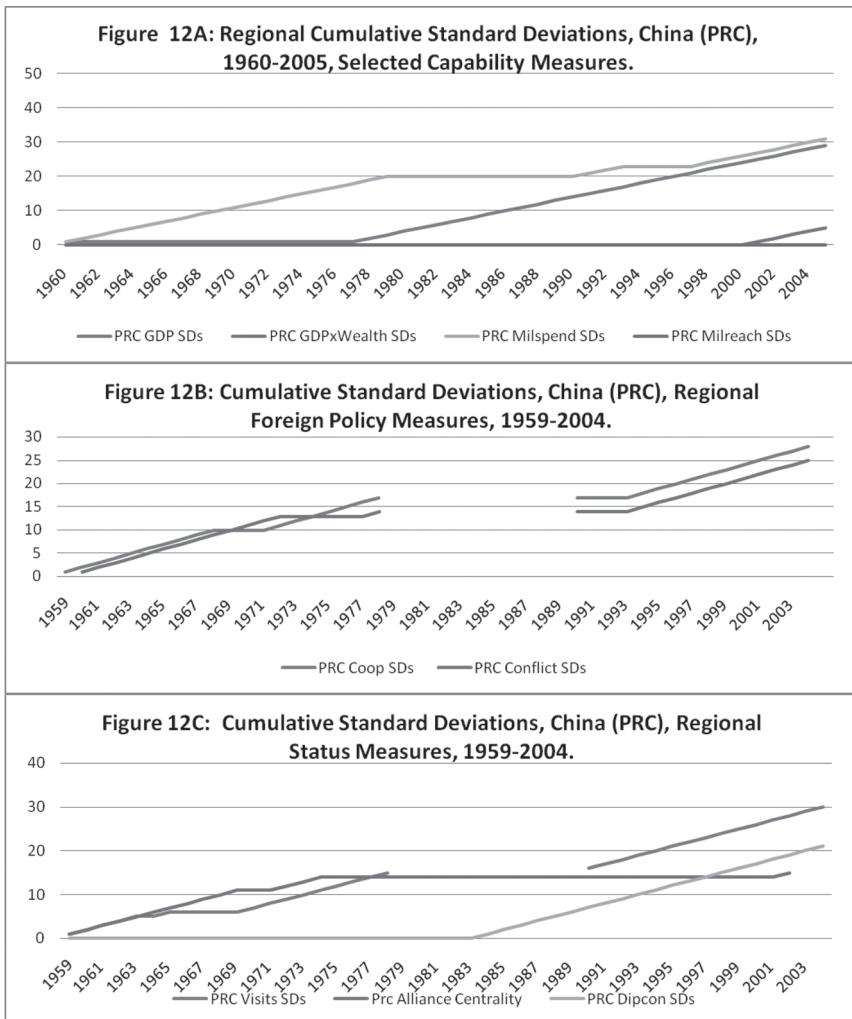
Regional versus Global Powers and the Attribution of Status

So far, we have addressed the issue of major power status in a global context: the extent to which certain states contest globally over the contours of international affairs and are accorded global major power status by other states. Yet, we know that while global powers seek to influence global affairs and regional affairs, at the regional level there are other powers contesting over the course of affairs and it is the more immediate environment of the region in which states function that is highly salient for their well being. For instance, despite the era of globalization, substantially more regional and sub-regional organizations are created than global or inter-regional organizations (Volgy et. al, 2008) and despite a strong global trading regime, most trading agreements are regional and local in character. Therefore, in this section we shift the analysis to delineating the nature of regional major power status.

We assume that the achievement of regional and global major power status are not necessarily the same. While a state that has capabilities to achieve global power status will also have sufficient capabilities for regional status, it is not necessarily the case that it will act as a regional major power, nor that other states in the region will attribute to it that status. Conversely, few regional powers can act also as global powers.

²³ We measure status inconsistency using a dummy variable indicating whether a state meets some of the material or ascriptive requirements for major power status in accordance with rules #3 through #6 but excluding those meeting requirements of rules #1 and #2.

²⁴ We suspect that this may be the case: when we pull capabilities from the model in Table 4, the COW measure of status becomes significant.

We hope to identify eventually major regional power status in all regions of international relations for the period spanning the Cold War and post-Cold War periods; however, as a first step we restrict our analysis here to Asia²⁵. Our empirical approach to major regional power status

²⁵ We are well aware of the enormous controversies in the literature over what constitutes a region. Concerning Asia, for instance, a recent work on security relationships between regions and the US (Kolodziej and Kanet, 2008) separates the geographical entity of Asia into no fewer than four distinct «regions». We assume that a region is defined by geography and a combination of other values that are driven by the nature of the research question(s) being asked. In this instance, since we are looking at major powers that are by definition able to span a continent, we focus primarily on the geographically determined, large regions.

is similar to delineating global major power status in that we seek to identify states that possess unusual amounts of military and economic capabilities, demonstrate unusually active foreign policy behaviors, and receive attribution of status in return. Again, we measure military spending and military reach, along with economic size, but add a new variable, economic flexibility, which is the size of the economy multiplied by wealth²⁶. Foreign policy activity is measured as earlier, but applied only to interactions between states in the region. Our status attribution measures include state visits, diplomatic infrastructure, and in addition, we assess as well the centrality of regional alliance relationships, as an additional check on major power status²⁷.

Figure 13A: Regional Cumulative Standard Deviations, Japan, Selected Capabilities, 1960-2005.

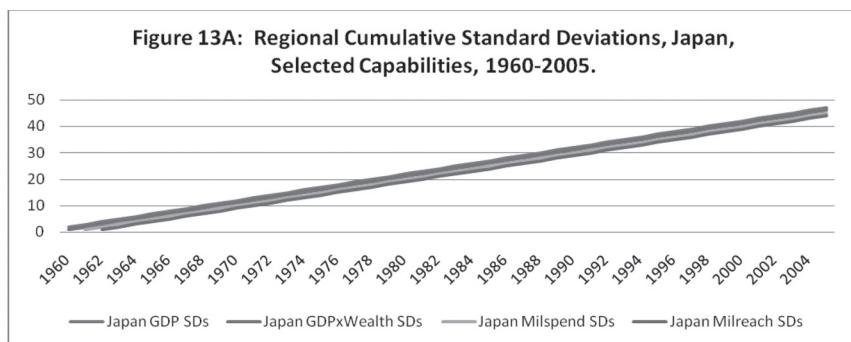
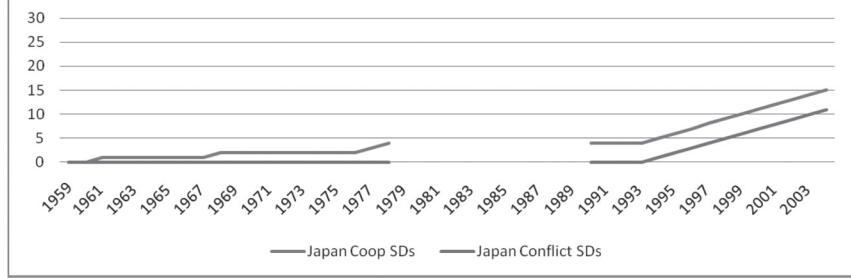
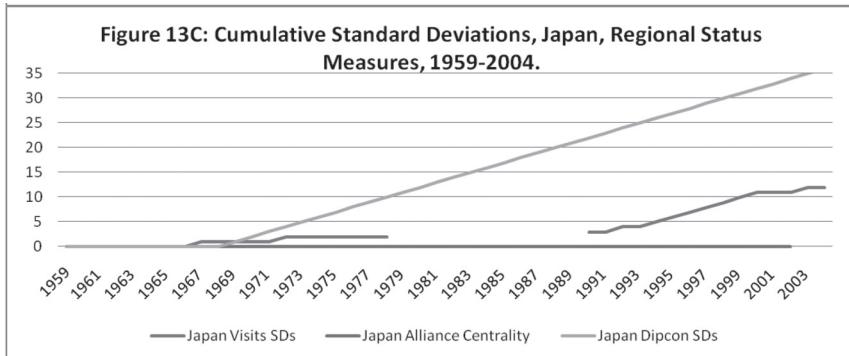

Figure 13B: Cumulative Standard Deviations, Japan, Regional Foreign Policy Measures, 1959-2004.

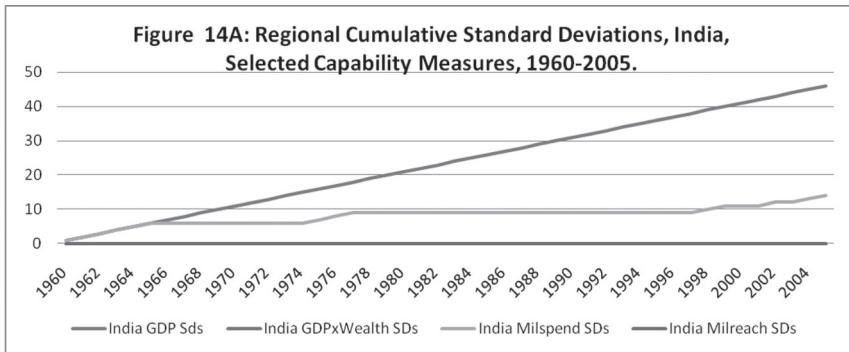

²⁶ We introduce this measure at the regional level since some regions contain as few as 25 states, and a few large economies may distort economic relationships, by simply reflecting large populations. The variable we create provides an indicator of economic flexibility, by multiplying size and wealth, assuming that a large economy that contains substantially large poverty is less amenable to foreign policy objectives than a large economy in a wealthy society. We gratefully acknowledge Chansuk Kang's contribution in developing the capabilities data for Asia.

²⁷ Measures of alliance centrality are calculated using the ATOP data. Here, we rely on the simplest measure of network centrality, degree centrality, which represents the extent to which a given actor is directly connected to another within the network (Wasserman & Faust 1994). These measures are calculated using Maoz's Social Network Program <http://psfaculty.ucdavis.edu/zmaoz/networks/netsoftware.html>, which facilitates the calculation of various network measures for longitudinal data. Alliance centrality represents the extent to which a given state is involved in some form of alliance with other members of the regional system. We standardize centrality scores relative to system size. Those most central in the alliance systems are identified by comparing the average involvement and variability in the network, to each state's individual centrality, identifying those with unusually elevated participation in military alliances.

Our analysis for the post-World War II period indicates that three states in Asia possess unusual attributes that may qualify them as major regional powers: China (PRC), India, and Japan. Of the three, Japan consistently demonstrates unusual capabilities across the entire period, indicating attributes that consistently rank it at least one standard deviation above the mean capability scores of Asian states on both economic and military dimensions (Figure 13A). China demonstrates a more mixed picture, with relatively high military spending but military reach that remains under the standard deviation radar, and while its GDP scores appear substantial, they are mitigated domestically by a very large population characterized by substantial poverty until well into the post-Cold War era (Figure 12A). India initially demonstrates higher economic capacity than China, and continues to have unusual economic capacity throughout the entire period, but its military spending barely registers over the threshold, and neither its economic nor military reach show up on the graph (Figure 14A).

The foreign policy activities of these three states show three different patterns. China engages in unusual foreign policy activity toward the region throughout the entire period, and (unlike at the global level during the Cold War) consistently so on both cooperative and conflict dimensions (Figure 12B). Japan appears to orient much of its activities outside of the region until the end of the Cold War, and does not demonstrate much of a consistently unusual degree of foreign policy involvement with Asia until after 1990 (Figure 13B). India behaves toward the region during the Cold War era in a pattern similar to China and in terms

of what would be expected of a regional power. After the end of the Cold War, however, its unusual regional focus flattens through the first decade and doesn't begin to exhibit again unusual levels of activity toward the region until the start of the 21st century (Figure 14B).

Figure 14B: Cumulative Standard Deviations, India, Regional Foreign Policy Measures, 1959-2004.

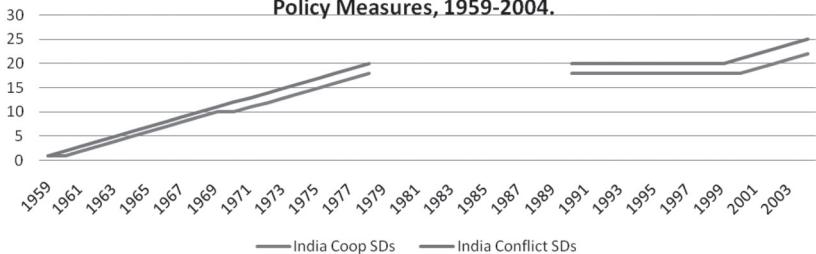
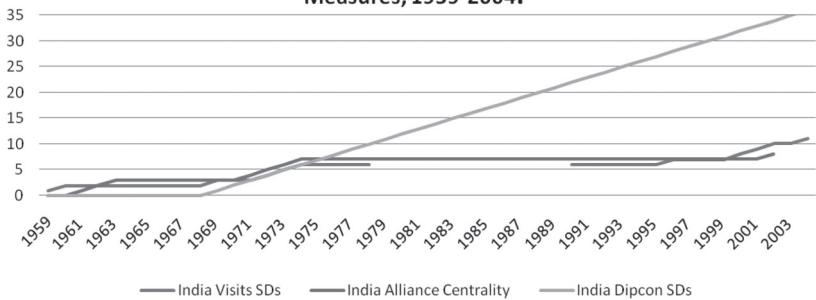

Figure 14C: Cumulative Standard Deviations, India, Regional Status Measures, 1959-2004.

Asian status attribution measures indicate a diverse pattern of status granted to these three states. Least sensitive and most common is the attribution of formal status through diplomatic exchanges, showing consistently unusual amounts of diplomatic contacts for all three, with unusually high attribution to Japan and India starting in 1970 and to China starting roughly a decade and half later. For China (Figure 12C), there appears to be substantial internal status inconsistency during much of the Cold War period with high level state visits, unaccompanied by formal diplomatic contacts, but matched by a high level of regional alliance centrality. The post Cold-War era illustrates a much closer pattern of both state visits and diplomatic relationships, although alliance centrality flattens until very late in the time frame. The latest data points suggest a clearer resolution of status relationships for China in the second half of the last decade.

The pattern of regional status recognition is quite different for Japan (Figure 13C). Apart from formal diplomatic recognition, its pattern displays virtually no unusual state visits until after the Cold War, when the two indicators finally march in tandem. Japan, however, exhibits none of the alliance centrality that would be normally expected of a major regional power.

The Indian status attribution measures (Figure 14C) suggest another pattern still. Although receiving substantial formal diplomatic contacts from the region through most of the period, its alliance centrality and state visit scores show the awarding of very limited status and the three dimensions do not exhibit consistently until again very late in the series. Given its pattern of very active involvement in the region during the Cold War, India's pattern also exhibits considerable status inconsistency both internally and externally.

In general, the regional status attributes measures, in combination with foreign policy activity and capability scores for these major powers indicate a region of substantial status inconsistency for very strong states, until around the early to mid part of the first decade of the 21st century. This should come as no surprise. Apart from the major regional powers, both Russia/USSR and the US have actively participated in the region as major outside powers, and often through close proximity with Asian allies. Both Russian and American «boots» have consistently appeared on Asian soil, and at least one of these outside major powers have been involved with conflicts as diverse as Afghanistan, Vietnam, Korea, and the survival of Taiwan. The US in particular had worked with Japan (and at times against it) to veto regional arrangements not to its liking (e.g., Rapkin, 2001), and helped to create regional norms reflecting Cold War divisions and realities.

Meanwhile the region has been dominated by substantial major power rivalries, including Sino-Soviet, Sino-Indian, Indian-Pakistani and Sino-American. While not solely attributable to this phenomenon, the extent of conflicts within Asia correspond well to the status inconsistencies noted for major powers, and consistent as well with our findings at the global level regarding the relationship between status inconsistency and the initiation of MIDs involvement by major powers.

It appears as well that the present decade should witness the elimination of status inconsistency for all three regional powers. The various measures of status attribution parallel not only each other but as well both capabilities and foreign policy behaviors in the region for both India and China. If any status inconsistency remains, it may be plausible in the case of Japan, which, although holding extensive capabilities, and now actively engaged in the region, continues to lag compared to India and China in regional alliance centrality. Whether this lag is a function of Japanese reluctance to commit its foreign policy orientation to the regional level, or as a result of the growing contestation for leadership with China in Asia (Nabers, 2008), still remains to be seen. In either case, the substantial reduction in status inconsistency within the region should augur well for reduced conflict between these states in the near future.

APPENDIX A: Conceptual and Operational Differences in Identifying Great Powers, Selected Literature

AUTHORS	CONCEPT/DEFINITION	OPERATIONALIZATION
Corbetta (2006)	Major power STATUS = ascription of major power status on certain states, regardless of their material capabilities	Major power status as identified by COW

AUTHORS	CONCEPT/DEFINITION	OPERATIONALIZATION
Fordham (2006)	Major power = «foreign policy behaviors characteristic of major powers: the acquisition of a substantial share of systemic military power; and the development of power projection capability. (p. 17)»	1) military spending and military personnel components of the COW CINC scores; each state's share of each constructs an index. Controlling for state's involvement in civil and interstate wars 2) Power projection capability is measured by capital intensity of state's military forces = share of military spending divided by share of military personnel/ index of power projection capability is a product of the state's overall military power index and its index of capital-intensity (p. 20)
Lemke and Werner (1996)	Global/Dominant power = strongest state in global or local hierarchy Dominant local power = strongest state in local hierarchy Contenders = set of contenders with fewer capabilities than the dominant state	Cutoff for contenders: «largest unit drop» in capabilities between one set of contenders and the next.
Levy (1983)	Great power = distinguished by five definitional criteria: 1) possesses a high level of military capabilities allowing it self sufficiency to secure its border and to project military power beyond its border; 2) interests are continental or global rather than local or regional; 3) behaviors are different: defending interests more aggressively, with a wide range of instrumentalities, interacting frequently with other great powers; 4) others images and perceptions, including other great powers (relative equals) confer status on the great power; 5) formal criteria—congresses, treaties, organizations, the granting of permanent membership or veto (p. 16–18). Superpowers = an elite within a broader class of Great Powers (p. 27)	

Великие державы в мировой политике (2008–2018)...

AUTHORS	CONCEPT/DEFINITION	OPERATIONALIZATION
Mearsheimer (2001)	Great powers = «...determined largely on the basis of their relative military capability. To qualify... a state must have sufficient military assets to put up a serious fight in an all-out conventional war against the most powerful state...» (p. 5)	
Morton and Starr (2001)	«Elite Power» = «a state possessing a particularly large share of the overall military, economic, and political power of the great power system, but which also possesses adequate force projection to extend power and influence beyond its immediate region (p. 58)».	A state is: 1) recognized by the Modelska/Thompson naval index as a leading contender; and 2) Identified by the Levy list as a major power. A minimum of two consecutive years on the list are required to qualify, or to be lost (Table V Elite Powers).
Rasler and Thompson (1994)	Global power = «states that have the demonstrated capacity to operate over long, transoceanic distances by assembling at least a minimal naval capability (10 percent of the global capability pool). They must also demonstrate an interest in actually using their power beyond their local region (p. 17)». World power = a state's leaders must control at least 50 % of the global naval capability pool at the conclusion of global wars Regional/continental power = Levy's 1983 guideline	Naval capability concentration (see Table 2.4, p. 27). For regional power, using Levy's guidelines for identifying great powers; using size of armies
Small and Singer (1982) COW measure	Great power = states that are recognized by other states as great powers	Survey of experts to identify great powers, including perceptions of which powers were viewed by other states as great powers, based on intercoder agreement. http://pss.la.psu.edu/intsys.html

APPENDIX B: Major Powers Between 1945 and the Present

STATE	COW Status	Time Period	Levy's Conditions Violated?
China	Yes	1950 to present	isolated, barred from UN until early 1970s; not member of G7; capabilities severely limited until 1980s

STATE	COW Status	Time Period	Levy's Conditions Violated?
France	Yes	1945 to present	Limited capabilities until 1970s
Germany	No	1945 to 1990	Stronger economically than France; large military; active independent role with USSR; no permanent UN seat but in G7
Germany	Yes	1991 to present	Unification costly, foreign policy activities do not appear to expand greatly after 1991
Japan	No	1945 to 1990	G7 member; high level of defense spending; active global and regional involvement
Japan	Yes	1991 to present	G7 member but not UNSC
Russia/ USSR	Yes	1945 to present	weak militarily through 1950s; economy and military disintegrated after 1991; not member of G7 until 21 st century
UK	Yes	1945 to present	
US	Yes	1945 to present	

REFERENCES

- Altfeld, Michael F. and Bruce Bueno de Mesquita. 1979. «Choosing Side in War.» *International Studies Quarterly* 23:87–112.
- Azar, Edward. 1980. «The Conflict and Peace Data Bank». *Journal of Conflict Resolution* 2: 143–152.
- Bond, Doug, Bond, Joe, Oh, Churl, Jenkins, J. Craig, and Taylor, Charles Lewis. 2003. «Integrated data for events analysis: An event typology for automated events data development.» *Journal of Peace Research* 40: 733–745.
- Borgatti, Stephen P., Martin G. Everett, and Linton Freeman. 2002. *Ucinet for Windows: Software for Social Network Analysis*. Harvard, MA: Analytic Technologies.
- Box-Steffensmeier, Janet M. and Bradford S. Jones. 1997. «Time is of the Essence: Event History Models in Political Science.» *American Journal of Political Science* 41(4):1414–61.
- Box-Steffensmeier, Janet M. and Bradford S. Jones. 2004. *Event History Modeling: A guide for Social Scientists*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Box-Steffensmeier, Janet M. and Christopher W. Zorn. 2001. «Duration Models and Proportional Hazards in Political Science.» *American Journal of Political Science* 45(4):951–67.
- Box-Steffensmeier, Janet M. and Christopher W. Zorn. 2002. «Duration Models for Repeated Events.» *Journal of Politics* 64(4):1069–94.

- Bremer, Stuart A. 1992. «Dangerous Dyads: Conditions Affecting the Likelihood of Interstate War, 1816–1965.» *Journal of Conflict Resolution* 36:309–41.
- Burges, Sean W. 2008. «Consensual Hegemony: Theorizing Brazilian Foreign Policy after the Cold War.» *International Relations* 22:65–84.
- Clark, David H. and Patrick M. Regan. 2003. «Opportunities to Fight: A Statistical Technique for Modeling Unobservable Phenomena.» *Journal of Conflict Resolution* 47(1):94–115.
- Cleves, Mario. 1999. «Analysis of Multiple Failure-Time Data with Stata.» *Stata Technical Bulletin* 49(1):30–39.
- Corbett, Renato. 2006. «The Dynamics of Multilateral Conflicts: Collective Dispute Initiation and Third Party Intervention.» Presented at the International Studies Association Annual Convention, San Diego, CA, March 22–25, 2006.
- Corbett, Renato and William J. Dixon. 2004. «Multilateralism, Major Powers, and Militarized Disputes.» *Political Research Quarterly* 57(1):5–14.
- Fearon, James D. 1995. «Rationalist Explanations for War.» *International Organization* 49(3):379–414.
- Fordham, Benjamin O. 2006. «What Makes a Major Power?» Presented at the International Studies Association convention, San Diego, CA, March 22–26, 2006.
- Ghosn, Faten, Glenn Palmer and Stuart A. Bremer. 2004. «The MID3 Data Set, 1993–2001: Procedures, Coding Rules, and Description.» *Conflict Management and Peace Science* 21(2):133–154.
- Gochman, Charles S. and Zeev Maoz. 1984. «Militarized Interstate Disputes, 1816–1976: Procedures, Patterns, and Insights.» *Journal of Conflict Resolution* 28:585–616.
- Goldstein, Joshua. 1991. «A conflict-cooperation scale for the WEIS events data.» *Journal of Conflict Resolution* 36: 369–385.
- Hewitt, Joseph J. and Gary Goertz. 2004. «Fighting Chances: Choosing Populations in Conflict Research.» Typescript.
- Huth, Paul K. 1998. «Major Power Intervention in International Crises, 1918–1988.» *Journal of Conflict Resolution* 42(6):744–70.
- Jones, Daniel M., Stuart A. Bremer and J. D. Singer. 1996. «Militarized Interstate Disputes, 1816–1992: Rationale, Coding Rules, and Empirical Patterns.» *Conflict Management and Peace Science* 15:163–213.

- Kennedy, Paul. 1987. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Vintage Books.
- Keohane, Robert O. 1984. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Keohane, Robert O. and Joseph Nye. 1977. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown.
- Kugler, Jacek and Douglas Lemke. 2000. The Power Transition Research Program. In *Handbook of War Studies II*, ed. Manus Midlarsky. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Lague, David. 2008. «China Plans Steep Increase in Military Spending.» *New York Times* (March 5).
- Leeds, Ashley B., Jeffrey M. Ritter, Sara McLaughlin Mitchell and Andrew G. Long. 2002. «Alliance Treaty Obligations and Provisions, 1815–1944.» *International Interactions* 28:237–60.
- Leeds, Ashley B., Sara Mitchell McLaughlin and Andrew G. Long. 2000. «Reevaluating Alliance Reliability.» *Journal of Conflict Resolution* 44:686–99.
- Lemke, Douglas. 2008. «Dimensions of Hard Power: Regional Leadership and Material Capabilities.» Paper prepared for the first Regional Powers Network (RPN) conference at the German Institute of Global and Area Studies (GIGA) in Hamburg, Germany, 15–16 September.
- Lemke, Douglas, and Susanne Werner. 1996. «Power Parity, Commitment to Change, and War.» *International Studies Quarterly* 40:235–260.
- Lemke, Douglas and William Reed. 2001a. «The Relevance of Politically Relevant Dyads.» *Journal of Conflict Resolution* 45(1):126–44.
- Lemke, Douglas and William Reed. 2001b. «War and Rivalry Among Great Powers.» *American Journal of Political Science* 45(2):457–69.
- Levy, Jack S. 1982. «Contagion of Great Power War Behavior, 1495–1975.» *American Journal of Political Science* 26(?):562–84.
- Levy, Jack S. 1983. *War in the Modern Great Power System*. Lexington: University Press of Kentucky
- Maoz, Zeev and Bruce M. Russett. 1993. «Normative and Structural Causes of Democratic Peace: 1946–1986.» *American Political Science Review* 87:624–38.
- Mearsheimer, John. 2001. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: Norton.
- Merritt, Richard L. and Dina A. Zinnes. 1988. «Validity of Power Indices.» *International Interaction* 14(2):141–151.

- Modelski, George, and William R. Thompson. 1988. *Seapower in Global Politics, 1494–1993*. Seattle: University of Washington Press.
- Morgenthau, Hans J. 1985. *Politics Among Nations*, 6th ed. ed. New York: McGrawth-Hill.
- Morton, Jeffrey S., and Harvey Starr. 2001. «Uncertainty, Change, and War: Power Fluctuations and War in the Modern Elite Power System.» *Journal of Peace Research* 38: 49–66.
- Most, Benjamin A. and Harvey Starr. 1989. *Inquiry, Logic, and International Politics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.
- Nabers, «China, Japan, and the Quest for Leadership in East Asia.» *German Institute of Global and Regional Areas Studies: Working Papers* (67, February), <http://www.giga-hamburg.de>.
- Neumayer, Eric. 2008. «Distance, power and ideology: diplomatic representation in a world of nation-states.» *Area* 40:2280236.
- Nye, Joseph S. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
- Correlates War Project. 2005. «National Material Capabilities Data Documentation, Version 3.0.» Available at <http://cow2.la.psu.edu>.
- Pevehouse, Jon, Timothy Nordstrom and Kevin Warnke. 2004. «The Correlates of War 2, International Governmental Organizations Data Version 2.0.» *Conflict Management and Peace Science* 21(2):101–19.
- Powell, Robert. 2006. «War as a Commitment Problem.» *International Organization* 60(1):169–203.
- Prentice, R.L, B. J. Williams, and A. V. Peterson. 1981. «On the Regression Analysis of Multivariate Failure Time Data.» *Biometrika* 68: 373–379.
- Rasler, Karen A., and William R. Thompson. 1994. *The Great Powers and the Global Struggle, 1490–1990*. Lexington: University of Kentucky Press.
- Ruggie, John Gerard. 1986. Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis. In *Neorealism and Its Critics*, ed. Robert O. Keohane. New York: Columbia University Press.
- Shanker, Thom, and David E. Sanger. 2005. «Chinese Military Geared to Deterring Taiwan, Report Says.» *New York Times* (July 20).
- Singer, David J. 1988. «Reconstructing the Correlates of War Dataset on Material Capabilities of States, 1816–1985.» *International Interaction* 14(2):115–32.
- Singer, David J. and Melvin Small. 1966. «National Alliance Commitments and Wars Involvement, 1815–1945.» *Peace Research Society, Papers* V:109–40.

- Singer, David J., Stuart Bremer and John Stuckey. 1972. Capability Distribution, Uncertainty, and Major Power War, 1820–1965. In *Peace, War, and Numbers*, ed. Bruce Russett. Beverly Hills: Sage.
- Siverson, Randolph and Harvey Starr. 1991. *The Diffusion of War: A Study in Opportunity and Willingness*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Siverson, Randolph M. and Harvey Starr. 1990. «Opportunity, Willingness, and The Diffusion of War.» *American Political Science Review* 84(1):47–67.
- Siverson, Randolph M. and Joel King. 1980. «Attributes of National Alliance Membership and War Participation 1815–1965.» *American Journal of Political Science* 24:1–15.
- Siverson, Randolph M. and Juliann Emmons. 1991. «Birds of a Feather: Democratic Alliance Choices in the Twentieth Century.» *Journal of Conflict Resolution* 35:285–306.
- Small, Melvin and J. David Singer. 1982. *Resort to Arms: International and Civil Wars, 1816–1980*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Stoll, Richard J. 1989. State Power, World Views, and the Major Powers. In *Power In World Politics*, ed. Richard J. Stoll and Michael D. Ward. Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Sullivan, Michael P. and Randolph M. Siverson. 1984. «Alliances and War: A New Examination of An Old Problem.» *Conflict Management and Peace Science* 8(Fall):1–16.
- Suzuki, Shogo. 2008. «Seeking ‘Legitimate’ Great Power Status in Post-Cold War International Society: China’s and Japan’s Participation in UNPKO.» *International Relations* 22: 45–64.
- Thucydides. 1951. *Complete Writings: The Peloponnesian Wars*. New York: Modern Library. Trans. Richard Crawley, adapted by Suresh Bald, Willamette University.
- Volgy, Thomas J. and Lawrence E. Imwalle. 200? «Two Faces of Hegemonic Strength: Structural Versus Relational Capabilities.» *International Interactions*.
- Wallace, Michael D. 1971. «Power, Status, and International War.» *Journal of Peace Research* 1(1):23–35.
- Waltz, Kenneth N. 1979. *Theory of International Politics*. New York: McGrawth-Hill.
- Waltz, Kenneth N. 1986. *Refelections on Theory of International Politics: A Response to My Critics*. In *Neorealism and Its Critics*, ed. Robert O. Keohane. New York: Columbia University Press.
- Wendt, Alexander. 1992. «Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics.» *Internationa Organization* 46(2):391–425.

Великие державы в мировой политике (2008–2018)...

Wright, Quincy. 1965. A Study of War. 2nd ed. ed. Chicago: The University of Chicago Press.

Yamamoto, Yoshinobu and Stuart A. Bremer. 1980. Wider Wars and Restless Nights: Major Power Intervention in OngoingWars. In The Correlates of War II: Testing Some Realpolitik Models, ed. David J. Singer. New York: Free Press.

U.S.—Russian Relations: A View from the Future

Robert H. Donaldson

This short paper seeks to shed more light on the current state of Russian-American relations and the forces that are driving global politics in the early stage of the 21st century. It does so by taking a «view from the future» — developing a set of alternative scenarios for relations between the two countries from the perspective of 2012, which is the year in which both will presumably be conducting their next presidential elections²⁸.

The analysis is informed by several studies (from American, European, and Russian scholars) that developed scenarios for Russia's future²⁹.

The first set of scenarios was developed by two American scholars who undertook to write about Russia's future during its turbulent early years, very shortly after its emergence as one of the 15 successor states of the USSR³⁰. Daniel Yergin and Thane Gustafson, writing in 1993 about Russia in 2010, identified four possible outcomes, all of which, interestingly, lead to some form of «capitalism, Russian-style.»

1. Muddling Down: the scenario that extends the 1992–1993 «present» — political paralysis at the center, economic stagflation, degradation of social and physical capital; «a scenario of mediocrity.» The «Red-Brown» opposition has localized strength, but remains divided, as do the security agencies. Russia can still enter an era of growth and stability, assuming the population does not become radicalized, the economy does not collapse, and the central government does not become completely paralyzed.

²⁸ Depending, of course, on whether Medvedev serves out his full term.

²⁹ Discerning the future of Russia, as the newer state, with more uncertainties about its future, has proved to be of great fascination to scholars and policy-makers. Perhaps because of the much lengthier duration of its constitution and the greater predictability of its political order, scenario development for the U.S. has not been as fashionable.

³⁰ Daniel Yergin and Thane Gustafson, *Russia 2010: And What It Means for the World* (New York: Random House, 1993).

2. Two-Headed Eagle: under a presidency-centered new constitution, a non-Communist but conservative government faces both forward (toward state-managed dual economy) and backward (toward collectivist values of the past). Under this strong central government the institutions of the market economy are gradually built, but top-down. In time, a growing middle class and restive labor unions build pressure, with ultimate movement toward either a more liberal or a more authoritarian version of Russian capitalism.
3. Time of Troubles: Continuing gridlock and economic collapse leads to chaos, with two variants:
 - a. The Long Good-bye: regions drift off, with strong separatist movements, but a «unitarist» faction wins out and produces a compromise, which produces reintegration and renewed growth
 - b. The Russian Bear: a period of internal violence, with warring militias and mob action, is ended by a military coup, as a General Lebed-type figure declares himself president for life; new regime is an amalgam of security and industrial elites, ruling initially by terror; anti-Western, but without global missions or capabilities; initial economic autarky, annexation of parts of Kazakhstan and Ukraine; eventual mellowing along path of «two-headed eagle,» but more centralized, nationalistic and authoritarian.
4. «Chudo» (Miracle): enlightened government, with support of growing private sector, secures property rights and stabilizes monetary supply, calling forth domestic and foreign investment; economic miracle rests on assumption of relatively peaceful political life.

A second American-authored set of scenarios was written last year by Andrew Kuchins, now with the Center for Strategic and International Studies, but formerly the Director of the Moscow Carnegie Center³¹. Together with a «working group of leading experts,» Kuchins arrive at the following propositions, which were «points of consensus» among the specialists.

1. Russia will not be a failed state. (This assumption is in marked contrast to the prevalent thinking in the early 90s, as evidenced by Yergin and Gustafson's scenarios, above.)
2. Russia will not be a mature democracy in 10 years.
3. While stable economic growth is not guaranteed, Russia's economic future in the near term looks relatively bright. By comparison, Russia's political future is far more uncertain.
4. Russia's economy is too diversified to describe it as a «petrostate,» but the price of oil is the most important driver of the economic future.
5. Russia's territorial integrity over the next 10 years is secure. Demographic challenges remain significant, but they should be manageable.
6. Nationalism and xenophobia are growing with the encouragement of the Kremlin.
7. Russian foreign policy will remain independent and promote Russia's great power status in a multipolar world. Russian foreign policy is growing more assertive as economic recovery gathers momentum.
8. The 2008 succession is manageable, and the most likely outcome is for Putin to step down in favor of his selected successor.
9. The current stability is more fragile than it appears.

³¹ Andrew C. Kuchins, Alternative Futures for Russia to 2017: A Report of the Russia and Eurasia Program, Center for Strategic and International Studies, found on the Web at http://www.csis.org/media/csis/pubs/071214-russia_2017-web.pdf

Kuchins's report describes three scenarios, which are developed within the parameter of these propositions.

1. Putinism without Putin. Putin's chosen successor(s) continue his basic policies, favoring stability over democracy. Despite a drop in oil prices, the Russian economy continues to grow. Common defense against extremist Islamic terrorism brings Russia and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) into closer coordination with NATO. «Absent major shocks to the system and given Russian society's general acquiescence to the status quo, we should expect that a Putinesque leadership (even if Putin himself is not politically active) would strive to «muddle upwards» and avoid «muddling downwards» as did Brezhnev's Soviet Union.»
2. A Shot in the Dark...A True Dictatorship. After Putin's assassination in January 2008, one of his colleagues from the *siloviki* is elected to the presidency. A wave of strikes is followed by declaration of a state of emergency, and suspension of democratic institutions. An anticorruption campaign strikes down several of the new president's rivals, and his rule takes on some trappings of fascism. However, the economy continues to grow, with oil the major driver, and Russia forms a confederation with other former-Soviet energy-rich states to rival OPEC. Middle East instability and the terrorism threat bring a richer but less democratic Russia into close alignment with NATO and the U.S.—contrary to prevailing stereotypes. (The opening assumption of this scenario drew immediate critical attention in the Russian press.)
3. Putinism Falls from Grace and True Democracy Rises Again. Putin's chosen successor lasts only one term, due to economic collapse in Russia after oil prices fall (as a result, in part, of a new energy policy in the U.S.). Putin returns to office in 2012, but economic malaise and government corruption continue, leading to a wave of strikes and public health emergencies. Two formerly prominent democratic politicians form a coalition and win the 2016 election, setting Russia on a path of true economic and political reform.

Kuchins makes the following observation about Russian-American relations, which are mostly cooperative in all three of his scenarios:

«...Russia's foreign policy is very unlikely to take a deeply anti-Western turn that reruns the Cold War. In fact, the more likely outcome is that the United States and Russia will find greater common interests in the security area, which will drive them to closer cooperation in the coming decade. There are two main reasons for this:

- (1) The Russians learned some tough lessons about over-extending and over-militarizing themselves during the Cold War that they are unlikely to repeat; and
- (2) Instability on its southern border will continue to be Russia's greatest security challenge in the next decade, and striking an anti-U.S. position will not help address that problem. On the contrary, the gravest threat to both Russians and Americans will remain the growing strength of international jihadists and the increasing probability that they may undertake a number of catastrophic acts of terrorism against our territories and interests.»

A group of political scientists at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) developed a set of scenarios in 2007–2008 which they tested with a selected

group of Russian voters³². The projections for Russia's future in 2020 were categorized along 4 selected dimensions, each of which had two extreme (radical) poles and two intermediate (moderate) positions: 1) political regime (totalitarian dictatorship, «mild» authoritarianism, stable institutionalized democracy, and fragmented democracy); 2) center-periphery relationship (centralized Unitarianism, moderate centralization, centralized federalism, and chaotic decentralization); 3) political development and modernization (imposed modernization from the top by violent means, «energy superpower,» «hi-tech power,» and eclectic peripheral development; 4) international environment (violent confrontation with the outside world, selective cooperation, pragmatic partnership, and «dissolution» in the international environment.

The four scenarios are described from one «radical» pole, through the two «moderate» positions, to the second «radical» pole. For each, the authors identify «winners» and «losers.»

1. «Fortress Russia:» Hostile international environment (regional conflicts, arms race, new cold war); unstable oil prices; mobilized society («garrison state»); concentration of power and resources; political and economic centralization; «rally behind the flag;» equality in scarcity. Winners are military elites and technocrats, heavy industry, military-industrial complex, and state enterprises. Losers are private businesses, foreign investors, regional elites, society at large, and the middle class.
2. «Kremlin's Gambit:» This scenario essentially continues the Putin course: Russia as the «significant other» for the West; high oil prices; oil revenues as resources for paternalistic social projects; phobias of the «chaos of the 90s» and of the «color revolutions;» limitations on political and economic competition; passive society satisfied with economic growth and stability; competition between clans and interest groups «under the carpet;» privileges for loyal regional elites. Winners are state bureaucracy, state-owned enterprises, strategic industries, foreign investors, and emerging middle class. Losers are civil society, the political opposition, and liberals and democrats.
3. «New Russian Dream:» Friendly and peaceful external environment; oil prices' slump; rapid hi-tech modernization; reduction of social paternalism; reduction of social paternalism; transparent institutions; flexible federal structures; growth of the middle class; widening of marginal strata. Winners are the new generation of bureaucracy; hi-tech private ventures and think tanks; strategic state-owned technological industries; the middle class; civil society; and innovative regions. Losers are the old generation of bureaucracy, oil companies and regions, and marginal strata.
4. «Russian Mosaic:» Various (economic, political, institutional) pressures from the outside; oil prices go down; collapse of corrupted and immobile federal authorities; political fragmentation; non-consolidated democratic institutions; massive privatization; regional disproportions; decline of regions dependent on federal subsidies; new prosperity of resources-rich regions with foreign investments. Winners are resources-rich and border regions; transnational corporations and foreign investors; corrupted bureaucracy; political opposition; neighbor countries. Losers are poor regions; national industry and high-tech branches; budget funded areas; and middle and lower classes.

³² Irina Busygina, Mikhail Mironyuk, and Ivan Timofeev, «Alternative Russian Futures: 4 Scenarios,» and Andrei Melville and Ivan Timofeev, «Alternative Russian Futures: Focus Groups Discussions,» papers prepared for delivery at the 49th Annual Convention of the International Studies Association, San Francisco, 26–29 March, 2008.

The «radical» Fortress Russia scenario is determined mainly by international factors, while the «Russian Mosaic» is shaped mainly by national forces. The scenarios were tested with voters chosen only from the parties that were seated in the 2007 Duma; these did not include any «liberal» parties. Surprisingly, however, most voters preferred the scenario that seemed most «liberal» — the «New Russian Dream» — though they also judged that it was the «least probable.»

The final set of scenarios for Russia's future that we will consider was developed in Western Europe. In 2005 two researchers with the Copenhagen Institute for Futures Studies produced a set of scenarios, also looking toward 2020. Unlike the others we have described, separate political and economic scenarios were developed in this study³³.

Two «axes of uncertainty» were identified in the political realm: «centralized or decentralized political power» and «autocracy or democracy.» The analysts offered opinions that «long run» trends favored decentralization and democracy. On the two axes, the political scenarios are:

1. Return to dictatorship: (higher on centralization and autocracy): strong president, limited freedom in civilian sector; political apathy, weak regions, Russia as regional power, with strained relations with EU and US, but no serious confrontation; inefficient economy, with little effects of globalization;
2. Strong regions (higher on autocracy and lower on centralization): strong president, but major disagreements with regions; undemocratic political culture, with cronyism dominant; threatening separatist sentiments; lopsided economic development;
3. Democratic superpower (higher on centralization, higher on democracy): strong president and efficiency legislature and judiciary; flowering civilian sector and media; active citizenry; Russia integrated with Western institutions and global economy, experiencing healthy growth.
4. Strong federation (lower on centralization, higher on democracy): Federal government with limited presidential authority, integrated regions; active civilian sector with active citizenry; power delegated to regions; Russia open to the world, with free range of globalization; a Eurasian nation, cooperating with NATO, but with federal components turning in different directions; economy dominated by large conglomerates, with regional diversity.

Similarly, there are two «axes of uncertainty» in the economic realm: «market economy or planned economy» and «raw material based economy or differentiated production and service economy.» Although the analysts are less certain about the likelihood of a fully autonomous market by 2020, they do expect greater diversification of the economy. On the two axes, the economic scenarios are:

1. Free raw materials: (high raw materials, high market); big international and Russian companies dominate raw materials sectors; poorly developed infrastructure except in raw materials sector; consumer prosperity fluctuates with raw material prices; uneven regional development; membership in WTO and tight with EU.

³³ K. S. Andreasan and J. Kelstrup, *Russian Prospects*, Members Report #1 2005, Copenhagen Institute for Futures Study, found at <http://www.lib.tsinghua.edu.cn/find/guide/russia.pdf>.

2. New Economic Superpower: (high differentiated and high market): dynamic and strong economy, with powerful middle class; competitive modern market; interconnected regions; transparent economy, with much foreign investment, moving toward EU membership.
3. Second World: (high raw materials; high planned economy): heavy bureaucratic control of economic transactions; state-owned raw materials companies; high unemployment; big regional differences; exports dominated by energy and raw materials; not in WTO.
4. New Soviet: (high differentiated, high planned): Self sufficient, but uncompetitive on world market; major government interference with economy; hostile to innovation; not in WTO, but many joint ventures with foreign companies.

In sum, whether they are American, European, or Russian in authorship, scenarios developed in the middle of this decade envision far more stability in Russian politics and the economy than the early 1990s scenarios. The extremes are usually stronger authoritarianism at one end and burgeoning democracy on the other; predictions of chaos and disintegration are absent. Moreover, there is little apparent difference in the range of options that the various futurists posit, regardless of nationality.

Scenarios for future U.S.-Russian relations ideally would also consider the capabilities and orientations of other actors: major powers such as China and the EU; alliances such as NATO and SCO; non-state actors such as al-Qaeda. Whereas certain assumptions have been built into the following scenarios, a detailed examination of these actors and their capabilities is beyond the scope of this paper.

Drivers of Future Relations:

The scenarios developed here are derived not only from projections of national developments in the political and economic systems of the primary actors but also from six major global trends that serve as «drivers» of future events:

1. Global economic trends: increasing interdependence of financial flows, investment, trade (especially energy) — but increasing fragility of these relationships, as evidenced in the current global economic crisis;
2. Further spread of technology/material/know-how enabling more actors to produce and deliver Weapons of Mass Destruction;
3. Exacerbated geopolitical insecurity/rivalries, especially in Former Soviet Union and surrounding regions;
 - a. ethnic self-determination movements in post-imperial settings,
 - b. «clash of civilizations» — relative decline of West, growing resentment/energy in Islamic populations
4. Resource hunger, especially in rapidly developing countries like India and China; manifestations of environmental scarcity, migration flows;
5. Breakdown of international consensus regarding legitimacy of international regimes, reducing the role of the United Nations, the WTO, the IMF, and others;
6. Unevenness of democratic development; growing incapacity of governments and limits on sovereignty; more cases of state failure and strengthened influence of non-state actors.

The Immediate Background:

There were numerous factors responsible for creating the atmosphere of resentment which prevailed at the end of 2008 in U.S.-Russian relations: on the part of the U.S., one can

cite its policies for NATO enlargement, plans for placing missile defenses in Eastern Europe, failure to repeal the Jackson-Vanik amendment; on the part of Russia, its military action against Georgia and subsequent recognition of Abkhazia and South Ossetia, stepped-up arms sales to Iran, Syria, Venezuela and other other-U.S. states; and the seeming erosion of Russian democracy³⁴.

NATO enlargement and the use of NATO military force in Yugoslavia took place in the 1990s, when Russia was too politically, economically, and militarily weak to do anything in response. These were American initiatives, and many Russians bitterly resented the U.S. assumption that its superior power entitled it to alter the security landscape near Russia. (Or, as Secretary Albright put it when US bombings of Iraq in 1998 were also criticized by the Russians and others: «If we have to use force, it is because we are America. We are the indispensable nation. We stand tall. We see further into the future.»)

When Vladimir Putin succeeded Boris Yeltsin as president and began to stabilize Russian politics, and when he seemed to establish a good personal rapport with President George W. Bush, he gambled on the possibility that American unilateralism could be turned into a genuine partnership, which he offered to the US immediately following the attacks of September 11, 2001. Russian cooperation was vital to initial U.S. successes in Afghanistan. Russia dismantled military positions in Vietnam and Cuba. Putin took initiatives to try to reign in North Korea's nuclear program. He even mused about the possibility that Russia itself would join NATO. But he wanted *quid pro quo*. Russian interests should be taken into account and not simply ignored by Washington. Bush administration talk of abandoning the ABM treaty and building a unilateral national missile defense should cease — maybe, Putin said, the two sides could jointly build missile defense against the far-away threats of North Korea, Iraq and Iran. New major reductions in the two sides' offensive nuclear forces should be negotiated and incorporated in a binding and comprehensive treaty as well, he said. NATO enlargement should end and a new all-European security structure should take its place. The US should repeal the decades-old Jackson-Vanik restrictions on trade with Russia and help Russia get into the WTO.

This was the wish list, and the Bush administration gave exactly...nothing. Russia was still on the periphery of Washington's radar screens. The U.S. focus was on the «global war on terror,» which it preferred to fight under its own direction, not even with NATO, in «coalitions of the willing.» Bush declared a new national security doctrine which claimed the right to preemptive strikes against «rogue regimes allied with terrorists and seeking WMDs,» and then he proceeded to apply the doctrine against Iraq, bypassing the Security Council, where France was objecting to this unilateral approach even more loudly than Russia.

Washington followed the invasion of Iraq with efforts to solidify military bases in the former Soviet states of Uzbekistan and Kyrgyzstan, initially established with Russian understanding for the fight in Afghanistan. Washington sought concessions for oil and gas exploration in Central Asia and the Caucasus, designed to forestall Russian investments,

³⁴ As Secretary of Defense Robert Gates pointed out in September 2008, the deterioration of relations between the U.S. and Russia actually intensified during the tenure of two U.S. officials who have Ph.D.s in «Soviet studies,» Condoleezza Rice and Robert Gates. «A fat lot of good that's done us,» according to Gates' own comment. But in fact neither Rice nor Gates were known primarily as objective scholars; rather, they were both steeped in Russophobia during their graduate studies and took partisan directions in their professional careers, and this orientation has continued to shape their attitudes.

and linked with pipelines that would bypass Russian territory. The U.S. approached Poland and the Czech Republic about siting radars and interceptors for missile defenses, years in advance of any realistic missile threat to Europe from Iran.

And when Mikhail Saakashvili's «rose revolution» triumphed in Georgia late in 2003 and Viktor Yushchenko's «orange revolution» won in Ukraine a year later, the U.S. began to press even harder for these two strategically-located Russian neighbors to enter NATO. Both «revolutions» had been aided by U.S. funds, disbursed through the taxpayer-funded National Endowment for Democracy. The «color revolutions» together with the U.S. intention, announced in Bush's second inaugural, of aiding in the overthrow of «tyrannies» and establishment of democracies, alarmed Uzbekistan's dictator so much that he kicked the U.S. military base out of his country. And with Vice President Cheney openly criticizing Russia's regressing democracy, Putin concluded, along with many of his countrymen, that foreign-funded NGOs would next seek a «color revolution» in Russia itself, and he cracked down on them. He did more, angrily denouncing U.S. unilateralist policy moves in a speech at a security conference in Munich in 2007. And although the Russians continued to cooperate in the multilateral diplomacy aimed at stopping nuclear proliferation in North Korea and Iran — something clearly in their own interests — they began to step up moves aimed at balancing U.S. power, most notably by holding joint military maneuvers with China.

As Putin prepared early in 2008 to hand the presidency to his protégé Dmitri Medvedev and move into the premiership, he could reflect on how much stronger the Russian economy had become (not through his own doing so much as thru rising oil and gas prices) and how much more capable Russian defenses had become. Russia, he said, could no longer be taken for granted, as it had been during the period of its weakness. Certain measures that Gorbachev and Yeltsin had agreed to when Russia was dependent on Western aid, such as the treaty on conventional forces in Europe, should now be suspended and renegotiated, especially in light of the enlargement of NATO and U.S. plans for missile defenses in eastern Europe.

The less-than-deftly-executed Russian military response to Georgia's attacks on South Ossetia in August 2008 brought Moscow's relations with the U.S. and the Europeans to an even chillier level. And the repetition at the beginning of 2009 of Russia's gas war with Ukraine, including the brief cessation of gas deliveries to Europe, further amplified the East-West tensions. As for Russia's leadership, the Putin and Medvedev co-administration has developed, Janus-like, as two faces (one somewhat softer than the other) of essentially the same approach: Russia is reasserting its interests, resentful of U.S. «hegemony,» seeking common cause with other advocates of a «multi-polar world,» and re-establishing its «positions in Cuba and elsewhere.»³⁵

Against this background, 2009 opened with new leadership in the United States. President-Elect Barack Obama is a pragmatic realist, a self-described admirer of the foreign policy of President George H. W. Bush. But Obama had neo-liberal institutionalists, such as Samantha Powers and Susan Rice, as well as realists among his campaign advisers. However, once the administration was formed, the influence of the liberals was outweighed by his more interventionist-leaning or «hawkish» (especially *vis a vis* the Middle East and Russia)

³⁵ As Prime Minister Putin phrased it at the beginning of August 2008.

advisers who were put in key positions, most notably the relatively «old hands» — Vice President Joe Biden, Secretary of State Hillary Clinton, and Secretary of Defense Robert Gates.

Against this background, this paper posits six possible scenarios for U.S.-Russian relations in the period 2009–2012, two of which depict conflict or rivalry, two of which portray cooperation, and two of which reflect the absence of either rivalry or cooperation:

US-RF Conflict/rivalry:

1. **Cold War II:** rival blocs are led by the U.S. and Russia, with many nonaligned states — a condition of «loose bipolarity,» and with elements of «balance of power,» (including — as in Cold War I — arms races and occasional switching of alliances by medium powers) but without a major ideological confrontation of the «communism vs. capitalism» variety that characterized the earlier bipolar conflict. U.S. policy continues to exhibit a tendency of interventionism on behalf of spreading democracy and Russia continues to press a policy of «anti-hegemonism» and assertive nationalism. Among the precipitating events of «cold war» are a U.S.-Israeli attack on Iran, U.S. deployment of missile defenses in Europe, and expansion of NATO to include Georgia and Ukraine. Russia's responds with annexation of Abkhazia, South Ossetia, and Crimea, but NATO fails to take military action against Moscow. China backs Russia's positions, while it hardens its own line against Taiwan and Japan; the Shanghai Cooperation Organization (SCO) becomes a formal rival to NATO.
2. **New «Concert of Europe» as a rival security system confronting the U.S.:** following the collapse of NATO (as a result of division and defeat in Afghanistan), the EU and Russia form a new continental security system, which (in tacit alliance with China) effectively balances U.S. power. The U.S., following collapse of its positions in Iraq and Afghanistan, and under public pressure to abandon security guarantees to Europe and cut the costs of global involvement, withdraws into a position of «offshore balancing,» with strong trade protectionism and emphasis on homeland security. On the outside looking in, the U.S. finds itself at odds with the new European Concert, amidst frequent trade wars and heated disagreements over issues such as climate change, the conflicts between Israel and its neighbors, nonproliferation policies, etc.

US-RF Cooperation/alliance:

3. **U.S.-Russian Defensive Alliance against aggressive China:** China's energy deficit and internal unrest (following a severe economic slowdown) cause its regime to attempt to preserve its mandate by turning expansionist, breaking off cooperation with Russia and seeking dominant positions in the Russian Far East (taking advantage of Russian demographic challenges and the rise of fractious regionalism), and taking a hostile line toward the U.S. (which continues to defend Taiwan & Japan and to seek autonomy for Tibet as well as to call for political change in China). China's assertive expansionism, no longer a «peaceful rise,» drives the U.S. and Russia into each other's arms, as they seek ways of containing China and countering its expansionist forays. In the face of the common challenge to stability in the Far East, Moscow and Washington seek compromises on issues between them, which appear far less threatening to their interests than do the prospects of major war in Asia.
4. **Global security system (originating via two alternative pathways, one negative and one positive):**

- A. *In the wake of crisis*, following a series of nuclear exchanges (Israel-Iran, India-Pakistan), and terrorist WMD attacks (on Europe, Russia, and the U.S.); a uniting of «civilizations» (*a la* the prescriptions of Samuel Huntington) in a new global order (*a la* Fukuyama and the «end of history»)
- B. *via gradual integration of Russia* into the Western-led global international economic order (entry into WTO) and an agreement to replace NATO with a new pan-European & trans-Atlantic security system («Vladivostok to Vancouver»); U.S. withdraws from Iraq; to reduce its dependence on Middle East, the U.S. develops alternative energy sources (but in the shorter run, increases its reliance on Russian oil and gas); U.S. agrees to security treaties with Iran and North Korea; under President Obama, U.S. abandons assertions of primacy, leading to rebirth of «liberal internationalism» in U.S. foreign policy.

Neither Conflict nor Cooperation: US and Russia pursue «go it alone» policies in pursuit of their own narrow interests:

- 5. **More of the same:** Limited collaboration when necessary, but mutual disdain and mutual perception of threatening behaviors by the other outweigh any perceptions of benign intent or potential partnership. This is the familiar «mirror imaging,» reminiscent of the Cold War, but without either the bipolar power structure or the ideological conflict dimensions of that conflict.
- 6. **Global Chaos:** All of the negative potential of domestic and global «driving forces» is realized. Prolonged depression of energy prices and disinvestment in the Russian economy brings about Russia's economic collapse, exacerbated by continuing demographic, environmental, and public health emergencies. Russia descends into autarky; amidst an epidemic of small wars on its periphery and renewed secessionist movements in Chechnya, Tatarstan and even in the Far East. The collapse of the global financial system arouses fears of another world-wide Great Depression. In the face of the collapsing morale in the West and the decline in its capabilities, al Qaeda seizes power in Pakistan, Afghanistan, Iraq, Egypt, and Saudi Arabia, further depressing the global energy markets. A general decline in the capacity and viability of the nation-state erupts in an epidemic of state failures in the face of intensified tribalist conflicts in the Balkans, Africa, the Middle East, and South and Central Asia. Europe is powerless to react, afflicted as it is with internal conflicts between anti-immigration parties and unassimilated Muslim populations. The U.S., following WMD attacks on the homeland by terrorist groups, withdraws from global trade and security agreements and locks up its borders. Isolationism, «beggar thy neighbor» protectionism, and militant nationalism are the prevailing attitudes around the globe.

In this author's opinion, only one of these scenarios (4B) represents a truly desirable future for U.S.-Russian relations. Its realization is not dependent upon Russia's following only «democratic» paths to its own future, though this would probably make this outcome more likely. Even more important, however, may be the direction that an Obama administration will take in re-examining and changing some of America's own global attitudes and foreign policy priorities.

Глобальные акторы в регионе Балтийского моря: сдерживание, конкуренция и сотрудничество

Л. А. Карабешкин

Регион Балтийского моря — зона исторического переплетения экономических и политических интересов России, европейских стран и США. Наряду с их совпадением по таким вопросам как региональная стабильность, субрегиональное сотрудничество и противодействие трансграничным рискам безопасности, наблюдается и существенное расхождение. Хотя в последние годы наблюдалось ослабление экономического и политического интереса США к региону, проамериканская внешнеполитическая линия стран Балтии и Польши проявляется вполне отчетливо.

В начале 1990-х правомерно говорить о балтийском факторе в российско-американских отношениях. США стремились не слишком раздражать Россию, не шла речь о возможном расширении НАТО, хотя странам Балтии и оказывалась экономическая помощь, а также и политическая — особенно в том, что касалось вывода российских войск из Литвы, Латвии и Эстонии. К 1993–1994 гг. этот процесс постепенно завершился, а страны Балтии все явственней обозначали свой курс на интеграцию в Евроатлантическое сообщество, ЕС и НАТО, хотя тогда эта цель казалась далекой и труднодостижимой. По мере снижения веса России в мире эволюционировал и американский подход в регионе — озабоченности России объяснялись фантомами постимперского синдрома и все меньше принимались во внимание.

В период президентства У. Клинтона политика США в регионе Балтийского моря активизировалась, в 1997 г. Государственным департаментом была представлена Северо-Европейская инициатива, которая была ориентирована как на поддержку интеграции стран Балтии в евроатлантические структуры (хотя и без предоставления соответствующих гарантий, что некоторыми наблюдателями было воспринято в качестве уступки Москве), расширение американского экономического присутствия в странах региона и поощрение трансграничного сотрудничества. Изначально планировалось проводить политику «малой вовлеченности»,

предложив северным странам, в первую очередь Швеции, играть роль патронов балтийской безопасности и евроатлантической интеграции стран Балтии, однако Стокгольм такая перспектива не обрадовала, так как при потенциально скромных возможных политico-экономических дивидендах (все лавры все равно достались бы американцам), риск ухудшения отношений с Россией и девальвации политического статуса Швеции был значительно выше. Как результат, в 1998 г. подписывается Балтийская Хартия между США, с одной стороны, и Латвией, Литвой и Эстонией, с другой, которая продекларировала поддержку интеграционных устремлений стран Балтии и готовность к расширению политических, экономических контактов и сотрудничества в сфере безопасности. При этом, в документе отсутствовали прямые гарантии безопасности со стороны США и четкие обещание относительно членства в НАТО. На этот период приходится активная фаза проникновения американских компаний в стратегические отрасли региональной экономики, что происходило, в том числе, при прямом политическом давлении из американских посольств и Госдепартамента: американской компании «Вильямс» продается Мажейкяйский нефтеперерабатывающий завод в Литве, Эстонская железная дорога отходит американской же «Baltic Rail Services», предпринимаются попытки продажи американской компании «Эстонэнерго». Примечательно, что в 1990-е гг. США лидировали и по инвестициям в Ленинградскую область. В этот же период проводится активная работа с политическими элитами стран Балтии, в результате которой к власти в Литве и Латвии приходят президенты с американскими и канадскими корнями соответственно, аналогичный сценарий обсуждается и для Эстонии — он был осуществлен в 2006 г.

В начальный период президентства Дж. Буша — младшего наблюдается некоторая периферизация балтийской темы во внешней политике США. Это можно объяснить как произошедшими терактами в Нью-Йорке и Вашингтоне, отвлеченностью на операциях в Ираке и Афганистане, так и стабильной ситуацией в регионе Балтики и конъюнктурно потеплевшими отношениями с Россией на основе общих интересов. Хотя в этот период окончательно оформляется решение о принятии стран Балтии в НАТО, против которого Россия категорически возражала, одним из неформальных условий, которые были поставлены странам Балтии — снижение конфронтационного градуса в отношениях с Россией. Со стороны последних все чаще слышится тезис о том, что после вступления в НАТО российско-балтийские отношения улучшатся, а внешнеполитические деятели этих стран активно заявляли, что вступление в НАТО никак не связано с российской угрозой. В этот период экономическая компонента американского присутствия в регионе несколько ослабевает — Мажейкяйский нефтеперерабатывающий завод переходит под контроль российской нефтяной компании «ЮКОС», аннулируется сделка по продаже эстонской энергетики компании NRG group. Впоследствии была деприватизирована и ЭЖД (начало 2007 г.). В политическом плане стоит отметить победу на президентских выборах в Литве в начале 2003 г. Роландаса Паксаса, выступавшего за улучшение отношений с Россией.

Второй срок президентства Буша обозначил относительный рост значимости отношений со странами Балтии. В начале 2004 г. представлена новая версия американской региональной инициативы — e-PINE — «Упроченное партнерство в Северной Европе». Наряду с социально-экономической составляющей, ключевыми моментами

данной инициативы стало расширение многостороннего сотрудничества в области борьбы с терроризмом, что на практике означало все более активное вовлечение стран региона, в первую очередь членов НАТО, в «коалиции желающих» в Ираке и Афганистане, а также «экспорт демократии» на постсоветское пространство. В том числе, и Россию — в программе Северо-запад России и особенно Калининградская область отмечаются в числе отстающих в плане трансформации по сравнению с соседними странами. В этот период начинают ухудшаться российско-американские отношения, в американской политике активизируется линия на сдерживание России на ее периферии, и, соответственно нарастает спрос на критику России. Внешнеполитическая риторика стран Балтии довольно быстро переориентируется на обслуживание этого спроса. На этот период приходится импичмент Роландаса Паксаса под надуманными предлогами связей с Россией, фактически продавливается с минимальным перевесом кандидатура Т.-Х. Ильвеса, известного своими проамериканскими взглядами, на пост президента Эстонии. Таким образом, страны Балтии используются США для поддержки своих зарубежных операций, с целью распространения влияния на постсоветском пространстве, в качестве дополнительного сдерживающего фактора перспективного российско-европейского сближения, а также для прощупывания возможных шагов России на постсоветском пространстве. Речь идет о тактике ограниченной периферийной конфронтации, элементы которой знакомы со времен холодной войны. Разница лишь в том, что региональная аrena этой конфронтации переместилась ближе к российским границам, что позволяет ей более эффективно использовать для сдерживания России. В этом ключе стоит рассматривать роль США в апрельских 2007 года событиях в Таллине и на Северо-востоке Эстонии, спровоцированных демонстрантами «Бронзового солдата».

Очевидно, что на руку США играют проблемы в области внутренней интеграции в самих странах Балтии, особенно что касается Эстонии и Латвии. По этому вопросу интересы Вашингтона весьма противоречивы. С одной стороны, неурегулированность статуса национальных меньшинств, отстраненность от участия в политическом процессе четверти населения является потенциальной угрозой внутренней безопасности и стабильности стран-членов НАТО. С другой стороны, поддержание определенного градуса внутринациональной напряженности, в том числе на антироссийской и антируссской основе, позволяет легче решать задачу сохранения этих стран в орбите американского влияния. Ведь совершенно очевидно, что если всем русскоязычным было бы предоставлено право участия в общегосударственных выборах, как внутриполитическая, так и внешнеполитическая ориентация подверглась бы серьезной корректировке.

Такую же окраску имеет и подход США к калининградской проблематике, которая может быть потенциально использована для давления на Россию и провоцирование напряженности между Россией и Евросоюзом. Косвенно это подтверждает инцидент в начале 2001 г., когда со ссылкой на разведисточники США с подачи «Вашингтон таймс» была запущена информация о передислокации Россией тактического ядерного оружия в Калининградскую область. Утечка имела место накануне переговоров между Президентом РФ В. Путиным и Канцлером ФРГ Г. Шредером. По мнению некоторых специалистов, сохраняется неясность относительно юридического признания Соединенными Штатами принадлежности Калининградской области России.

Действия США, направленные на формирование пояса дружественных государств в регионе, легли на благодатную внутреннюю почву, в первую очередь в странах Балтии и Польше. Этому есть ряд объяснений. Наряду с фактором «благодарности» усилиям США по интеграции региона в НАТО (да и работу с европейскими партнерами по расширению ЕС), существует целый ряд объективно-рациональных факторов. Во-первых, это стремление стран Балтии найти свою нишу в европейской политике, преодолеть свою политico-географическую периферийность. Во-вторых, и это в определенной степени вытекает из предыдущего тезиса, стремление стран региона к формированию собственной политico-экономической периферии, что становится особенно важно после завершения периода быстрого экономического роста. И, наконец, не всегда громко декларируемое неверие в «старую Европу», которая, по мнению представителей прибалтийского политического истеблишмента, может пойти на очередной мюнхенский говор, сдав страны Балтии России в сложной ситуации, например, в энергетической сфере. В риторике довольно часто можно встретить ссылки на мюнхенский говор или данцигский коридор — исторические фантомы, демонстрирующие категории мышления прибалтийских политиков. Интегрировав страны Балтии и Польшу в НАТО, США упрочили возможности своего влияния в сфере европейской безопасности. Эти страны крайне критически, например, относятся к необходимости развития Евросоюзом собственной идентичности в сфере безопасности, полагая, что ключевым является роль НАТО, в которой главным остается голос США.

Как же относится к этим планам Евросоюз? С одной стороны, очевидно, что трудности расширения и внутреннего реформирования серьезнейшим образом препятствуют формированию единой политики в области внешней политики и безопасности, в том числе по энергетическим вопросам и отношениям с Россией. В этих условиях, «старая Европа» предпочитает излишне не демонстрировать расхождения в позициях с более проамериканской Европой «новой», демонстрируя определенную политическую солидарность. Это проявилось, в частности, на примере уже упомянутого внутреннего конфликта вокруг «Бронзового солдата» в Эстонии в апреле 2007 г, где Европа выступила в поддержку Эстонии. С другой стороны, представляется, что кредит доверия новым странам весьма ограничен, и он не является безвозмездным. Более того, Брюссель явно дает понять, что вынос проблематики двусторонних отношений стран Балтии с Россией, на российско-европейскую повестку дня, не является желательным. Попытки Польши, а за ней и Литвы торпедировать начало переговоров России и ЕС по рамочному соглашению не встретили особых оваций: они были формально учтены с перспективой быть мягко спущенными на тормозах в дальнейшем. А по многим практическим вопросам, в том числе в энергетической области, странам Балтии не удалось достичь компромисса с Европой. В частности, Литве не удалось добиться продления срока эксплуатации второго энергоблока Игналинской АЭС после 2009 г. — срока закрытия, оговоренного соглашениями о вступлении, а Эстонии — пересмотра политики в области квотирования выбросов парниковых газов, что может привести к сворачиванию деятельности сланцевой энергетики в стране (уже сейчас наметился спад в области производства электроэнергии). Все это уже в ближайшей перспективе существенно ухудшит конкурентные возможности балтийских стран,

которые могут оказаться в еще большей зависимости от российского газа и электроэнергии. Неслучайно балты и Польша единым фронтом стремятся раскручивать фактор российской опасности на общеевропейском уровне с целью политической консолидации Европы фактором внешнего врага и привлечения внимания Брюсселя к своим начинающим стагнировать экономикам. Ситуация в Южной Осетии стала для этого прекрасным поводом. Впрочем, поводов хватало и без этого — достаточно напомнить о позициях вышеупомянутых восточно-балтийских государств по вопросу о строительстве газопровода «Северный поток», который был представлен чуть ли не как второй пакт Молотова-Риббентропа между Россией и Германией. Конечно, и Евросоюз зачастую использует критическую позицию Польши и стран Балтии в торге с Россией по энергетическим вопросам.

Трудности формулирования общей внешней политики и политики безопасности и отсутствие реальных рычагов и механизмов влияния часто вынуждают Евросоюз следовать в рамках альтернатив, предлагаемых трансатлантическим партнером. Это касается не только региона Балтийского моря. Однако, это не означает, что интересы ЕС и США полностью тождественны. По мере сил, ЕС стремится к развитию более кооперативных отношений с Россией как на межгосударственном, так и субрегиональном и трансграничном уровнях сотрудничества. Позитивно стоит воспринимать тот факт, что «Северное измерение» трансформировалось из политики ЕС в совместную российско–исландско–норвежско–европейскую программу регионального сотрудничества, пусть и с достаточно урезанной (но оттого не менее актуальной) программой. Необходимость более активной экономической интеграции в регионе Балтийского моря, включающей и приграничные российские регионы, в первую очередь, Калининград обсуждается в рамках подготовки новой европейской инициативы — «Стратегии в регионе Балтийского моря», презентация которой намечена на вторую половину 2009 г. Очевидно, что в коммунитарные интересы ЕС совсем не входит возникновение некоего санитарно–политического кордона по периметру российских границ, добавляющего дополнительные проблемные вопросы в и без того проблемную повестку дня. Примечательно, что примерно совпадают по времени и даты представления региональных инициатив ЕС и США: «Северное измерение» и «Северо-Европейская инициатива» — 1997 г., «Расширенная Европа — новое соседство» и e-PINE — 2004 г. Хотя речь и не идет о прямой конкуренции, Европа явственно показывает стремление к самостоятельным решениям на международной арене.

Влияние России в регионе Балтийского моря в 1990-е планомерно снижалось. Попытки сбалансировать растущее американское присутствие через регионализацию архитектуры безопасности оказались безрезультатными — предложения России по совместным гарантиям безопасности, активно продвигавшиеся в 1996–1997 гг., были отвергнуты. Расширение НАТО до настоящего времени не привело к существенному изменению регионального военного баланса (к таковым сложно отнести патрулирование воздушного пространства несколькими самолетами стран НАТО), однако потенциально может представлять угрозу. Поэтому Москва предпринимала усилия по присоединению стран Балтии к адаптированному ДОБСЕ, которые также пока остаются безрезультатными: в балтийских столицах предпочитают под наду-

манными предлогами сохранять свободу маневра. В свою очередь, Россия пошла на одностороннее сокращение группировки на Северо-западе России, значительно было сокращено военное присутствие в Калининградской области. Умеренно-позитивное отношение к расширению ЕС, связанное как с недооценкой реальных последствий этого, так и желанием продемонстрировать конструктивность на фоне однозначного неприятия расширения НАТО, не отменяло российские озабоченности относительно целей ЕС в отношении России, ее приграничных регионов, в первую очередь Калининграда. В условиях сильных центробежных тенденций в федерации, Россия стремилась к «координации», а фактически ограничению внешних связей регионов. В определенной степени, это выталкивало ее за рамки проектов балтийской субрегиональной интеграции.

Двусторонние отношения России и стран Балтии развивались достаточно неровно. Хотя в политическом плане достичь сколь-нибудь значимых успехов по выстраиванию диалога в местными политическими элитами не удалось, в экономическом плане Россия сохраняла значимые позиции и как внешнеторговый партнер, и как фактически эксклюзивный поставщик энергоресурсов, в первую очередь, природного газа во все страны Балтии. При этом последними проводилась политика по сдерживанию российских инвестиций в стратегические сферы экономики: транспорт, транзит и энергетику — под лозунгом «Не пустим Ивана до крана». Хотя стратегически внешнеполитическая линия оставалась неизменной, в тактическом плане балтийские правительства периодически практиковали отход от агрессивно-мобилизационной риторики в отношении России, нацеленной на использование внешнего давления на Россию для достижения своих целей, в пользу более конструктивно-прагматичной линии, нацеленной на достижение практических решений в сфере экономики и трансграничного сотрудничества. Такие изменения, как правило, коррелировали с факторами внешней среды, в первую очередь, периодами потепления в отношениях России и Запада.

Пытаясь стимулировать своих балтийских партнеров к более благожелательной линии, Россия начинает проводить политику «дифференциации», которая ставила развитие экономического сотрудничества и договорно-правовую нормализацию (например, подписание пограничных договоров) в зависимость от разрешения проблем русскоязычных меньшинств и учета интересов России в регионе, имея в виду, расширение НАТО на восток, а также была направлена на ослабление и так не самой крепкой балтийской солидарности. Документальное оформление элементы данной стратегии получили в Долговременной линии России в отношении балтийских стран, обнародованной в феврале 1997 г. В рамках дифференциации происходит выделение позитивного примера сотрудничества с Литвой, что имело под собой объективные причины (незначительная доля русскоязычных и решение вопроса о гражданстве по «нулевому варианту»). Однако, данная линия в силу уже обозначенной привязки проблематики прав человека и экономических отношений оказалась малорезультивной, а российской стороне к началу 2000-х гг. не удалось достичь ни одной цели: отношения со странами Балтии оставались преимущественно конфликтными (с Латвией и Эстонией) либо уязвимыми (Литва), все три страны Балтии стали членами НАТО, не удалось достичь сколько-нибудь значимого прогресса в плане защиты прав русскоязычных меньшинств в Эстонии и Латвии.

В период первого президентства В.Путина в российской внешней политике проявились элементы прагматизации и экономизации во внешней политике России, которые предполагают меньшую привязку экономических отношений с политическими, хотя, конечно, и рассчитаны на то, что более прочный экономический базис будет способствовать созданию более стабильной и позитивной политической надстройки межгосударственных отношений. После вступления стран Балтии в НАТО (и ЕС) в 2004 г. утратило свою актуальность использование неурегулированности границ, и Россия пошла на ратификацию соответствующего договора с Литвой (он был подписан еще в 1997 г.), а также их подписание с Латвией и Эстонией. К сожалению, в последнем случае эстонская сторона обставила ратификацию неприемлемыми для России ссылками на Тартуский мирный договор (1920), согласно которому Эстонии отходил Ивангород и Печоры, и подпись России была отозвана.

Вопреки обещаниям Вильнюса, Риги и Таллина, вступление в НАТО не привело к улучшению двусторонних отношений, все три республики пополнили ряд стран-членов, перманентно критикующих Россию. Последняя задействовала элементы политики «маргинализации», когда страны Балтии представлялись в качестве плохих примеров демократии, попирающих права человека внутри страны в отношении национальных меньшинств, переписывающих историю и поощряющих возрождение нацизма. Эта линия была нацелена на обесценение критического голоса Латвии и Эстонии в НАТО и ЕС, а также подвергала сомнению их растущую внешнеполитическую роль на постсоветском пространстве.

К настоящему времени нельзя говорить о целостной политике России в регионе Балтийского моря, в целом, и по отношению к странам Балтии, в частности. Заявленный прагматизм, по мнению одного из российских специалистов, подменяет собой стратегический подход. Однако ее общие контуры представляются следующим образом. Во-первых, Россия не заинтересована в дестабилизации в регионе, который является основным окном торгово-экономического сотрудничества между Россией и Европейским Союзом. Поэтому в военной области проявляется известнаядержанность и нацеленность на сотрудничество, в том числе с НАТО, по целому ряду областей. Кроме того, существует ряд проблем, общих для региона Балтийского моря, в частности экологических. При этом Россия во все большей степени готова финансировать региональные проекты, а значит, и участвовать в выработке их повестки, и в гораздо меньшей степени озабочена перспективами сепаратизма в приграничных регионах Северо-запада, включая Калининград, осознавая перспективный ресурс регионов для реализации целей своей внешней политики. Во-вторых, Россия объективно заинтересована в уменьшении круга своих критиков в ЕС и НАТО, поэтому она в достаточной мере рецептивна к позитивным сигналам из балтийских столиц, и готова их поощрять как политически, так и экономически. Примером такого рода являются российско-латвийские отношения, в рамках которых Россия проявила готовность разложить в разные корзины вопросы русскоязычных меньшинств и начать активный диалог с правящими партиями, а не теми силами, которые она хотела бы видеть у власти. В-третьих, благодаря развитию собственных экспортных мощностей, Россия сейчас обладает более широким арсеналом экономических рычагов, которые при необходимости готова использовать. Примерами такого рода являются неработающая по «техническим причинам» ветка нефтепровода «Дружба» в направлении

Литвы или снизившийся объем транзита через территорию Эстонии после апрельских событий. Помимо конъюнктуры, эта политика вписывается и в долговременную экономическую логику: Россия не собирается позволять отдельным странам извлекать дополнительные доходы из транзитной инфраструктуры, созданной в советские времена, если она не находится под контролем российских компаний. Наряду с этим, Россия становится все более привлекательной с точки зрения бизнеса, особенно на фоне медленно растущей экономики ЕС и переживающей стагнацию экономики стран Балтии, а голос предпринимателей в пользу улучшения отношений с Россией становится все более отчетливым.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о том, на ситуацию в регионе Балтийского моря оказывают сильное влияние внешние факторы — отношения между США, ЕС и Россией. Вашингтон имеет прочную базу для своего влияния, используя страны региона в целях сдерживания России, в том числе, на постсоветском пространстве, для сохранения своего влияния на российско-европейские отношения и положение дел внутри ЕС. Евросоюз пока в значительной степени вынужден полагаться на США, особенно в том, что касается вопросов безопасности, но в перспективе будет стремиться к более самостоятельной линии и ослаблению проамериканского пояса внутри ЕС. Евросоюз обладает развитым инструментарием влияния в сфере мягкой безопасности, что является определенным вызовом для политики России в регионе. При этом РФ и ЕС имеют общий интерес использовать регион как интерфейс сотрудничества, а не конфронтации. Не выгодна дестабилизация в регионе и США. Процесс ослабления влияния России в регионе приостановлен, она стремится к более сбалансированной региональной архитектуре, недопущению создания санитарных кордонов и очагов потенциальной конфликтности на периферии своих границ. Наличные политico-экономические ресурсы для этого возросли, однако, стратегической линии их использования пока не выработано. В этих условиях балтийская политика России сохраняет элементы ситуативного реагирования.

Эволюция взаимных образов России и США: проблемы методологии³⁶

И. И. Курилла

Долгое время было принято считать, что состояние дипломатических отношений играет решающую роль в определении отношения одной страны к другой. Нам представляется, что это тезис по меньшей мере неточен. Безусловно, государственный интерес накладывает свой отпечаток на освещение политики и реалий другой страны в средствах массовой информации. Однако верна и обратная связь: трактовка политики партнера зачастую зависит от заранее сформированных представлений о его целях, что зачастую усугубляет известную «дилемму безопасности». В этом случае дипломатические отношения могут ухудшиться из-за доминирования искаженных образов другой страны в СМИ и общественном мнении своей. Недавним примером послужило освещение американским телевидением конфликта на Кавказе, когда, в условиях недостатка достоверной информации, журналисты строили объяснительные модели, опираясь на старые стереотипы об «агрессивной, империалистической России». Российское общество также отстает в своем понимании реалий США от быстрой эволюции американского общества, что показало, в частности, распространенное в ходе недавней президентской кампании неверие в возможность избрания президентом афро-американца³⁷. Как выяснилось, представления россиян о скрытом расизме американцев оказались преувеличенными (хотя они, несомненно, отражали ситуацию недавнего прошлого). Были ли на основании таких оценок допущены дипломатические просчеты, остается неясным, но они вполне вероятны.

³⁶ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 07–01–02002а «Восприятие российской модернизации в США в XIX–XX вв.»).

³⁷ В возможность победы черного кандидата не верил за две недели до выборов даже известный американский А. И. Уткин: «Победителем будет Обама? — Ни в коем случае. Хочу напомнить, что американскими президентами были англосаксы, бывший немец и ирландец. И больше никто. И так 225 лет». См.: Анатолий Уткин: для меня итог выборов в США предрешен: Интервью телеканалу «Вести» 22.10.2008 // <http://www.vesti.ru/doc.htm?i=217931&cid=1>

Каким же образом формируется и эволюционирует образ другой страны?

В своих подходах мы опираемся на модель, предложенную французско-болгарским ученым Ц. Тодоровым в его книге «Conquest of America», посвященной взаимодействию испанских завоевателей с индейцами Нового света. Тодоров выделяет три «оси» проблемы контакта с Другим: ценностный подход (аксиологическая ось) — определение, хорошо или плохо Другой; действие сближения или дистанцирования от Другого (праксеологическая ось) — предполагающего несколько вариантов поведения: принятие ценностей Другого и идентификация себя с ним, идентификация Другого с собой и наложение на него своего собственного образа, нейтральность или безразличие; наконец, уровень знания Другого (эпистемологическая ось). Исследователь показал, что эти три оси не зависят друг от друга, и, например, лучшее знание может сочетаться как с более, так и менее высокой оценкой Другого и с разными подходами к практике взаимодействия³⁸.

Эта позиция позволяет объяснить, почему не работают, как ожидалось, усилия по объяснению иностранной общественности «истинных мотивов» и реалий своей страны. Большой объем знаний о Другом не влечет за собой лучшее к нему отношение.

Тем не менее, модель Тодорова, постулируя отсутствие значимых связей между знанием другой страны и ее оценкой, и плодотворно разводя разные составляющие отношения к иному обществу, не дает объяснения, какие факторы на самом деле влияют на формирование образа Другого.

По нашему мнению, в каждом обществе в конкретный период времени существует система представлений о «правильном» государственном и общественном устройстве, культурных институтах и обычаях. Эта система представлений основана как на собственной практике, так и на идеалах, сформированных в данной культуре. Реалии другой страны накладываются на собственную «систему координат», оси которой заданы своей традицией, поэтому, прежде всего в текстах о другой стране авторами описываются значимые для собственной культуры структуры (или отмечается их отсутствие). При изучении таких текстов исследователь получает возможность как изучить описываемую культуру, так и сделать выводы о системе доминирующих представлений авторского общества. Этот уровень наиболее стабилен, поскольку медленно меняются представления об общественном устройстве³⁹. В то же время, способность наблюдателя понять ограниченность собственных представлений носит индивидуальный характер, и оценка отличий может различаться до противоположности.

Кроме системы долговременных представлений в каждый определенный момент времени в обществе существует «повестка дня», — темы, находящиеся в центре политики и внимания со стороны общественного мнения, отражающиеся в текстах государственных деятелей, журналистов, писателей. Этот набор проблем, сформированный конкретной конфигурацией интересов внутри страны, проецируется на другое общество. Все институты, все события политической и общественной жизни изучаемой страны рассматриваются сквозь призму «домашних» аналогий. Именно на этом уровне осуществляется «использование Другого», происходит «изобретение» ментального образа другой страны.

³⁸ Todorov T. The Conquest of America: The Question of the Other. New York, 1982. P. 185–186.

³⁹ Очевидна близость описываемой «системы координат» к понятию «менталитета», которое, однако, представляется нам более широким.

Ведущий немецкий ученый, лидер школы философской герменевтики Г.-Г. Гадамер вслед за Хайдеггером утверждал, что «понять нечто можно лишь благодаря заранее имеющимся относительно него предположениям, а не когда оно предстоит нам как что-то абсолютно загадочное», но предупреждал и о том, что «антиципации могут оказаться источником ошибок в толковании»⁴⁰. Ю. М. Лотман, в свою очередь, считал, что историк может «в самих этих ошибках, в характере непонимания находить источник ценных сведений»⁴¹.

Иными словами, тексты иностранца позволяют нам не только узнать что-то новое об описанных им предметах, но и понять его собственные «предположения» о чужой для него стране.

«Система координат» и повестка дня определяют как направленность наблюдения путешественников за другим обществом, так и характер восприятия текстов о Другом общественным мнением собственной страны. Именно этот «двойной фильтр» оказывает решающее влияние как на отбор информации, так и на ее оценку, и, таким образом, на формирование образа другой страны. В свою очередь, сформированный образ Другого стереотипизируется, становится частью картины мира, «системы координат», меняется чрезвычайно медленно, и влияет на направленность наблюдения последующих путешественников.

«Повестка дня» коррелирует с использованным Тодоровым понятием «праксиса». В самом деле, именно она формирует практические задачи по отношению к другому обществу. Болгарский исследователь исходил из независимости трех «осей» отношения к Другому. Нам представляется, что праксеологическая ось, сформированная задачами внутреннего развития («повесткой дня») оказывается первичной.

Посмотрим на действие этих факторов на примере эволюции образов России в Соединенных Штатах Америки и США в нашей стране на протяжении двух столетий. Оговоримся, что объем доклада на конвенте позволяет сделать это лишь в форме наброска-гипотезы.

История помнит несколько циклов сближения и удаления двух стран друг от друга, когда не только государственные интересы, но и доминирующие в обществе настроения совершали полный разворот от взаимных симпатий к враждебности.

Первым периодом сближения были 1830–1880-е годы, когда Николай I осуществлял программу технической модернизации Российской империи, а его сын Александр II распространил модернизацию на само российское общество. Малоизвестные страницы сотрудничества России и США в тот период включали постройку лучшего в России военного парохода на верфи в Нью-Йорке, сооружение железной дороги между Москвой и Санкт-Петербургом и оснащение ее подвижным составом по чертежам и под наблюдением американских инженеров, принятие на вооружение американских изобретений, включая револьверы С. Кольта и винтовки Х. Бердана («берданки»). Николай I впервые обратился к американскому опыту после того, как Великобритания, ставшая из союзницы времен наполеоновских войн соперником,

⁴⁰ Гадамер Г.-Г. Философские основания XX века // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 18–19.

⁴¹ Лотман Ю. М. К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России // Лотман Ю. М. Избранные статьи в 3 т. Т. 3. Таллинн, 1993. С. 138.

закрыла русским офицерам доступ к высоким технологиям того времени (прежде всего, военным пароходам). Именно тогда США выступили альтернативным источником современных изобретений.

В свою очередь, после того, как американцы почувствовали востребованность своего опыта в России, общественное мнение в США о далекой империи быстро стало доброжелательным.

Если до 1830-х годов большая часть текстов о России, публиковавшихся и читавшихся в США, принадлежали перу европейских путешественников, то с конца десятилетия в Соединенных Штатах начали печататься оригинальные заметки побывавших в России американцев. Заимствованный в Европе (прежде всего, в Англии) образ России стал вытесняться собственным.

Любопытно, что именно с 1830-х годов в европейском общественном мнении образ России начинает ухудшаться, приобретая все более негативные черты. Американский исследователь этой проблемы Мартин Малия отмечал, что «вторая четверть девятнадцатого века была эпохой преимущественно черной литературы о России». В самом деле, именно тогда впервые сформировался репертуар негативных стереотипов по поводу России, осуждения, которые сохранились до наших дней⁴². В то же время, в общественном мнении американцев Россия, напротив, заслуживала все большего одобрения. Достаточно сравнить текст стандартного школьного учебника С. Гудрича (публиковавшегося под псевдонимом Питер Парли) изданий 1838 года и 1856 года.

Учебник 1838 года рассказывал о неограниченной власти русского императора Николая над своими подданными и об опасности, которую тот представлял для своих соседей: «нет закона, который был бы выше его воли. Он не только деспот в своей стране, он внушает ужас всей Европе»; «Николай должен постоянно сражаться с кем-нибудь, так, сейчас он воюет со своими азиатскими подданными»⁴³. Крепостные «являются собственностью своих хозяев, которые смотрят на них как на животных, созданных для услужения им; и они почти не интересуют их, за исключением того, чтобы получать от них как можно больше»⁴⁴.

В новом же издании того же самого школьного учебника, выпущенном в 1856 г. (исправленном в 1853 г.), исчезли наиболее мрачные описания агрессивности российской внешней политики и страданий русских крепостных, зато появились такие пассажи: «Россия совершила удивительный прогресс в цивилизации в течение последних двадцати лет. Железные дороги введены повсеместно, и сегодня соединяют крупнейшие города. Искусства и мануфактуры поддерживаются, и по всей империи существует общее стремление к улучшениям». Николай — «человек больших талантов и быстро улучшает условия жизни своего народа, одновременно увеличивая мощь своей державы»⁴⁵.

⁴² Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, London, 1999. P. 98.

⁴³ [Goodrich S. G.] *Peter Parley's Common School History*. Boston, 1838. P. 260–261, 267.

⁴⁴ Ibid. P. 263.

⁴⁵ [Goodrich S. G.] *Peter Parley's Common School History*. Philadelphia, 1856. P. 215, 219.

К началу правления Александра II недостатки чисто технической модернизации стали уже очевидными, и император начал «Великие реформы», включавшие отмену крепостного права (1861), создание земства (1863) и другие общественные инновации. «Демократия в Америке» Алексиса Токвилля была в середине XIX века обязательным чтением российских интеллектуалов, включая многих высших государственных чиновников. Именно Соединенные Штаты предлагали реформаторам альтернативные модели общества и государства, а их критикам — устрашающие образы анархии и отсутствия государственного контроля. Можно сказать, что на протяжении всего периода реформ (включая «технические» нововведения Николая), примерно 1837–1881 гг., Америка оставалась важнейшим поставщиком аргументов для дискуссий о будущем России. В этот период Россия оставалась для самих американцев дружественной страной, как на международной сцене, так и по ее устремлениям.

После убийства Александра II в марте 1881 русская история изменила свой курс. Два последних царя развернули контреформы в целях стабилизации, которые привели к политическому кризису и революциям 1905 и 1917 гг.

Можно выделить следующие элементы американского образа России в середине XIX века:

- Самодержавие как оппозиция американской демократии.
- Крепостное право как аналог американскому рабству негров.
- Антианглийская внешняя политика, делающая Россию союзником США.
- ТERRITORIALNAYA ЭКСПАНСИЯ, аналогичная экспансии США на запад.
- Кавказская война как аналог войн США с индейцами (возникала и альтернативная аналогия — черкесы борющиеся за независимость как американцы в XVIII веке, но она не стала доминировать).
- Войны России с Турцией как аналог войны США с Мексикой.
- Наличие протестантов на министерских постах в Российской империи как доказательство наличия свободы религии.
- Стремление развивать собственную промышленность, опираясь на американскую экспертизу.

Как видно, большая часть этих представлений носили позитивный характер. На рубеже 1840–1850-х годов сторонники «Молодой Америки» попытались переопределить образ России, опираясь на противоположность государственного устройства, грядущий спор за мировое первенство и позицию России как гаранта Версальской системы международных отношений (которую сами сторонники «Молодой Америки» стремились разрушить), но этого оказалось мало.

Для изменения образа России в США в худшую сторону потребовалось исчезновение нескольких значимых аналогий (рабство — крепостное право, территориальная экспансия, войны с черкесами и индейцами, с Турцией и Мексикой), существенная корректировка нескольких оставшихся (представление о свободе религии подорвано массовой эмиграцией евреев и немцев; Сибирь как аналог американского Дальнего Запада замещается Сибирию — пенитенциарной системой), и, наконец, появление разногласий на международной сцене.

В свою очередь, Америка перестала играть какую бы то ни было роль в публичном дискурсе поздней Российской империи. Более того, пример заокеанской республики оставался интересным лишь для анархистов и народников, однако не для государственных

деятелей или обществ в целом. Именно в эту эпоху из России в США эмигрировали представители этнических и религиозных меньшинств, такие как евреи и русские немцы, разворачивая на новой родине ужасающую картину России, увиденной глазами угнетенной части населения. Те же, кто остался в империи, теперь были готовы критиковать американские порядки. Гимназический учебник начала XX века подчеркивал, что «отрицательными сторонами [нового государства — США] явились рабство, уцелевшее в южных штатах и даже подтвержденное конституцией 1787 года, а также организация президентских выборов, сделавшаяся впоследствии источником смут. Впрочем, благодаря безопасности извне, С.—А.С. Штаты развивались, несмотря на указанные отрицательные стороны их строя»⁴⁶. Как видим, автор дважды подчеркнул, что выборы президента, наряду с рабством, были «отрицательными сторонами» политического строя США.

Революция 1917 года начала новый период реформирования России. И снова, американский пример оказался востребованным. Советские руководители ориентировались на американскую эффективность и надеялись, что Россия сможет совершить резкий рывок, введя «фордизм» в организацию собственной промышленности. Лев Троцкий писал в 1926 году: «Советская система, подкованная американской техникой, это и будет социализм. Наш общественный строй даст американской технике иное, несравненно более целесообразное применение. Но и американская техника преобразует наш строй, освободит его от наследия отсталости, первобытности, варварства. Из сочетания советского строя и американской техники рождается новая техника и новая культура — техника и культура для всех, без сынов и пасынков»⁴⁷. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений до 1933 года, именно американские компании продавали Советскому Союзу оборудование для индустриализации и направляли инженеров для строительства заводов и фабрик, включая такие гиганты первых пятилеток, как Сталинградский тракторный (International Harvester), Нижегородский автомобильный (Форд), Днепрогэс и многие другие.

1920-е были периодом, когда ведущие русские писатели, включая Владимира Маяковского, Сергея Есенина и Бориса Пильняка путешествовали по Америке (в основном за государственный счет) для того, чтобы открыть новый образ жизни. Одной из самых популярных книг 1930-х стала «Одноэтажная Америка», отчет о путешествии по США Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Недоверчиво относившийся к европейцам, особенно к Великобритании, Иосиф Сталин сам был относительно дружелюбен к американцам. Вторая мировая война стала кульминацией сближения, когда общая задача борьбы с нацизмом сплотила две страны, однако предпосылки к этому были выстроены в предвоенные десятилетия. Не случайно 1930-е были «золотым веком» Коммунистической партии США, которой симпатизировали многие американские интеллектуалы (вплоть до пакта Молотова—Риббентропа 1939 года, который разрушил ее популярность).

Снова, эпоха реформ сделала Соединенные Штаты привлекательными в качестве экономической модели, которая могла помочь Советской России превзойти ее европейских соседей.

⁴⁶ Новая история. Курс VI и VII классов мужских и женских гимназий. Составил К.И. Добринин, директор Кашинского Алексеевского реального училища. М., 1914. С. 192.

⁴⁷ Троцкий Л.Д. Культура и социализм // <http://www.komintern-online.com/trotl981.htm>

Новый период отчуждения наступил после Второй мировой войны. Не оценивая степень «вины» каждой из сторон за развязывания «холодной войны», обратим внимание на то, что для Советского Союза это был период стабилизации. Более чем на десятилетие советское руководство перестало формировать политическую повестку дня как реформаторскую. Это время было также пиком антиамериканской пропаганды в Советском Союзе.

Однако, как только Н. С. Хрущев выступил с собственной программой реформ, США вновь стали вдохновлять советских руководителей. Именно после своего визита в США в 1959 году Хрущев ввел в СССР повсеместное выращивание кукурузы и открыл супермаркеты («магазины самообслуживания»), дешевое жилье и массовое производство автомобилей. Именно с этого времени СССР начал формулировать свои цели как соотносящиеся с США: «догнать и перегнать Америку».

Программа реформ выдохлась примерно к середине брежневского периода. Он начал свое управление страной с политики разрядки, однако закончил вводом войск в Афганистан. США вновь стали описываться как «наиболее вероятный противник». Экономические реформы А. Косыгина также были отвергнуты к середине 1970-х. Политика отказа от реформ дома опять совпала с политикой отказа от сближения с США. Так, брежневский «застой» был связан со «вторым изданием холодной войны».

Российская история времен Михаила Горбачева и Бориса Ельцина была отмечена обновленным реформаторским духом, когда пример США вновь стал казаться весьма привлекательным. Рыночные реформы и демократизация требовали привлечения иностранных советников, и именно американцы стали выполнять эту роль. Больше того, россияне в какой-то момент надеялись, что Соединенные Штаты помогут России быстро преодолеть тяжелый период реформ. Разоружение и популярность последнего советского лидера в США помогали смотреть на бывшего соперника с добрыми чувствами.

Борис Ельцин внес свой вклад в сближение двух стран, начав использовать язык демократии и рыночных реформ и отрицая само наличие разницы в ценностях между российским и американским народами. Однако к концу его президентства программа реформ начала сворачиваться. Разочарование в реформаторстве росло параллельно с ростом разочарования в американском примере.

Владимир Путин сумел оседлать оба тренда. Стабильность в годы его президентства стала главной целью, а Россия перестала нуждаться в американских советах. Антиамериканизм вновь вырос, как бывало всегда в эпохи российской «стабильности». Конечно же, сама американская внешняя политика последнего десятилетия внесла огромный вклад в рост антиамериканизма (не только в России, но и во всем мире), однако в перспективе российской истории очевидна связь между внутренней «повесткой дня» и конструированием взаимных образов.

Соединенные Штаты на протяжении этих двух столетий прошли через собственные циклы надежд и разочарований по поводу России. Каждый раз, когда в России начинался очередной период реформ, американское общественное мнение с энтузиазмом поддерживало их в надежде на появление на востоке Европы демократической республики, похожей на США. Однако каждый раз, когда реформы сменялись стабилизацией, в Америке ширилось разочарование Россией и убежденность в ее нереформируемости. Этот цикл повторялся в конце XIX века, во время и после

революции 1917 года, во время хрущевской «оттепели», горбачевской перестройки и ельцинских реформ. Глубина разочарования объяснялась тем, что американское общество чувствовало себя обманутым в лучших ожиданиях, и потому рисовало стабильную Россию в более темных красках, чем она, по-видимому, заслуживала. Однако новые попытки реформирования вновь привлекали симпатии американцев, и цикл начинался заново.

Дискуссии в США об их собственной «повестке дня» редко сосредотачивались на России; если она упоминалась, то как образец самодержавия в противовес всему американскому. Так было в начале XIX века, на рубеже XIX и XX веков, на протяжении «холодной войны», и вновь в начале XXI века. Интересно, что в большинстве случаев такое использование было вызвано той или другой внутренней проблемой самих Соединенных Штатов, такой как рабство негров, расовая сегрегация, «охота на ведьм» и войны далеко за собственными рубежами. Россия каждый раз служила примером «еще более плохого», или принципиально худшего государства, что помогало прими-рять критиков с собственными проблемами Америки. Именно такой использование и называется в конструктивизме использованием конституирующего Другого.

Были, однако, времена, когда «повестки дня» двух стран и обществ пересекались. Так случалось в годы почти всех войн, от американской Войны за независимость, когда Манифест о вооруженном нейтралитете помог американским колонистам выстоять британскую блокаду, или Гражданской войны, когда российские эскадры пришли в гавани Нью-Йорка и Сан-Франциско (для того, чтобы избежать их блокирования на случай войны с Англией, но на деле символически поддержали Север), или во время двух мировых войн, особенно Второй мировой, в которой выступали союзниками. В 2001 году подобная модель отношений возродилась в виде войны с террором, когда Россия и США вновь оказались на одной стороне против общего противника. Таким образом, совместная внешнеполитическая повестка дня, или общие проблемы безопасности объединяют две страны и помогают им улучшить отношения.

Из вышесказанного следует, по меньшей мере, одна политическая рекомендация. Для улучшения образа России в мире, и в Соединенных Штатах в частности, необ-ходима не только всесторонняя информация о нашей стране, но и формирование общей с США «повестки дня» (исходя из того, что просто повлиять на американскую «повестку дня» невозможно). Отдельно стоит отметить, что эта повестка дня не может ограничиваться сближением самим по себе. Необходима реальная общая задача. Дей-ственность такого подхода была показана не так давно в начале кампании по борьбе с терроризмом. Представляется, что у наших стран есть и другие области общих инте-ресов, сотрудничество в которых способно улучшить образ России в западном мире.

Иракский фактор британской внешней политики или «ближневосточное болото» Тони Блэра

Н. В. Поздышева

В своих мемуарах бывший канцлер Германии Герхард Шредер отмечает: «признаки того, что США как минимум не исключают возможности интервенции в Ирак стали все чаще проявляться еще в мае 2002 года. При этом британский премьер-министр Тони Блэр очень рано и с полной определенностью дал понять, что будет поддерживать Америку без всяких ограничений»⁴⁸. Мотивы этого ключевого решения Блэра политики между собой не обсуждали. Однако Шредер предполагает, что для Блэра «на переднем плане все же стояли особые отношения между США и Соединенным Королевством». Он также упоминает внутриполитическую мотивировку: стремление перехватить у британских консерваторов лидерство в налаживании связей между Британией и США, в той сфере, где в эпоху Рейгана и Тэтчер правительство тори добилось несомненного успеха. Прав ли был немецкий канцлер в своих предположениях? Действительно ли Блэр был лишь «пуделем мистера Буша», готовым сохранить особые отношения с заокеанским партнером любой ценой? Вероятно это не совсем так. Было ли это заблуждение немецкого канцлера искренним — также большой вопрос.

Так, исследователь Стефан Дайсон отмечает, что «Блэр был сторонником действий против бывшего иракского президента Саддама Хусейна задолго до того, как администрация Буша начала подготовку к войне. Например, в частной беседе с лидером Либерально-демократической партии Пэдди Эшдауном в ноябре 1997 года Блэр сказал: «Саддам очень близок к тому, чтобы обрести оружие массового поражения... Мы не можем ему этого позволить. Мир думает, что это лишь игра. Но это чрезвычайно серьезно»⁴⁹.

⁴⁸ Шредер Г. Решения. Моя жизнь в политике. М., 2007. С. 205–206

⁴⁹ Dyson S., Personality and Foreign Policy: Tony Blair's Iraq Decisions. // Foreign Policy Analysis. 2006. №2. С. 290

Анализ выступлений Тони Блэра также свидетельствует о том, что тема Ирака обсуждалась им с самого момента прихода на Даунинг стрит. Например, выступая 5 февраля 1998 года в Белом доме, Блэр призвал страны объединить усилия и найти дипломатическое решение проблемы, связанной с режимом Саддама Хусейна. Успех или провал иракской дипломатии зависел, по мнению британского премьер-министра, от С. Хусейна. «Если он не пойдет навстречу, то существует угроза применения силы, и она реальна»⁵⁰, — так закончил свою речь политик. Поэтому проведенная в 1998 году акция как минимум прорабатывалась в качестве возможного сценария развития событий. В дальнейшем, террористические атаки на США в сентябре 2001 года на время отвлекли внимание от иракской проблематики. Политика в отношении С. Хусейна по-прежнему занимала свое место в дискуссиях, хотя и не столь открыто. Например, выступление Блэра на чрезвычайном заседании Палаты общин 14 сентября 2001 года включало в повестку дня проблему оружия массового поражения. Как отмечает британист Ал. А. Громыко, «это было не чем иным как дальнейшим подступом к развитию темы Ирака»⁵¹.

Пожалуй бесспорным подтверждением того, что на Даунинг Стрит не только знали о намерениях США, но и были готовы поддержать Буша даже в условиях международной изоляции, стала личная записка советника Тони Блэра по внешнеполитическим вопросам Дэвида Мэннинга. Проведя 14 марта 2002 года встречу с заместилем министра обороны США Полом Вулфовичем он написал, что стремление Соединенных Штатов к войне было очевидным, поскольку Вулфович акцентировал внимание на зверствах Саддама Хусейна, исключая вариант организации военного переворота для свержения Саддама⁵².

Конкретные же сценарии вооруженного вторжения в Ирак обсуждались спустя пару месяцев после этой встречи, 23 июля, главным образом Тони Блэром и министром обороны Джеки Хуном, МИДом Джеком Стро, главой МИ6 Сэром Ричардом Диарлавом и главой Кабинета премьер-министра Джонатаном Пауэлом, что, по мнению Майкла Мазарра свидетельствовало о том, что абсолютно все сбравшиеся считали войну неизбежной»⁵³.

Рассматривая ситуацию 2003 года как продолжение затяжного кризиса с давней историей, можно вспомнить события августа 1990 года. Тогда, по мнению Капитоновой Н. К., «Тэтчер принадлежит инициатива в создании прецедента использования силы в обход ООН»⁵⁴. Во-первых, именно после встречи с нею американский президент принял решение об отправке войск в Персидский залив. Она также сыграла важную роль в принятии СБ резолюций, предусматривавших введение санкций в отношении Багдада. При этом Тэтчер убеждала Буша пойти дальше, настаивая на применении

⁵⁰ Blair T. Speech by the Prime Minister: Arrival ceremony at the White House. Thursday 5 February 1998. (<http://www.number-10.gov.uk/output/Page1150.asp>, дата посещения 22.10.2006).

⁵¹ Великобритания: эпоха реформ. / Под ред. Ал. А. Громыко. М., 2007. С. 429.

⁵² Manning D. Prime Minister:Your Trip to the US. British Government Memo, March 14. // (<http://www.downingstreetmemo.com/manningtext.html>, дата посещения 15.05.2008).

⁵³ Mazarr M.J. The Iraq War and Agenda Setting. // Foreign Policy Analysis. 2007. № 3. Pp. 6–7.

⁵⁴ Там же. С. 353.

силы против Ирака даже в отсутствии санкций Совета Безопасности. Очевидно, что решение Блэра не было беспрецедентным, а имело под собой весьма прочную основу.

Стремление быть ближайшим союзником Вашингтона не означает согласие Великобритании со склонностью американской администрации к односторонним действиям. Известно, что особые отношения с США Великобритания традиционно рассматривала в качестве инструмента влияния на американскую внешнюю политику. Так, Тони Блэр тесно увязывал участие своей страны в иракской интервенции с рядом уступок со стороны Белого дома. Активизация процесса ближневосточного урегулирования и принятие резолюции ООН, санкционирующей военную операцию в отношении Ирака — наиболее значимые из них. В данном случае позиция Блэра шла вразрез с курсом американского президента на подготовку к военной операции даже при отсутствии поддержки международного сообщества. Согласие Совета Безопасности на проведении военных действий Блэр считал необходимым и надеялся повлиять на решимость Буша. Британский премьер-министр также полагал, что поддержка американского подхода к иракской проблеме принесет ему согласие Америки активизировать реализацию плана «дорожная карта» (путь решения арабо-израильского конфликта на основе создания двух государств)⁵⁵. Он также рассчитывал на то, что Великобритания будет оказывать существенное влияние на процессы реконструкции послевоенного Ирака и налаживание отношений с соседями. Но влияние внутриполитического американского лобби на ближневосточную политику США перевесило. В итоге Блэр не оставил ничего, кроме как обманывать себя тем, что эти уступки он получил⁵⁶.

Показательно то, что наиболее серьезные кризисы в истории НАТО случались из-за разногласий по Ближнему Востоку: в 1956, 1967, 1973, 1979–1981 и в 2002–2003. Самые неразрешимые разногласия — по поводу арабо-израильского конфликта.

Учитывая тот факт, что в действительности Соединенные Штаты могли как прислушиваться к советам своего ближайшего партнера, так и игнорировать их, ценность такого взаимодействия не раз подвергалась сомнению. Гораздо более радикальные оценки дает исследователь Уильям Уоллейс утверждая, что необходимо признать «смерть» особых отношений. По его мнению, несмотря на то, что отношения Великобритании и США достаточно крепкие в отдельных областях, «мы обманываем себя, если считаем, что британское руководство может оказывать влияние на формирование внешней политики Белого Дома»⁵⁷. В качестве обоснования своего тезиса, Уоллейс ссылается на весьма показательный пример: Вашингтон установил особые отношения со многими другими странами — Израиль, Австралия, Мексика, Италия, Польша и даже Саудовская Аравия.

Вероятно, автор преувеличивает, ставя в один ряд отношения США с Великобританией и такими странами как Мексика, Италия, Польша. Главная особенность «особых отношений» со всеми этими странами — это их очевидный краткосрочный, сугубо прагматический характер. Однако у него есть ряд сторонников и среди отечественных исследователей.

⁵⁵ Wallace W. The Collapse of British Foreign Policy. // International Affairs. 2005 № 1. P. 58.

⁵⁶ Hoggett P. Iraq: Blair's Mission Impossible. // The British Journal of Politics & International Relations, 2005. Vol. 3. P. 421.

⁵⁷ Wallace W. Op. cit. P. 65–66.

Критикуя, отчасти вполне объективно, последствия «особых отношений» для Великобритании многие исследователи иракской проблематики ставили в вину Т. Блэрю то, что в погоне за статусом ближайшего союзника Вашингтона, он упустил очень важные вопросы. Несмотря на то, что у Великобритании был огромный опыт управления ближневосточными территориями — ее «вклад» в формирование политической структуры иракского общества был самым значительным, ведь именно британское руководство фактически сформировало границы современного государства — правительство Блэра не учло особенности страны, против которой развязало военные действия. И это при том, что обеим странам пришлось пройти через кровопролитные войны в этом регионе мира: США до сих пор крупнейшей национальной трагедией считают войну во Вьетнаме, а Британия не без человеческих потерь в Азии пережила трансформацию империи в Содружество. Союзники даже не разработали состоятельный план послевоенного восстановления страны, в связи с чем столкнулись с существенными трудностями после окончания активной фазы военной операции.

Вероятно, эти упреки также не вполне обоснованы. Наиболее ярким свидетельством тому является работа Оксфордской группы экономического прогнозирования при Центре стратегических и международных исследований (Oxford Economic Forecasting, Centre for Strategic and International Studies). В январе 2003 года она опубликовала результаты проведенного исследования относительно возможных экономических последствий войны в Ираке⁵⁸. Группой были разработаны четыре сценария: 1) дипломатическое урегулирование конфликта; 2) благоприятный сценарий (быстрая, решительная победа без применения ОМП против сил коалиции, Израиля или других стран региона, прежний уровень добычи нефти странами ОПЕК, установление нового подконтрольного иракского правительства — вероятность 40–60%); 3) средний сценарий (незначительный ущерб нефтяным месторождениям Ирака, атаки Ирака на Израиль и войска коалиции, но без применения ОМП, неожиданно затянувшееся сопротивление иракской армии, низкий уровень социальной напряженности и столкновений в Ираке после окончания военной фазы конфликта — вероятность 30–40%); 4) наихудший сценарий (Ирак атакует нефтяную инфраструктуру в регионе с применением ОМП, политический/экономический кризис, активное вовлечение в войну Израиля, массовые политические беспорядки в регионе, существенные общественные конфликты в Ираке после окончания военной фазы конфликта, террористические атаки на США и Великобританию как на Ближнем Востоке, так на их национальной территории — вероятность 5–10%).

Сопоставив показатели по всем четырем сценариям развития иракского конфликта, группа приходит к выводу, что война в Ираке ударит по всем крупнейшим экономикам (исключение составляет лишь благоприятный сценарий, где единственное значительное экономическое последствие — более высокие расходы на оборону в США и Соединенном Королевстве). Однако ущерб британской экономике будет более поверхностным, чем для стран еврозоны, поэтому она сможет преодолеть негативные последствия, не переходя к экономическому спаду. Даже при наихудшем сценарии падение ВВП в Великобритании будет в два раза меньшим, чем в США или странах еврозоны, а в 2004 году ожидается самый высокий рост в 2,7%.

⁵⁸ War in Iraq: Implications for the UK economy. // Economic Outlook. January 2003.

Возможное влияние войны в Ираке на экономический рост

Рост ВВП %	Дипломатическое решение		Благоприятный Сценарий		Средний сценарий		Наихудший Сценарий	
	2003	2004	2003	2004	2003	2004	2003	2004
США	2.4	3.5	2.6	3.7	1.2	3.3	-0.7	1.2
Германия	0.7	1.7	0.7	1.8	-0.3	1.6	-1.5	1.2
Еврозона	1.2	2.4	1.2	2.5	0.2	2.7	-0.8	2.3
Великобритания	2.4	3.0	2.4	3.2	1.2	3.3	-0.4	2.7

Все это подтверждается цифрами: к середине первого десятилетия XXI века в стране уже 14 лет продолжался экономический подъем — лучший результат за 300 лет; инфляция не превышала 2% — самый низкий показатель за три десятилетия; прирост ВВП в 2004 году составил 3%, что значительно выше среднего показателя по странам Европейского Союза, а безработица ниже 5%, тогда как в ЕС расширенного состава почти в два раза выше⁵⁹.

Одним из центральных вопросов в анализе иракской проблематики является ресурсный фактор. В данном случае он имеет две составляющие: внешний аспект (стремление Великобритании укрепить собственную ресурсную базу в результате проведения успешной военной операции) и внутренний (собственные ресурсы Альбиона, затрачиваемые им для достижения желаемого результата). При этом иракская компания должна была по замыслу Тони Блэра укрепить не только экономический потенциал Соединенного Королевства, но и политический вес страны на международной арене.

Богатые нефтяные месторождения Ирака как наиболее очевидный мотив решения британского правительства поддержать военную операцию в Ираке — тема не менее дискуссионная, чем ошибки, допущенные коалицией при подготовке и реализации своей стратегии. Пожалуй, ни одно масштабное исследование не обходится без обращения к материальной стороне этой проблемы.

В частности, исследователь Иван Лучковский проанализировал расходы США и Великобритании, заложенные в бюджетах двух стран непосредственно на военную операцию и на восстановление страны. Исследователь обращает особое внимание на то, что инвестиции планировалось направить прежде всего именно на восстановление нефтяной инфраструктуры Ирака (на эти цели по разным оценкам закладывалось до 30% всех средств, отводившихся на военную операцию)⁶⁰. На основании этого И. Лучковский пришел к выводу о приоритетности нефтяного фактора для двух стран-инициаторов войны.

Анализу экономической выгоды посвятил свое исследование британский аналитик Махмуд Элькассас. Ссылаясь на подсчеты лондонского Международного энергетического центра, он утверждает, что Ирак занимает второе место после Саудовской

⁵⁹ Громыко А. А. Всеобщие выборы в Великобритании 2005 года: итоги и последствия. С. 3.

⁶⁰ Лучковский И. Открыт второй фронт: экономический. (<http://www.kontrakty.com.ua/rus/gc/pomer/2003/14/14.html>, дата посещения 23.10.2006).

Аравии по доказанным запасам нефти (112 млрд. баррелей). Помимо этого, потенциальные запасы страны превышают 200 млрд. баррелей. Если сложить это с доказанными запасами, то Саудовская Аравия отойдет на второе место⁶¹. Однако, помимо гигантских запасов, Ирак отличает еще и относительно невысокая стоимость добычи. Большинство месторождений находится вблизи берега либо на шельфе, и не требует дорогостоящей инфраструктуры для начала разработки — длинных трубопроводов, насосных станций и так далее. Нефть Ирака в большинстве случаев легко извлекаемая и высокого качества. Учитывая эти факторы, исследователь делает вывод о том, что доходы стран-победителей в среднем составят 29 млрд. долларов в год, что позволит им за достаточно короткий срок не только полностью покрыть военные расходы, но и получить колоссальную прибыль⁶².

Однако, ряд исследователей не соглашается с представленной точкой зрения, приводя другие данные. Так, вице-президент международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» Ю. Бялый считает нефть Персидского залива крайне важным стратегическим фактором экономической стабильности не только для США и Великобритании, сколько для Европы и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Японии и Китая, в первую очередь). Во-первых, он утверждает, что США есть чем восполнить дефицит нефти, поскольку американские нефтяные компании более трети необходимой нефти добывают на своей территории, плюс контролируют огромный ресурс нефтедобычи в Карибском бассейне, в Северном море, в Африке, в Юго-Восточной Азии. Что же касается Великобритании, то, по мнению исследователя, чрезвычайно низкая доля британских компаний явно свидетельствует о том, что нефтяной фактор не оказывал сильного воздействия на принятие решений по иракскому кризису⁶³.

На это же указывает российский исследователь М. А. Троицкий, отмечая, что по состоянию на 2004 год подавляющее большинство контрактов было заключено с американскими компаниями. Лишь в единичных случаях среди подрядчиков фигурировали британские фирмы⁶⁴. А по имеющимся открытым оценкам, доходы коалиции от использования нефтяных месторождений Ирака в 2003–2004 гг. на порядок уступали суммам, выделявшимся на восстановление и поддержание безопасности в стране⁶⁵.

Председатель Научного совета РАН Ф. Бурлацкий, рассматривая превентивные войны как инструмент внешней политики, сравнивает рассуждения о нефти и рынках сбыта с объяснением природы капиталистических войн. Он справедливо задается вопросом: «Но почему же тогда США не разыграли до конца эту карту в период «Бури

⁶¹ Элькассас М. Ирак: предвкушая золото. (http://news.bbc.co.uk/hi/russian/business/newsid_4643000/4643311.stm, дата посещения 23.10.2006).

⁶² Элькассас М. Указ. соч.

⁶³ Бялый Ю. Кому не нужна иракская нефть. (<http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&auth=1&theme=&id=1524>, дата посещения 23.10.2006).

⁶⁴ Троицкий М. А. Трансатлантический союз 1991–2004. М.: НОФМО, 2004. С. 211.

⁶⁵ Iraq Reconstruction Update No. 3: Competing Versions. October, 29. 2003 // Center for Defence Information (<http://www.cdi.org/friendlyversion/printversion.cfm?documentID=1805>, дата посещения 17.11.2006).

в пустыне»? Так просто было довести дело до победного конца и взять под контроль Ирак и его нефтяные богатства»⁶⁶.

Ресурсный фактор во внешнеполитической стратегии Великобритании в отношении Ирака имеет и внутренний аспект, а именно собственные ресурсы Соединенного Королевства на проведение военных операций. В этой связи интересно рассмотреть военный потенциал страны, а также его влияние на активность Британии на мировой арене.

Так, Р. Кейган предложил теорию, объясняющую участие или неучастие европейских государств в войне глубокими структурными изменениями, которые оказали влияние на Западную Европу. Так, по его мнению, раскол в ЕС вызван диспропорцией военных возможностей европейцев. Военный потенциал Великобритании превосходит европейский, а в союзе с Америкой это неравенство становится огромным. Обладание существенными военными ресурсами породило стремление их использовать, тогда как военная слабость Европы вызывала к жизни совершенно понятное отвращение к применению силы. Кроме того, отставание европейцев в сфере ВПК порождает у них психологию слабости и тем самым отдаляет от Великобритании, которая исповедует психологию силы⁶⁷.

Этот постулат Кейгана находит отражение в политической практике Даунинг стрит. За три неполных премьерских срока Блэр направлял британские войска на участие в военных операциях так часто, как ни один из лидеров в современной истории лейбористской партии⁶⁸.

В связи с упомянутой тенденцией к расширению присутствия британских вооруженных сил в различных регионах мира напрашивается традиционная аналогия — а не является ли современная торийская внешняя политика в целом (как и стратегия в отношении Ирака в частности) отражением традиционных имперских амбиций Великобритании? Несмотря на то, что некоторые видные ученые и политические деятели дают однозначно положительный ответ на этот вопрос, вряд ли можно полностью с ними согласиться. Например, известный британский историк Найл Фергюсон анализируя высказывания Тони Блэра о необходимости переустройства мира и стремлении к справедливости, пришел к выводу о том, что заявления премьер-министра совпадают с викторианским проектом расширения британской «цивилизации» на остальной мир. Тони Блэр считал, что справедливость заключается не только в том, чтобы наказать виновного, но и в том, чтобы донести ценности демократии и свободы до людей во всем мире. По его мнению, «умирающие с голоду, несчастные, лишенные собственности, неграмотные люди, живущие в нищете на пространствах от пустынь Северной Африки до трущоб Газы и горных областей Афганистана»⁶⁹ также требуют вмешательства Великобритании.

⁶⁶ Бурлацкий Ф. Превентивные войны. (<http://www.watan.ru/news/15.02.031/>, дата посещения 11.04.2007).

⁶⁷ Kagan R. Of paradise and Power: America and Europe in the New World Order. (<http://www.carnegie.ru/news/66370.htm>, дата посещения 09.11.2005).

⁶⁸ Dunne T. «When the Shooting Starts»: Atlanticism in British Security Strategy. // International Affairs. 2004. №5. P. 893.

⁶⁹ Цит. по Фергюсон Н. Британская империя: уроки для глобальной власти. // Космополис 2003. №3. С. 19.

Н. Фергюсон проводил параллель с викторианцами, которые, как известно, рассматривали свержение режимов-изгоев от Айдохья (Индия) до Абиссинии как абсолютно легитимную составляющую цивилизационного процесса. Миссионеры же викторианской эпохи были твердо убеждены в том, что их задача — распространение ценностей христианства и свободной торговли тем же самым людям, которым «мистер Блэр теперь хочет принести демократию и свободу»⁷⁰. На этом, по мнению историка, сходства не заканчиваются. Бомбардировки Сербии 1999 года во имя «прав человека» он уподобляет рейдам, которые устраивал Королевский флот в 1840-е гг. вдоль побережья Западной Африки, а оправдание интервенции против «плохих» режимов обещанием предоставить взамен помощь и инвестиции — военной оккупации Египта в 1881 году. Даже осуждение режима Талибан за его обращение с женщинами напоминает ему действия британской администрации в Индии по искоренению обычав типа сати (ритуальное самоубийство вдов) и убийства женщинами новорожденных⁷¹.

Эти взгляды разделяет британский дипломат Роберт Купер, который призывает называть политику премьера ее настоящим именем — империализмом нового типа. Он пишет: «Если отстающие в развитии государства-изгои станут слишком опасны для устойчивых режимов, и терпеть их будет уже невозможно, можно будет прибегнуть к оборонительному империализму, поскольку наиболее логичный и проверенный в прошлом способ справиться с хаосом — это введение колониального правления». По мнению дипломата на сегодняшний день необходимость в колонизации более значительна, чем когда-либо в девятнадцатом столетии. В настоящее время есть все условия для империализма, но нет ни спроса на него, ни предложения⁷².

Но эта теория вызывает у автора некоторые вопросы. Приведенные примеры, вероятно, достаточно ярко демонстрируют тот факт, что имперские настроения до сих пор не покидают некоторых видных британских политиков и ученых. Но способна ли Великобритания в настоящее время выступить в качестве новой империи? И если способна, то, что это за империя: глобальная, к которой так стремится британское правительство, пока еще региональная или осевая, как ее обозначил А. А. Громыко?⁷³

Несмотря на наличие у Великобритании значительных военных возможностей, этот ресурсный потенциал явно недостаточен для того, чтобы справиться с теми задачами, которые руководство страны ставит на повестку дня. В связи с этим возникает вопрос: почему Великобритания приняла столь активное участие в военной операции против Ирака и не ограничилась лишь символической поддержкой США, как это сделал Гарольд Вильсон, отказавшийся направить британские войска во Вьетнам несмотря на просьбы президента Джонсона и выразивший лишь моральную поддержку Вашингтону?⁷⁴ Дело в том, что Великобритания хоть и была согласна на роль

⁷⁰ Фергюсон Н. Указ. соч.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Громыко А. А. Внешняя политика Великобритании: от империи к «сосевой державе». // Космополис. 2005. № 1. С. 56.

⁷⁴ O'Malley E. Setting Choices, Controlling Outcomes: The Operation of Prime Ministerial Influence and The UK's Decision to Invade Iraq. // British Journal of Politics & International Relations. 2007. Vol. 9. P. 1.

«младшего союзника», но стремилась продемонстрировать свою силу и возможности. Мы считаем, что наиболее точно мотивы такого поведения Великобритании были отражены в журнале «Экономист»: «Лучше быть бульдогом мистера Буша, чем его пуделем»⁷⁵. Кроме того, такая позиция способствовала тому, что Британия, чаще, чем позволял ей ее собственный международный вес, участвовала в ключевых внешнеполитических ритуалах.

Поэтому в настоящее время имперские амбиции Соединенного королевства все-таки отошли на второй план, уступив место т.н. политике «ударить сильнее своих возможностей» (to punch above its weight)⁷⁶. На выбор такой стратегии повлияла, вероятно, и личность премьер-министра Тони Блэра — человека с большими амбициями, твердой уверенностью в собственные силы контролировать ход событий и оказывать влияние на коллег.

В целом, несмотря на все критические замечания в адрес Блэра и его правительства, обвинения в искажении фактов, послуживших основой для вторжения в Ирак, а также существенные негативные последствия как для самого политика и его партии, так и для страны в целом, на наш взгляд, весьма опрометчиво делать однозначные выводы о неудавшемся курсе Энтони Блэра. Вероятно, пройдет время, и его решение об участии в войне против Саддама Хусейна будет оцениваться иначе, с учетом тех долгосрочных последствий, которые оказала военная операция на Соединенное Королевство и на весь регион Ближнего Востока. Ярким свидетельством тому являются социологические опросы, проведенные в Британии в апреле 2007 г. Они показали, что, хотя большинство британцев (72%) выступают за вывод войск из Афганистана и Ирака, организацию миссий по установлению и поддержанию мира население считает приоритетным направлением внешней политики Великобритании⁷⁷.

Несомненно и то, что анализ принятия столь значимого для Великобритании решения об участии в войне с Ираком необходимо рассматривать в более широком контексте, тесно увязывая его с деятельностью Блэра по урегулированию арабо-израильского конфликта, а также по разрешению кризиса, порожденного иранской ядерной программой. Ведь как справедливо отметил один арабский дипломат: «На Ближнем Востоке все процессы взаимосвязаны между собой»⁷⁸.

Список литературы:

1. Баяль Ю. Кому не нужна иракская нефть. (http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?c_md=art&auth=1&theme=&id=1524, дата посещения 23.10.2006).
2. Бурлацкий Ф. Превентивные войны. (<http://www.watan.ru/news/15.02.031/>, дата посещения 11.04.2007).
3. Великобритания: эпоха реформ. / Под ред. Ал. А. Громыко. М., 2007.

⁷⁵ Walking the walk: Britain sends in the Rats. // The Economist. 2003. 25–31 January. P. 34.

⁷⁶ McLean C. Patterson A. A Precautionary Approach to Foreign Policy? A Preliminary Analysis of Tony Blair's Speeches on Iraq. // British Journal of Politics & International Relations. 2006. Vol. 8. P. 351.

⁷⁷ Britain's Military Power. From the Falklands to the Gulf. // The Economist. April 7th–13th 2007. P. 23.

⁷⁸ Gause III F.G. Systematic Approaches to Middle East International Relations. // British Journal of Politics & International Relations. 2005. Vol. 3. P. 262.

4. Гор А. Атака на разум. С-Пб., 2008.
5. Громыко А. А. Всеобщие выборы в Великобритании 2005 года: итоги и последствия. // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3.
6. Громыко А. А. Внешняя политика Великобритании: от империи к «осевой державе». // Космополис. 2005. № 1.
7. Громыко А. А Лондону мешает островной менталитет. // Дипкурьер-НГ, 3 марта 2003.
8. Громыко А. А. Парадоксы Тони Блэра. // Дипкурьер-НГ, 21 апреля 2003.
9. Давидсон А. Б. Уроки перехода от империи к содружеству. // Англия на постимперском пространстве: уроки для России и Европы. Мат-лы круглого стола 23 мая 2003. М.: ДИЕ РАН, 2003.
10. Лучковский И. Открыт второй фронт: экономический. (<http://www.kontrakty.com.ua/rus/gc/nomer/2003/14/14.html>, дата посещения 23.10.2006).
11. Поликанов Д. В. Миропорядок глазами Великобритании: глобальные амбиции и баланс интересов. (<http://www.mezhdunarodnik.ru/magazin/481.html>, дата посещения 12.02.2006).
12. Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. М., 2004.
13. Троицкий М. А. Трансатлантический союз 1991–2004. М.: НОФМО, 2004.
14. Фергиюсон Н. Британская империя: уроки для глобальной власти. // Космополис 2003. №3.
15. Шредер Г. Решения. Моя жизнь в политике. М., 2007.
16. Элькассас М. Ирак: предвкушав злато. (http://news.bbc.co.uk/hi/russian/business/newsid_4643000/4643311.stm, дата посещения 23.10.2006).
17. Ancram M. Dancing with Wolves: the Importance of Talking to Your Enemies. // Middle East policy. 2007. Vol. XIV. № 2.
18. Blair T. Global alliance for global values. (<http://www.number-10.gov.uk/output/page9245.asp>, дата посещения 23.11.2006).
19. Blair T. Our Nation's Future — Defence. 12 January 2007. (<http://www.number-10.gov.uk/output/page10735.asp>, дата посещения 25.02.2007).
20. Blair T. Speech by the Prime Minister: Arrival ceremony at the White House. Thursday 5 February 1998. (<http://www.number-10.gov.uk/output/Page1150.asp>, дата посещения 22.10.2006).
21. Britain's Military Power. From the Falklands to the Gulf. // The Economist. April 7th–13th 2007.
22. Carty A. The Iraq Invasion as a Recent United Kingdom «Contribution to International Law». // The European Journal of International Law. 2005. Vol.16. № 1.
23. Dunne T. «When the Shooting Starts»: Atlanticism in British Security Strategy. // International Affairs. 2004. №5.
24. Dyson S., Personality and Foreign Policy: Tony Blair's Iraq Decisions. // Foreign Policy Analysis. 2006. №2.
25. Gause III F. G. Systematic Approaches to Middle East International Relations. // British Journal of Politics & International Relations. 2005. Vol. 3.
26. Hoggett P. Iraq: Blair's Mission Impossible. // The British Journal of Politics & International Relations, 2005. Vol. 3.
27. Iraq Reconstruction Update No. 3: Competing Versions. October, 29. 2003 // Center for Defence Information (<http://www.cdi.org/friendlyversion/printversion.cfm?documentID=1805>, дата посещения 17.11.2006).

28. Kagan R. Of paradise and Power: America and Europe in the New World Order. (<http://www.carnegie.ru/news/66370.htm>, дата посещения 09.11.2005).
29. Manning D. Prime Minister:Your Trip to the US. British Government Memo, March 14. // (<http://www.downingstreetmemo.com/manningtext.html>, дата посещения 15.05.2008).
30. Marsden C., Hyland J. Britain: Blair Seeks to Deepen Military Alliance with Washington. (<http://wsws.org/articles/2007/mar2007/blai-m01.shtml>, дата посещения 14.04.2007).
31. Mazarr M. J. The Iraq War and Agenda Setting. // Foreign Policy Analysis. 2007. № 3.
32. Menon A. From Crisis to Catharsis: ESDP after Iraq. // International Affairs. 2004. № 4.
33. Minogue K. The Fate of Britain's National Interest. (<http://www.brugesgroup.com/mediacentre/index.live?article=206>, дата посещения 10.12.2006).
34. McLean C. Patterson A. A Precautionary Approach to Foreign Policy? A Preliminary Analysis of Tony Blair's Speeches on Iraq. // British Journal of Politics & International Relations. 2006. Vol. 8.
35. O'Malley E. Setting Choices, Controlling Outcomes: The Operation of Prime Ministerial Influence and The UK's Decision to Invade Iraq. // British Journal of Politics & International Relations. 2007. Vol. 9.
36. Prime Minister's Speech at the Foreign Office Conference. (<http://www.number-10.gov.uk/output/Page1765.asp>, дата посещения 17.02.2007).
37. Rynhold J. Spyer J. British Policy in the Arab-Israeli Arena 1973–2004. // British Journal of Middle Eastern Studies. August 2007. № 2.
38. Speech by the Prime Minister on foreign affairs. Tuesday 15 December 1998. (<http://www.number-10.gov.uk/output/page1168.asp>, дата посещения 18.10.2005).
39. Walking the walk: Britain sends in the Rats. // The Economist. 2003. 25–31 January.
40. Wallace W. The Collapse of British Foreign Policy. // International Affairs. 2005 № 1.
41. War in Iraq: Implications for the UK economy. // Economic Outlook. January 2003.
42. Williams P. Who is Making UK Foreign Policy? // International Affairs. 2004. № 5.
43. Yost D. S. New Approaches to Deterrence Britain, France and the United States. // International Affairs. 2005. № 1.

Russia-Iran Technical Cooperation: Pragmatism from Both Sides

Dr. Ekaterina Piskunova & Dr. Houman A. Sadri

Abstract:

In this paper, we examine the nature, role, and scope of the relationship between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran. The relationship between the global power of Russia and the regional power of Iran has reached a new level of commitment in recent years. Such a partnership has significant implications for the balance of powers in both the Caspian region and the current world politics.

Russian policy towards Iran nuclear program should be considered in a broader context of the dynamic of Russian-American relationship, and Russian ambitions to re-establish its great power status. Disappointed in its partnership with the U.S. and considering American unilateralism as a threat, Russia theoretically uses its newly acquired wealth to maintain its energy superpower status as a tool of soft balancing strategy against the US.

From policy perspective for Moscow, economy condition is the tool of the new strategy. Since energy became synonym with security for Russian leaders and Washington is considered as a threat to their security, Kremlin adopted a plan to preserve its paramount position in the world energy markets. This plan includes the eventual creation of a gas cartel (with the participation of Iran and Venezuela), the further development of pipelines network, and development of nuclear energy in countries opposed to American policies.

Nevertheless, these policy developments do not necessarily mean an open confrontation with the United States (e.g., some called it a New Cold War after the Georgia 2008 Crisis) or an unconditional support for Iranian nuclear program. On the contrary, the pragmatic Russian authorities use their role of nuclear materials supplier as leverage to check the power of Iran. Moreover, Russian support for Iran nuclear program has become relatively less important than Kremlin's plan of monopolizing gas markets. Thus, Iran nuclear issue becomes a stake in Moscow's power politics.

Methodologically, our paper utilizes historical data analysis to examine Russian-Iranian relations in three categories: diplomatic & political, military & security, trade & economics. Historical data pertaining to each respective category is collected primarily through secondary sources. This data is then analyzed to identify trends in the contemporary relationship between Russia and Iran, with the hope of discerning the future direction of that relationship.

Background

The technical cooperation between Moscow and Tehran concerning the Iranian space program as well as its nuclear program should be considered as a facet of a complicated and sometimes controversial pattern of Russian-Iranian relationship. Indeed, besides the topic of technical and nuclear cooperation, other important issues of these relations are energy cooperation, Caspian resources and arms trade. These issues are not equally important for both sides and their relative weight evolves depending on the current political environment. For example in the 1990s, military, technical and nuclear cooperation (Bushehr power plant project) and armament sales were very important for Russia from the financial point of view because it was bringing lucrative contracts at the time when the country was experiencing serious economic problems. As such, the purchase of Russian armament for 2.2 billion dollars in 1989–92 was crucial for deeply depressed Russian economy⁷⁹.

At the same time, the position of a «junior partner» imposed to Russia by the West prevented Kremlin from excessively developing cooperation with Iran, which considered by the West (especially USA) as a threat. However, the global status quo changed considerably when Vladimir Putin began to use new acquired wealth from energy revenues to regain Russia's great power status. There is no place in the present study to explicitly analyze the reasons for such policy behavior, which represents a spectacular evolution from an unconditional partnership with the West (and especially the US) in 1990s to current natural rivalry. However, it is important to mention that this shift in Russian foreign policy was triggered by the situation where (from Russian perspective) cooperating with the West and accommodating it did not bring anticipated results.

Moreover, Russia considers Western and especially American policies, like NATO actual and potential enlargement or Western implication in post-Soviet space, as a threat to her security. Thus, Kremlin chooses to balance against this threat. Offering support to Iran and cooperating with it should be considered as a part of the overall strategy of balancing against the United States.

The strategy of balancing consists in the use of «nonmilitary tools to delay, frustrate and undermine aggressive unilateral ... policies»⁸⁰. Balancing can be internal including accumulating military and economic capacities inside the country as well as external resulting in concluding formal military alliances or «tacit or ad-hoc security understandings among affected states, within or outside of international institutions»⁸¹. An important distinction is to be made about this point: internal military build up and external formal alliances are characteristics of traditional or hard balancing, while economic capacities build up and informal security alliances represent a different form of balancing called soft balancing. We suggest labeling it as «*pragmatic balancing*».

Currently, Russian-Iranian relationship is a fine example of this type of security understanding. Iranian political support for Russia in the Middle East allows Moscow to efficiently achieve its regional economic and geopolitical objectives and to strengthen its

⁷⁹ V. Mesamed. Poslednie yadernyye ispytaniya v Irane. (Last nuclear tests in Iran), available on-line www.meast/iran/mesamed_65411.html

⁸⁰ Pape, Robert. Soft Balancing Against the United States. *International Security*, Vol. 30, No 1, Summer 2005.

⁸¹ Paul, T.V. Wirtz, James J. et Fortmann, Michel (dir.). *Balance of Power: Theory and Practice in the 21st Century*. Stanford University Press, 2004.

influence in the region. From Iranian perspective, the military and technical cooperation with Russia offers an access to modern military technology: this is significant for Tehran considering the Western military equipment embargo against Iran. This mutual interest has become a considerable basis for Tehran-Moscow cooperation. Another factor leading to such cooperation is the American presence and pressure in the region, which is considered as a threat by both actors. Thus, the emergence of a security understanding between Russia and Iran seems obvious. The more Moscow and Tehran are challenged by Washington, the higher the level of understanding and security cooperation between Russia and Iran we expect. Somehow, this trend represents a revival of the traditional geopolitical strategies carried out by the USSR. Kremlin uses the partnership with Iran as a stake in its balancing strategy against growing American influence near Russian borders.

However, the dependency of the dynamic of Russian-Iranian military and technical partnership on the Russian-American relationship is neither unconditional nor obvious due to the very nature of military and technical cooperation itself. Firstly, this domain is determined by national interests; and secondly, it area often remains hidden from external observation due to its sensitivity. Nonetheless, it is possible to observe several factors shaping Russian-Iranian military and technological cooperation from Russian perspective.

As mentioned earlier, the most important factor is Russia's concern for its own security. It means that, Kremlin, like Tehran, aims to prevent the growing Western penetration of the region. At the same time, Moscow also wants to avoid strengthen Iran excessively that would one day become a threat for Russia. The case of Bushehr power plant well illustrates this dualistic Russian attitude toward the West and Iran.

Russia & Iranian Nuclear Program

As it is well-known, that Russia is actively involved in Iranian nuclear energy program; and it has supported Tehran's effort in building a civil nuclear capacity. Nevertheless, Kremlin has agreed on limited and gradually increasing sanctions imposed on Iran by the UN resolutions. The Russian involvement in Bushehr plant construction and the mechanism of international sanctions have become a strong power leverage that Moscow uses to preserve its own national interests. In March 2007, Igor Ivanov (the main Russian negotiator with Iran on nuclear issue) made a statement, which lead to comments hypnotizing that Russia may no more support Iranian nuclear program:. He said that «Iran, armed with a nuclear bomb would be a direct and indirect threat to Russian national interests.»⁸² Ivanov's statement was followed by the temporary suspension of the deliveries of enriched uranium to Bushehr power plant followed by very unfriendly rhetoric back and forth from both sides.

This was the first time since the end of the Cold War that a high Russian official ever put the words «Iran» and «threat» together. Thus, soon some experts rushed to judgment by claiming that the statement signaled the end of Russian involvement in Iranian nuclear program and the failure of Russian support to its long time ally. In 2008, however, the Bushehr project is on its course again. While Western leaders and experts express their deep concern for Iranian nuclear, missiles and space programs, Russian officials (e.g., Andrey Nesterenko, official representative of Russian Foreign Ministry) explicitly greet launching

⁸² <http://3-07.mysob.ru/news/politic/85546.html>

of Sepehr satellite in August 2008 stating that «Iran space program will not be a threat to international stability and security.»⁸³

At the first glance, this Russian policy change seems contradictory. To understand such changes, however, one must consider the regional and global context of Russian-Iranian ties as well as the chance that Iran becomes a threat for Russia. Iran as a space power or nuclear power near Russian borders does not really change the regional security context for Moscow. In fact, a nuclear Iran is not more dangerous for Russia than India. Even when Ahmadinejad makes extremist statements, his policies do not target Russia; and Iranian military capacity is insufficient as significant foe for Russia. However, a direct threat for Russia would be an American military attacks against Iran. Even «selective and precision bombing» create a human disaster for this unstable region by creating flows of refugees into neighboring countries threatening the precarious balance in Caucasus. Moreover, from the political point of view, American attacks will put Russia in a difficult situation of choosing to support or to leave its long term partner--Iran. Given the number of Muslims living on Russian territory, the threat of destabilization of Muslim world should also be taken seriously into account⁸⁴. Beyond Russia, Armenia (Russia's southern ally) will be affected by any military action in Iran since it will involve the geopolitical axis of Moscow-Yerevan-Tehran.

Thus, for many Russian policymakers, an American attacks against Iran represent a direct threat to Russian security. That is why it seems logical to expect further Russian support to protect its economic and political ties with Tehran, while Moscow may gradually accept more sanctions on Iran. For Russia, this addresses two interrelated issues: placing Iran under better check and preventing (or delaying) a possible American attack against Iran. So far, the sanctions put into effect by UN resolutions do not allow the use of military force. In dealing with the US, Russia wants to avoid repeating the Iraqi situation when America invoked previous sanctions and threats to justify its military solution for Iraq. As mentioned earlier, a Western military solution is considered a threat to Moscow, so Russia will veto any resolution allowing the use of force against Iran.

Russian officials and politicians from various political parties unanimous condemn any possible attacks against Iran aiming to stop its nuclear program. General Ivashov (RIA Novosty, March 2007) qualifies any attack against Iran as an aggression: he added that «Russia is doing everything to prevent any military action against Iran. [...] Even if Iranian nuclear program has a military objective, it needs between 10 and 15 years to create a nuclear weapon considering current situation. ... The main reasons for a potential war [for the United States] are gas, finances and the economy of the United States. [...] Moscow will use all possible diplomatic means to influence the situation, because the war would have a negative impact on Russian economy and its international prestige.»⁸⁵ Baluyevsky (ex-Chief of the General Staff) also explicitly warned the United States against strikes saying that «this may stir the whole world, and it is crucial to prevent anything like that. ... Our American partners should think many times before doing it: they got already stuck twice...»⁸⁶

⁸³ <http://www.utro.ru/news/2008/08/19/760881.shtml>

⁸⁴ There are different data suggesting between 15 and 20 millions Muslims on Russia's territory.

⁸⁵ RIA Novosty, April 2007.

⁸⁶ Reuters, 2007.

Russia is convinced that Iran nuclear program has only a civil character. That is why Russian leaders' comments suggesting that the Iranian nuclear program could effectively have a military nature are exceptionally rare. Moscow officials may blame Tehran for its inflexibility. For example, Kosachev⁸⁷ stated that «Iran openly provokes the whole world and doesn't let any room for maneuvering even for those who, like Russia, accept their right for the civil nuclear program and try to find a compromise»⁸⁸. Nevertheless, the Russian leaders strongly believe that the Iranian program remains civil in nature.

Based on this discussion, even statements such as, Ivanov's declaration and subsequent temporary suspensions of the enriched uranium deliveries, do not mean that Russia is opposed to Iran nuclear program. Here the issue is not strategic, but tactical foreign policy moves. Of course, Russian pressure on Tehran should be taken seriously. Activities such as controlling the construction process and delaying the launch of Bushehr power plant secure Russian position of senior partner in relationship with Iran. Moreover, such actions provide Moscow enough leverage to make Tehran to renew its cooperation with IAEA, to control Iranian nuclear program and to avoid its military degeneration. Moscow's decision to suspend deliveries of the enriched uranium to Bushehr power plant in 2007⁸⁹ justified its policy by the failure of Iran to pay in time: such one way action was not the first one. Russia is used to undertake such actions for pressuring junior partner to take important steps in the negotiation process. Similarly, in June 2006 (days before the UN Security Council resolution requiring to stop enrichment activities was adopted) Russia had slowed down work in Bushehr for so-called «technical reasons.»⁹⁰ Several weeks later, Russian Foreign Minister Lavrov denied any link between this slowdown and negotiations with IAEA. As mentioned earlier, the same policy pattern also appeared in March 2007 with Ivanov's accusatory speech and a brief suspension of uranium supply. All such Russian actions are issue of policy tactics, not a major strategic change.

An important change in the Russian-Iranian ties is the result of the improved economic situation of Russia. It is important to understand that actual economic situation in Russia is very different from the 1990s when Bushehr contract was a major revenue generating priority for Russian economy at least in short run. The new economic situation led to changes in Russian policy cost/benefit calculations since 2007. This means that Russia exerts pressure on Iran to protect its economic interests. The new calculations sometimes make Russian and Western positions on Iran in Security Counsel similar. One may argue that it is possible to consider Russian position as a message to other states willing to develop civil nuclear programs. The message seems clear: Moscow collaborates to the extent that it is economically beneficial to Russia; and the program remains under the influence of Moscow.

⁸⁷ The Head of the Russian State Council Foreign Affairs Committee.

⁸⁸ Lenta.ru, March, 2007.

⁸⁹ In this case, Moscow refused to honor its obligations to deliver uranium even if Tehran promised to give it back after usage.

⁹⁰ Irina Yessipova, press secretary of Atomstroyexport: «There is a delay, but it is a routine working process. Bushehr is a unique project and we cannot skip technical steps. ... The only reason is our will to provide quality.» Nezavisimaya Gazeta, 26.06.2006.

Space cooperation

One may witness a similar dynamics in the cooperation in manufacturing and supplying missiles equipment, which is another priority of Russian-Iranian technical partnership. In this arena again, we argue that both Moscow and Tehran are considering their partnership in a very pragmatic way while pursuing common security goals.

The main goals of Iranian space program⁹¹ are being realized in cooperation with Russia. Thus include the project Sinah⁹² the project Mesbah⁹³, and the project Zohreh⁹⁴. Sinah-1 (ZS-1) was created in a close cooperation between Iranian Electronic Industry and several Russian companies, including the Poliot (Omsk). Moreover, the Russian enterprises are also involved in other two space projects.

From the listed projects, it is clear that Russia significantly contributes to high tech development in Iran including space, nuclear and military domain, although the Kremlin, does not approve excessive anti-American and anti-Israeli rhetoric of President Ahmadinejad for security reasons. The fact that Iran represents a considerable market for Russia is more important than negative rhetoric of the current Iranian administration. Moreover, for access to Iranian market, the competition with Europe, China and Japan incites Russia to offer several important advantages to Tehran. Under President Khatami years, the volume of commercial exchanges between Iran and Western counties had increased substantially. In fact, in 1999–2004 period, Iranian imports from the West raised from 12.5 to 34.5 billions dollars. However, President Khatami did not privilege Russia as an Iranian major trade partner.

On the contrary, President Ahmadinejad re-oriented Iranian foreign trade pattern from that with the West to the East. With Russia by the end of 2007, the volume of bilateral trade was above two billion dollars⁹⁵. Interestingly enough, while increasing volume of imports from Russia, Iran has not hidden its intention to transfer Russian high technologies to its own industries.

A special aspect of Russian-Iranian technical cooperation is that Tehran is trying to use Russian scientists and technology for the development of its national military and non-military industries outside the official avenues of the two country cooperation that are controlled by Kremlin. Iran is constantly looking for and inviting experts and specialists from Russia and other CIS countries for work under private contracts in space, aircraft, and other industries. This kind of cooperation does not always complying with standards of the governments or international institutions. Moreover, such private cooperation often avoids the usual pressures from Moscow and other foreign actors in Iranian affairs.

As emphasized earlier, Russia does not seem concerned by the development of Iran's space program. However, the idea of Russian balancing against the United States should be taken into account. Kremlin is emphasizing the peaceful nature of recent Iranian space

⁹¹ See, Iranian National Space Program document.

⁹² The satellite launched in 2005 by Russia.

⁹³ A low orbit satellite, still not launched due to technical and coordination problems.

⁹⁴ This involves satellite transmission.

⁹⁵ http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=48630

achievements for revealing what it considers as main purpose of anti-missile system deployment in Europe. The official representative of Russian Foreign Ministry was explicit enough explaining that satellite launch and missiles development are not related and the launch of the satellite cannot justify the deployment of anti-missiles system in Poland and Czech Republic⁹⁶.

One can observe a similar pattern of relationship in military industry. From one side, Russia is eagerly selling newest defense armament systems to Tehran, making money and reinforcing a balancing power in the region. From the other side, Kremlin is reluctant about delivering attack systems fearing not only international sanctions but also an excessive strength of the Islamic Republic. At the same time, Tehran uses Russia's economic potential as a gate to high military technologies while diversifying suppliers and trying to develop its own high tech military industry.

Still, Iran keeps importing missiles equipment from Russia although the scale of trade depends on the state of Russian-Western and especially Russian-American relationship. The first supply was realized as early as in 1989 (two systems S-200 Vega). The decade between 1990 and 2000 was characterized by Iran's financial problems from one side and by Russia's will to be a good partner for the West, which can be also considered as her bandwagon with the West. The memorandum Gore-Chernomyrdin (May 1995) explicitly obliged Kremlin to freeze all military contacts with the Islamic Republic. At the start of Putin's Presidency (2000), Russia unilaterally quit the memorandum and since that time its military cooperation with Iran is constantly growing.

It is important to emphasize that peaks in Russian-Iranian military cooperation match those of deterioration of the relationship between Moscow and Washington. In 2004, Iran first asked Russia to assist the Islamic Republic to build an integrated air defense system when Russian-American relations suffered from the war in Iraq and the wave of color revolutions in the post-Soviet space. Moscow suggested using complexes S-300PMU-1 to cover Tehran, Isfahan, the main naval base in Bender-Abbas, Bushehr and two oil terminals in Abadan and Khoramshahr. This suggestion provoked considerable critical comments from the West and Israel.

In December 2005, Russia agreed to sell to Iran 29 complexes Tor-M1 to ensure coverage for future S-300 systems. The contract for selling 5 divisions of missiles systems S-300PMU-1 was to be signed in 2006. But in January 2006, all negotiations were frozen by Moscow. By doing this Moscow expressed her disagreement with developments in Tehran's nuclear program. Relating to the mentioned factor, Russia meant to keep Tehran military and nuclear developments under control.

By 2006, Iran became the third⁹⁷ importer of Russian military equipment. In December 2007 after a regular session of Russian-Iranian commission of Military and Technical Cooperation, the chief of Russian Federal Service of Military and Technical Cooperation Dmitriev declared that their cooperation is vitally important for preserving the balance of power in the region⁹⁸.

⁹⁶ http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=52858

⁹⁷ After India and China.

⁹⁸ RIA Novosty, December, 2007.

Besides Tor-M1 systems, Iran declared itself ready to buy S-300 and Iskander-E missiles complexes. According to Russian newspaper *Kommersant*, Iran is interested to buy modern integrated systems of air defense for protecting main nuclear sites, which can become a target for possible American or Israeli bombardments. The newspaper argues that Russia and Iran are now finalizing the deal on supplying five S-300 divisions⁹⁹. However, there is not enough evidence for such a deal as of now.

If put into effect, the supply of S-300 PMU1 to Iran will unavoidably lead to further deterioration in Russian-American relations. The missiles can reach its targets at 300 km distance and 27 km height. The targets could be American fighters and bombers on Iranian soil. According to independent experts, the S-300 purchase is conformed to Iran's needs as well as to Russia's geopolitical strategy. The editor of aero-space release *Russia/CIS Observer* M. Podushkin claims that from Iran's perspective, it would be a reasonable purchase as it allows modernizing of the national air-defense system. According to the same source, offering complex security systems on a turn-key basis is also profitable for Rosoboronexport of Russia. The Moscow office chief of the Institute of World Security I. Safranchuk noted that Russia often raises Iran's (and Syria's) capacities of air coverage. He said that «this process is aimed at countering American plans to use force in the Middle East. As soon as Moscow thinks that the United States is ready to attack Iran, it deescalates the situation, but under condition that Iran will cooperate with IAEA.»¹⁰⁰

To comprehend the nature of Russian-Iranian space partnership, one should refer to the Iranian National Space Program principles that put the following conditions for foreign partner participation in Tehran's projects. These conditions involve design and implementation of the projects of creation and launching objects as well as training of specialists must be assumed by one partner; this partner should be independent from pressure's of the US and its allies; Iranian experts must participate in designing and assembling of the space unit and its elementary basis; assembling and launching must be realized on Iranian territory (otherwise, the partner must contribute to building of an Iranian space launching facility, assembling plant and a control center); and finally, there should be a possibility to use space units for military purpose. Obviously, these conditions put significant restrictions on Russia as a technical partner, reluctant about missiles armed nuclear neighbor.

Policy Implications

In the light of the above discussion, we should expect that growing tension in Russian-American relationship would be positively linked with the development in Russian-Iranian military and technical cooperation. However, neither Russia nor Iran is ready to sacrifice their national interests. As such, Russia uses the existing leverage of influence to keep Iran policy on check. This observation is true for the issue of nuclear cooperation as well as for military and technological partnership. Iran naturally tries to protect its own national interests, just as Russia does.

In sum, disappointed with the results of its alliance with the West and free from Chechen war burden, Russia looks for new regional partners to protect its security and re-acquired influence. Such disappointments as well as shared economic interests turn

⁹⁹ <http://lenta.ru/news/2007/12/27/air/>

¹⁰⁰ RIA Novosty, July, 2008

Russian diplomacy vector to the East and especially to states (Like Iran) that resist American influence. Contrary to the patterned established by the Cold War era, this new turn in Moscow's foreign partnership is a pragmatic one. Kremlin prefers predictable and ideally junior partners in its quest for global status and power politics. If Moscow cares about Iran, it does not mean that Russia will support policies, which can be potentially harmful for its own national interests.

On the other side, the Islamic Republic of Iran has chosen to work with Moscow despite the reservation that it may have about the nature, score, and functions of Russian foreign policy in the globe and region. Tehran recognizes that Moscow may be using it as a pawn in a global guess game where the other side is the USA. The policy cost/benefit calculation of Tehran leads it to opt for cooperation with Moscow, especially for the badly needed access to high technology (including nuclear, space, and missiles) free from Western influence. Thus, as our discussion indicates, from Iranian perspective, Tehran-Moscow cooperation is also for practical, not ideological reasons.

Глобальный контекст траектории геополитического развития России в XXI веке

В. И. Сегуру

Стоящая перед нами задача заключается в том, чтобы посмотреть на события сегодняшнего и особенно завтрашнего дня в контексте глобального развития человечества.

И здесь нам не избежать исторических параллелей, как бы ни спорными они казались. С одной стороны, не было до сих пор во всей истории Человечества других более могучих держав как Римская империя и Соединённые Штаты Америки. А с другой стороны, сами Соединённые Штаты возникли не в 1776 г., когда принятая Декларация независимости, а значительно ранее: с возникновением Британской империи. И, по сути, Британская империя, формально распавшаяся к 1960 году, на самом деле продолжает процветать в двух её самых мощных компонентах: США с Канадой в Северной Америке и Великобритания в Европе. Нет ничего странного в том, что в Британии зачастую распространены «евроскептические» взгляды. Транс-атлантические связи, основой которых является общая история, культура и язык, превалируют над транс-ламаншевскими. И Британская империя превратилась в империю Американо-Британскую с переводом главной столицы из ЛОНДОНА в ВАШИНГТОН.

Как пишет американский публицист и политолог Фарид ЗАКАРИЯ: «Вскоре после завершения индустриализации в США эта страна стала самым могущественным государством со времён Римской империи — единственным, чья мощь превосходила потенциал любой коалиции других держав. В прошлом веке Соединённые Штаты в основном господствовали в мировой экономике, политике, науке, культуре и идеиной сфере. Последние 20 лет эта гегемония была абсолютно неоспорима — что стало беспрецедентным явлением в мировой истории.»¹⁰¹

¹⁰¹ ЗАКАРИЯ Фарид. Постамериканский мир. — Газета «The New York Times», США, 06.05.2008 — www.inosmi.ru/translation/241195.html

Как видим, у Збигнева БЖЕЗИНСКОГО, — трубадура американского глобального господства, описанного в знаменитой книге «ВЕЛИКАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА»¹⁰² и др., — появились достойные ученики.

Проведение больших рекламных акций «Год России в Китае» (2006 г.), равно как и зеркальное действие в следующем 2007 году, и даже совместные военные учения в обеих странах, проводимые с 2005 г., не могут скрыть от вдумчивых наблюдателей проблему «внешней угрозы № 1» для России, которой по признанию немалого количества специалистов¹⁰³ является сейчас Китайская Народная Республика.

Однако, Китай, тем не менее, является в настоящее время главным оппонентом не только для нас, но и для Соединённых Штатов Америки, беда которых в том, что они погрязли в иллюзорной мессианской политике, наивно полагая, что смогут силой выкорчевывать антиамериканские «сорняки» во всём мире.

Именно 8-летняя политика нынешних нео-консерваторов («неоконов») из Белого дома во главе с президентом Джорджем БУШЕМ-младшим содействует разжиганию и распространению терроризма в мировом масштабе. Исламистский терроризм на Ближнем и Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии и левый терроризм в Латинской Америке основаны именно на стихийном сопротивлении народов мира безумной экспансии США. Вмешательство Вашингтона во внутренние дела стран Третьего мира постепенно приводит к целостному отрицанию североамериканских ценностей и образа жизни и, рано или поздно, доведёт до выталкивания США из этой части мира. Соединенные Штаты могут повторить путь Советского союза от глобальной гегемонии до глобальной изоляции.

В результате, они пожинают плоды посейнной повсеместно бури. Тем самым, они пытаются погубить с трудом созревающий много-векторный баланс сил в мире. Победив в холодной войне, США ошибочно полагают эту победу вечной, но история дала им менее чем полувековую передышку. Некоторые авторы уже сейчас считают, что «с ненавистным однополярным миром фактически уже покончено»¹⁰⁴.

Победа с многократным перевесом китайской команды на Пекинской Олимпиаде в августе 2008 года ещё раз высветила соотношение сил на мировом политическом Олимпе. Китайско-американско-российское соотношение олимпийских золотых медалей — это прекрасная иллюстрация силы соответствующих государств и, разумеется, отнюдь не только в спорте. Если сегодня это кому-то кажется преувеличением, то в недалёком будущем это станет всё более и более заметно в экономике, а как следствие и в политике.

Китайский глобальный натиск неукротим. Никакими оранжевыми революции его не остановить.

Истоки экспансионистского поведения Соединённых Штатов следует искать, по мнению, ряда культурологов в их мессианских устремлениях. По утверждению Евгения ЗАРЕЦКОГО «Сознательное или несознательное убеждение, что англо-саксонская культура, в том числе язык, должна распространяться и вытеснять другие,

¹⁰² БЖЕЗИНСКИЙ Збигнев. Великая шахматная доска». — М.: Международные отношения, 1998.

¹⁰³ ХРАМЧИХИН Александр. Внешняя угроза № 1. — М.: Известия, 10.01.2006.

¹⁰⁴ ЗЫГАРЬ Михаил, СОЛОВЬЁВ Михаил. ПОСЛАНИЕ ПОСЛАМ. — Журнал «ВЛАСТЬ», 21.07.2008, № 28 (781).

является следствием феномена, называемого мессианизмом. Под мессианизмом мы понимаем здесь веру в богоизбранничество народа для выполнения особой предопределённой роли в судьбах мира. В США и Англии он в значительной мере уже секуляризирован, т.е. не подразумевает веры в какие-то высшие силы, но вера в особое призвание, избранность для высокой миссии по сравнению с другими народами всё-таки остаётся¹⁰⁵. Корни «яростного национализма» американцев, по мнению Джона ЛОРЕНСА¹⁰⁶, следует искать в «Ветхом завете, игравшем значительно большую роль в становлении североамериканского религиозного мировоззрения, чем русского. Ветхозаветный бог известен своей необузданной ревностью и мстительностью, он убивает сам и призывает к массовым убийствах свой избранный народ (а избранный народ может быть только один). Он не обращает внимание на то, сколько невинных погибнет вместе с виновными. Он оправдывает любое насилие вплоть до уничтожения всего человечества кроме горстки особо праведных. Язычники и все, кто живёт согласно «неправильной» системе ценностей, должны быть либо ассимилированы, либо уничтожены. Спасать мир в соответствии с этой традицией можно и атомными бомбами.»¹⁰⁷

Безразличие китайского общества к кровавому противостоянию студентов с властями на площади Тянь-ань-мэнь почти два десятка лет назад, равно как и индифферентность к преследованию властями современной «секты» Фа-лунь-да-фа (Фа-лунь-гун), показало, что китайское общество «не пощадит живота своего» только разве что за твёрдый доллар или юань. Но никак не за химеру демократии. Китайскому человеку в наши дни не нужна борьба за политические и прочие права, а ему хочется лишь делать деньги. И в этом они преуспели. Основанное на извечном трудолюбии и послушании китайское общество готово проявлять трудовой героизм 24 часа в сутки ради денег. Потому, что деньги приносят новые товары в их новые квартиры и позволяют обучить их единственных детей в отечественных, а ещё лучше в зарубежных университетах, оптимально в британских либо американских.

Погоня за обогащением в современном китайском обществе не может не иметь корни в полуголодном существовании недавнего прошлого. Да простят меня китаеведы за возможную не стопроцентную точность, но, ставшее традиционным выражение приветствия «Chi fan le ma?!» означает буквально «Вы покушали?!» («Ты поел?!») и явно имеет совершенно конкретное происхождение во времена, когда питания, а точнее риса, не хватало.

Коммунизм, накормивший китайцев с началом в 1978 г. эпохи «реформ и открытости» ДЭН СяоПина, сейчас остался в Китае только в названии правящей с 1949 года партии и в её демагогической пропаганде.

¹⁰⁵ ЗАРЕЦКИЙ Евгений Владимирович. Распространение английского языка в мире как одна из форм американского мессианизм. — Журнал RELGA, № 18 (163), 25.12.2007. — <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2110&level1=main&level2=articles>.

¹⁰⁶ JEWETT Robert, LAWRENCE John. Captain America and the crusade against evil: The Dilemma of Zealous Nationalism. — Cambridge: William B. Eerdmans Publishing. — 2003.

¹⁰⁷ ЗАРЕЦКИЙ Евгений Владимирович. Распространение английского языка в мире как одна из форм американского мессианизм. — Журнал RELGA, № 18 (163), 25.12.2007. — <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2110&level1=main&level2=articles>

Экономика Китая уже получила на сегодняшний день такое беспрецедентное развитие, что начала перекрывать экономику некоторых стран «большой восьмёрки». Это признал, например, и один из ведущих лидеров Запада — бывший до недавнего времени многолетний премьер Великобритании Тони БЛЭР, который упоминал Индию и Китай почти в каждом своём выступлении, посвящённом мировой экономике.

Дальше — больше, пока экономика Китая не превысит европейскую, а затем и американскую. Тогда, вероятно, произойдёт отрезвляющее изменение умонастроений в США в сторону излагаемой нами перспективы. Но не было бы поздно...

Британский (хотя правильнее было бы сказать «Западный») журнал «The Economist» пишет в связи с проведением Олимпийских игр в ПЕКИНЕ в августе 2008 г.: «Китайский подъём, конечно, продолжился как в двузначных цифрах показателей экономического роста, так и в его растущем признании как будущей сверхдержавы, которую нельзя игнорировать по любому глобальному вопросу...»¹⁰⁸. Журнал обвиняет Коммунистическую партию Китая в продвижении национализма взамен угасшей коммунистической идеологии и даже вводит в оборот термин «Beijingism».

И далее: «Китай, как спешат подчеркнуть его домашние защитники, более не тоталитарен. Это смесь...бюрократии и экономических интересов (этой самой бюрократии. — В. С.)...»¹⁰⁹

Только что закончившиеся в ПЕКИНЕ Олимпийские игры подтвердили, что Китай, — по мнению телеканала «EuroNews», выраженному в день закрытия Олимпиады 24.08.2008, — стал «современным государством с успешной экономикой, для которого потраченные на это мероприятие (т.е. на Игры) 40 миллиардов долларов остались незаметными».

Индия, хотя и добившаяся более чем 1 миллиарда населения, не является сплошённойнацией. Десятки этносов и их языков, различные религии, главным образом индуизм и мусульманство, и, всё ещё сохраняющиеся, хотя и в неявном виде, касты — всё это не способствует единению индийского общества. И это сказывается на недостаточном ещё экономическом развитии, несколько отстающем от Китая.

«Крупнейшая в мире демократия», по выражению самих индийцев радикально отличается от сплошённого китайского общества, убеждённого, как и тысячи лет назад, что их страна — это главная в мире держава, согласно смыслу самого названия: Чжун-Го (Китай) — «Срединное государство», т.е. государство, находящееся в центре мира.

Индия же, находящаяся на южном полуострове Азии исторически никогда не видела себя в центре мировых событий. По-видимому, в менталитете индийцев нет таких амбиций как у китайцев.

Ещё менее сплочены более миллиарда мусульман в мире. Даже крупнейшая их часть — 200 миллионов арабов раскинуты по 23 странам¹¹⁰. Их проблема, видимо, в том, что ни у мусульман в целом, ни у арабов в частности, нет государств-лидеров, как Франция-Германия в ЕС, или хотя бы одного государства. А имеет место реальные

¹⁰⁸ China's dash for freedom — The Economist, 2...8 August 2008, p. 11.

¹⁰⁹ Там же. — p. 28.

¹¹⁰ Arabesk Studies in Damascus. — <http://www.arabeskstudiesindamascus.com/Russian/index1.htm>

разногласия, которые не может сгладить Организация «Исламская Конференция» (ОИК) или Лига Арабских Государств (ЛАГ).

Аналогичная картина и в Африке, где Африканский Союз (АС) ещё многие годы не дойдёт до уровня интеграции в Евросоюзе.

Что касается Латинской Америки (или Южной Америки), то ей не повезло с колонизаторами: маленькая Португалия внедрила свой язык, а следовательно, и культуру, в крупнейшую страну региона — Бразилию. Возможно, поэтому ей не удаётся стать государством-лидером на испано-язычном континенте. А другого ядра кристаллизации там пока нет.

Таким образом, Индию, мусульманский/арабский мир, Южную/Латинскую Америку и Африку можно охарактеризовать как пассивных акторов («актёров») глобального «театра».

Активные же акторы — это Китай, США/Северная Америка, Евросоюз и Россия — это те, взаимодействие между которыми определяет глобальную политику.

Третий глобальный «активный» актор современности после США и Китая — Европейский Союз. ЕС сегодня — это конгломерат из 27 больших и малых государств Старой и Новой Европы, десятков этносов и языков, исповедующих все мировые религии, включая широко распространённое безверие, т.е. атеизм.

Однако, в дальнейшем — сегодняшние раздоры внутри ЕС будут меняться всё большей и большей сплочённостью. Из младшего, ведомого партнёра по отношению к США, ЕС постепенно будет превращаться в равноправного. Тем более, что население здесь в полтора раза превышает американское, а экономический потенциал не уступает. И как бы старые реальные или мнимые обиды ни заставляли ряд восточноевропейских политиков в первую очередь обслуживать американские, а не европейские интересы, вектор, или как сейчас модно говорить, тренд континентальной консолидации вокруг франко-германского ядра кристаллизации — действует безотказно.

России, с её только начинающей набирать вес экономикой, предстоит балансировать между вышеперечисленными глобальными центрами силы.

При этом необходимо иметь в виду, что первый главный процесс современного глобализирующегося мира — это континентальная консолидация вокруг определённого ядра кристаллизации.

Помимо ЕС, о чём сказано выше, необходимо указать на Северную Америку, где независимость Канады весьма условна. Рост числа испано-язычных в США, так называемых «hispanics», превращает испанский во второй по распространённости язык в Соединённых Штатах. Нужда в неквалифицированных рабочих руках на юге США всё более притягивает Мексику в американскую экономическую орбиту. Собственно говоря, такой тройственный союз уже оформлен с 01.01.1994 г. в виде Североамериканского Соглашения о Свободной Торговле (Североамериканской Зоны Свободной Торговли) NAFTA-НАФТА, будущее которой заключается в дальнейшем углублении внутренней интеграции вокруг Соединённых Штатов.

Китай и Россия — это также ядра кристаллизации дружественных стран вокруг себя.

Россия притягивает вокруг себя государства ОДКБ — Организации договора о коллективной безопасности, а также признанные Российской Федерацией 26.08.2008 новые независимые государства Абхазию и Южную Осетию. Но особенно продвигается

интеграция внутри ЕврАзЭС — Евразийского Экономического Сообщества¹¹¹. Влияние России более чем велико и в других странах СНГ, в первую очередь в среде русскоязычного населения. И здесь главное — это Украина, чья элита, увы, во многом пропитана антироссийскими настроениями.

Консолидация вокруг Китая — это пока только соплеменники, т.е. уже поглощённые Гонконг и Макао. В дальнейшем весьма вероятно притягивание Тайваня и Сингапура в орбиту Китая, даже если и с немалой автономией для начала. А далее на повестке дня стоит российский Дальний Восток.

И, неважно, есть ли в действительности или нет какие-либо планы у китайских секретных служб по захвату и колонизации Российского Дальнего Востока согласно Косовскому либо иному сценарию. Всё равно никто в этом не признается. С другой стороны, китайские военные теоретики утверждают, что Китай может участвовать в локальной войне с Россией и это будет «китайская реакция на вероятные попытки российских властей остановить силовым путем китайзацию Дальнего Востока»¹¹².

Информация о колонизации российского (пока) Дальнего Востока поступает на новостные ленты чуть ли не ежедневно.

Бывает, что поступают и «хорошие» новости: заброшенные колхозы и пустующие поля «поднимают» китайские крестьяне. В таком случае дело доходит уже сейчас до переименования на китайский лад улиц в деревнях Дальнего Востока, заселённых китайцами.¹¹³

Недавняя передача Китаю согласно соглашениям о делимитации и демаркации от 2004–2005 годов¹¹⁴ амурских островов Тарабаров и части Большого Уссурийского в непосредственной близости от ХАБАРОВСКА, столицы Дальневосточного федерального округа, а также острова Большой на реке Аргунь¹¹⁵, лишний раз подчеркнула всё величие нашего дальневосточного соседа. В рамках окончательной демаркации российско-китайской границы почему-то все общие, совместные вопросы были решены за счёт передачи Китаю российских территорий. Даже знаменитый остров Даманский на реке Уссури, за который советские пограничники проливали свою кровь 2 и 15 мая 1969 года, также уже давно китайский: «de jure» с 1991 г., а «de facto» сразу же после выигранных нами боёв на острове. И теперь он называется Чжэнъбао¹¹⁶.

Понятно, что есть мировая юридическая и политическая практика прохождения границы по фарватеру. Однако, передача каких-либо территорий, например, Монго-

¹¹¹ Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС). — <http://www.evrazes.com/>, <http://www.kp.ru/daily/23383/33010/>

¹¹² ЩЕРЕВ Николай. «Китайската геостратегия и новата карта на света през 21 век». — Болгария, София: Журнал «Геополитика», 2006, № 2, с. 152.

¹¹³ БУТУЗОВА Людмила. — Китайские гастарбайтеры подгоняют под себя российскую глубинку: Вдоль по МуданьЦзянской/ 12.03.2008. — <http://www.finiz.ru/economic/article1247509/>

¹¹⁴ АНДРЕЕВ Борис. Россия отдает Китаю полтора острова. — Комсомольская правда. 15.10.2004. — <http://www.kp.ru/daily/23383/33010/>

¹¹⁵ Население переданных Китаю островов не пострадало. — 15.11.2004. — <http://hbr.moigorod.ru/news/details.asp?n=2146368833>

¹¹⁶ ЕВДОКИМОВ Павел. Остров инженера ДАМАНСКОГО. — <http://www.specnaz.ru/istoriya/415/>

лии представить сложно. Ну а насчёт территориальных претензий Латвии тогдашний президент РФ В. В. ПУТИН выразился более чем образно: «Не Пыталовский район они получат, а от мертвого осла уши»¹¹⁷.

Прославившийся организацией знаменитого Приштинского броска российских войск на столицу тогда ещё сербского края Косово 12.06.1999 генерал-полковник Л. Г. ИВАШОВ считает, что «Российские власти пока недооценивают пагубность китайской миграции, которая осуществляется на российском Дальнем Востоке. Более полутора миллиона россиян покинули эти края за последние годы, фактически развалены промышленная и оборонная инфраструктура прикитайского пограничья. Естественно, свято место пусто не бывает — при тех богатствах, которые есть в этом регионе, туда буквально хлынули массы китайцев. Многие из них уже прочно осели, утвердили свой бизнес, приобрели влияние. И в определенной мере даже диктуют условия властям. Конечно, не федеральным, но региональные уже серьезно зависят от кошельков китайских бизнесменов. Это позволяет тем легко «пробивать» свои экономические интересы, осваивая российский Дальний Восток. И, в известной степени, готовя почву к взятию региона под фактический китайский контроль, а в перспективе и суверенитет...»¹¹⁸.

Уточнить Л. Г. ИВАШОВА можно лишь в пункте, касающемся влияния китайских бизнесменов на российские власти — есть данные, что финансовое давление ощущается и в отношении представителей федеральных структур, а не только региональных.

Таким образом, президент Академии геополитических проблем Л. Г. ИВАШОВ прогнозирует с большой долей вероятности провозглашение на территории российского Дальнего Востока китайского государственного образования.

Мы, в свою очередь, предлагает конкретное наименование: Дальневосточная Китайская Республика (ДВКР), которая будет создана по Косовскому сценарию китайской (ханьской) диаспорой в России. Смею заверить, что это не плод болезненного воображения, а вполне возможная реальность.

Переизбыток дешёвой рабочей силы в Китае, особенно в сельской местности (по разным оценкам до 100 миллионов человек), — а Китай всё ещё в большинстве своём живёт в деревне, — объективно выталкивает китайских граждан за официальную границу своего государства. И, конечно же, не только в сторону России. Даже в первую очередь не в Россию, а в тёплые южные страны Юго-Восточной Азии. Это объективный процесс. Демографическая экспансия имеет основой безудержный экономический рост, основанный на либеральной экономике, при которой сильное «коммунистическое» государство «не видит» феодальной «сверх-эксплуатации трудящихся», как сказали бы классики марксизма. И были бы абсолютно правы. Никаких трудовых прав, кроме как работать с утра до вечера, у китайцев нет. Очень короткие отпуска на госслужбе, к тому же почти отсутствующие в частном секторе. Достаточно маленькие заработки (что обеспечивает низкую стоимость китайских товаров, победно шествующих по всему миру). Отсутствие какой-либо техники безопасности на

¹¹⁷ Путин: Латвия получит не Пыталовский район, а от мертвого осла уши. — 23.05.2005. — <http://www.newsru.com/russia/23may2005/otmertvogoslaushi.html>

¹¹⁸ ИВАШОВ Леонид Григорьевич. Война между США и Китаем вызревает в России. — 06.12.2007. — www.ivashov.ru/Archive/26.html

производстве и в строительстве. По сути дела не действуют профсоюзы. Не говоря уже о совершенно вопиющих фактах нарушения, а порой и разрушения экологии в своей собственной стране, а иногда и в сопредельных государствах. Особенно характерным был случай в 2006 г. со сливом отравляющих стоков в реку Сунгари, что вызвало серьёзные проблемы в российских городах¹¹⁹.

Вот вам и изнанка китайского «экономического чуда». Как известно, за всё надо платить!

Да, у нас в России также не всё в порядке во взаимоотношениях труда и капитала. Но, месячный отпуск, стремящиеся все-таки к прожиточному минимуму пенсии и, относительно, сносные зарплаты нам гарантированы. Вряд ли кто-либо в России захотел бы жить и работать на износ как китайцы с китайскими зарплатами. Тем более на частного работодателя.

В рамках мировой geopolитики, как выясняется, более всего важна не площадь государства, а количество его населения. Разумеется, при надлежащем развитии человеческого потенциала. Именно поэтому в Африке, например, крупнейшей страной всеми признаётся Нигерия с более чем 100 миллионов жителей, а не более крупные по площади Алжир, Судан или Конго-Киншаса.

Именно поэтому, Китай, а не Россия или Канада (второе по площади государство в мире после России) обречён стать вечным мировым лидером.

И это будет продолжаться до тех пор, пока твердолобые американские ястребы-миссионеры и рафинированные европейские борцы за права человека не поймут, что единственный выход для всех нас — в консолидации стран Севера. Т.е. Европы, России и США (Канада — это «de facto» территориальный придаток Соединённых Штатов и не надо себя обманывать в чём-либо противоположным). Только такая тройственная уния способна уравновесить китайский Голиаф. Этому не смогут противодействовать ни китайское трудолюбие, помноженное на тысячелетнее послушание, ни китайские боевые ракеты и корабли, ни даже разбросанные по всему свету чайна-тауны как форпосты китайской глобальной экспансии. Сплочённости глобальной китайской нации можно приравнять лишь грядущее сплочение наций Севера. В виде конфедерации, федерации или даже союза. Нас объединяют единые христианские ценности, три-единая романо-германо-славянская семья европейских языков с общими индоевропейскими корнями, совместное, даже если и не всегда беззабочное, историческое прошлое. И главное — нас объединяет привязанность наших народов к демократии, которую все мы выстрадали в разные периоды своего развития.

Отдельный разговор о Японии и Южной Корее (или объединённой Корее). Хотя они и не входят в состав христианского ареала, их вклад в мировую экономику и политику огромен, что основано на том факте, что они глубоко восприняли пост-христианские представления о свободе и демократии. С точки зрения классической geopolитики — страны Северного полушария могут прирасти, таким образом, соседствующими Дальневосточными государствами и Северный Альянс получит полное обрамление в этой части Земного шара. А с позиции современного понятия «Запад» — эти две страны являются его составной, глубоко интегрированной частью.

¹¹⁹ Владимир Скосырев. Ядовитые плоды китайского чуда. — Московские новости, 20–26.01.2006. — с. 17.

Для Японии и Кореи — это также привлекательно, т.к. в рамках Северной Федерации они сохранят свою самобытность, — как, например, буряты или якуты в составе России, — а в составе Китайского блока рисуют раствориться в безбрежном китайском океане. (Хотя, при определённой демократизации китайского общества, возможно, региональная Дальневосточная интеграция будет превалировать над Северной. Тем более, когда уйдут поколения, помнящие Вторую мировую войну и питающие взаимную неприязнь между корейцами и японцами, с одной стороны, и китайцами и японцами, с другой стороны.)

Только таким союзом/федерацией/альянсом можно вернуть баланс сил и интересов в глобальном формате. Лидеры первого и второго мира, т.е. Запада и коммунизма, во второй половине XX века были весьма дальновидными людьми. Они поняли, что мир возможен только при равновесии интересов. Даже если это баланс ядерный, высасывающий все соки из народов двух блоков. Зато мир, а не война. «Худой мир лучше доброй ссоры» — гласит русская пословица.

Сейчас также нужен баланс; для сохранения мира и спокойствия в XXI веке человечество также нуждается в паритете силы. Но сейчас важнее баланса ядерных ракет — баланс экономического развития. Приумножив людские ресурсы, Север сможет создать экономический паритет с Китайским блоком.

Под Китайским блоком мы подразумеваем подчинённые Китаю в ближайшем или более отдалённом будущем, — возможно, уже при жизни нашего поколения, — страны Азиатского Востока, начиная с тех, где собственно живет те же китайцы-«хань»: уже инкорпорированные во многом Гонконг-Сянган и Макао-Аомынь, а также Тайвань. Хотя на данном этапе жители этого острова явно не хотят менять свою свободу и демократию на Пекинскую утопию «воссоединения нации». Крупнейшее хранилище золотовалютных резервов, помноженное на технологический рай, особенно в сфере «высоких технологий», коим является остров, спасают от апньюса, пока, только военно-морские силы США. Но, усиление моши Китая может привести к локальному конфликту, при котором тайваньцы могут испугаться угрозы прямого бомбометания с континента, помноженного на подкуп местных лидеров и безудержную демагогию о «единой родине».

Далее на очереди и Сингапур, где максимальна влиятельная китайская диаспора. И, конечно же, вышеупомянутая КДВР, которая может охватить, кстати, территорию значительно большую, чем только собственно Дальневосточный Федеральный Округ.

«Основоположник» метода демографического захвата — это провозгласивший 17.02.2008 независимость сербский край Косово, признанный сразу большинством стран Запада. Провозглашение независимости Косово и поспешное его признание — это переломный момент в истории международных отношений начале XXI века.

Признав Косово, Запад по факту создал важнейший прецедент, разрубив «гордиев узел» извечной дилеммы международного права: что важнее — принцип самоопределения наций или принцип территориальной целостности государств. Однако, при этом, Запад не предложил никаких чётких критериев, когда один принцип становится важнее другого

Поэтому, важнейшей задачей международного сообщества на сегодняшний день является определение чётких правовых критериев, когда какой-либо этнос имеет право претендовать на независимое существование в качестве суверенной нации.

Продуктивно это может быть реализовано только в рамках ООН, важнейшим свойством которой является то, что в её Совете Безопасности с правом вето представлены все основные центры силы, которые есть сегодня или будут в дальнейшем.

Следующим шагом со стороны Косово, после провозглашения независимости от Сербии, может стать объединение с Албанской «родиной». Такой же путь может пройти и ДВКР, пожелав в будущем присоединиться к Китаю. При том, что процедурно всё может быть оформлено очень корректно, с необходимым референдумом и участием всевозможных международных наблюдателей.

Так давайте же не ссориться, господа европейцы и американцы, а на деле проявлять сплочённость и создавать Северную Федерацию. По крупному, между нами нет ничего, кроме предрассудков давно ушедших времён, что могло бы объективно нас разъединять в настоящем и тем более в будущем. Более того, в истории России и США, которые пока всё ещё остаются ведущей мировой державой, не было ни одного конфликта, дошедшего до горячей войны. А в начале своего самостоятельного пути после провозглашения независимости от Англии США пользовались серьёзной поддержкой России, которая выступила за свободу мореплавания, т.е. против требований Англии об антиамериканских санкций, которые могли препятствовать жизненно необходимой торговле молодого государства с Европой. Впоследствии, во время Гражданской войны в США в 1861–1865 гг. Россия, для демонстрации своей солидарности с ними, даже направила две военные эскадры к далёким американским берегам в Нью-Йорк и Сан-Франциско, предотвратив, таким образом, возможную интервенцию из Европы¹²⁰.

Нужно лишь умерить пыл антироссийским заокеанским миссионерам и их сателлитам из так называемой «новой Европы». А так как ограниченность мировоззрения не позволяет им смотреть в будущее объективным образом, нам придётся ещё немало времени заниматься «понижением акций» антироссийских американских ястребов и европейских создателей нового железного, то бишь Шенгенского, занавеса у границ России. В первую очередь за счёт укрепления экономической и военной мощи государства Российского. Не забывая о перспективе, о стратегии объединения — России ещё долго придётся заниматься индивидуальной тактикой укрепления собственной мощи. Парадокс в том, что чем мы сильнее — тем ближе к нам будут стремиться наши европейские и американские партнёры.

Пятидневная война 08–12.08.2008 на Кавказе показала, что российская армия уже достаточно окрепла после падения 1990-х, чтобы разгромить маленькую Грузию, однако старательно подготовленную американскими инструкторами и снаряжённую рядом стран НАТО, а также стремящейся туда Украиной. Не только Грузия Михаила СААКАШВИЛИ, но и НАТО во главе с США никак не ожидали такого развития событий. Помощь Россией Южной Осетии, подвергшейся агрессии со стороны Грузии, — это фактически первое реальное действие нашей страны в защиту зарубежных соотечественников за последние почти два десятка лет новой российской государственности. Эта активность вызвала шок на Западе, помноженный на жёсткое пропагандистское противостояние. Но, несмотря на

¹²⁰ БОНДАРЕВ Никита, НАУМОВ Александр. 04.07.08. День независимости США. Диалог двух историй. — Фонд «Русский мир» — www.RusskijMir.ru/ru/publication/index.php?id4=2326

никакие угрозы отлучить Россию от цивилизованного мира за якобы избыточное использование силы на Кавказе против напавшей на Южную Осетию Грузии, Запад реально никак не смог нанести какой-либо ущерб России. Фактически у НАТО и США нет эффективных рычагов давления на Россию. Пока Запад нуждается в наших энергетических ресурсах, а наша армия способна защищать наши национальные интересы — у НАТО во главе с США руки будут коротки «наказать» нас за действия, не соответствующие их интересам.

Признание Россией независимости Абхазии и южной Осетии 26.08.2008 – это фактически развитие событий с признанием Косово. Коли «ящик Пандоры» открыт¹²¹, то спрашивается, чем абхазы и юго-осетины хуже косоваров? Тем более, что Сербия, в отличие от Грузии, косоваров не бомбила. А они всё равно отделились.

Такие конфликты вполне возможны и в дальнейшем. Двухполюсная система в идеологических координатах «капитализм-социализм» сменилась на сегодняшний день геополитической дилеммой Запад–Россия, в которой уже нет места прежнему идёйному противостоянию. Но старые фобии неотрывно присутствуют. Вся реакция Запада на совершенно свежие Юго-Осетинские события показывает, что в сегодняшней России они не видят союзника, а скорее врага. Так или иначе ведущие мировые СМИ и в первую очередь американские CNN и Foxnews, а также британская BBC, повторяя напористость Вашингтонской администрации, упражнялись в риторике времён холодной войны.

А вот болгарское новостное Интернет-агентство¹²² сообщает о новостях с кавказских боёв под характерным заголовком «Русский реванш за Косово». Также проявление биполярности времён холодной войны, хотя и явно с большей пророссийской, нежели проамериканской, направленностью.

В целом, можно твёрдо заявить, что Запад «потерял»–«проиграл» Россию. Подобным образом высказывался трезвомыслящий американский политолог Стив КОЭН, с пониманием относящийся к нашей стране, что довольно редкое явление в американской интеллектуальной элите. Когда в 1990-е годы Россия была слаба, Запад мог легко включить её в так называемые «Западные институты» и в первую очередь в НАТО. На волне эйфории начала 1990-х гг. российские граждане согласились бы с этим. Но, в таком случае Россия могла бы иметь хоть какой-то, но голос внутри Западного сообщества. «Вашингтонский обком» решил держать Россию на расстоянии, в виде донора энергоресурсов, которого внутрь посудной лавки лучше не пускать. Никто в НАТО не подозревал, что через десяток лет и даже менее Россия может сама распоряжаться не только своей судьбой, но и помочь выжить малым народам Абхазии и Южной Осетии. И управы, как оказалось, на неё никакой нет.

Но ведь Запад и сам ни разу не шёл навстречу наших законных требований, например, приструнить вассальные прибалтийские режимы, прославляющие своих нацистских вояк и притесняющие местных русскоязычных, или того же г-на СААКАШВИЛИ в его агрессии против двух малых республик. Или возьмём, к примеру, гуманитарный аспект наших взаимоотношений: почему до сих пор Запад отгро-

¹²¹ КОЛАРОВ Георги. С Косово отвориха кутията на Пандора. — www.news.ibox.bg/columnist/id_363265512

¹²² ДЕЧЕВ Теодор. Руският реванш за Косово. — 14.08.2008. — http://news.ibox.bg/columnist/id_1716692785

раживается от России визовым занавесом (который, видимо, в ближайшее время не приоткроется несмотря на вступление в силу с 20.09.2008 безвизового порядка поездок между Россией и Израилем)? А непрерывное, вопреки прежним обещаниям, расширение НАТО на восток Европы, а теперь, вероятно, за счёт Грузии, и на Кавказ? А противоракеты и станции слежения в Польше и Чехии?

И так далее.

Если послушать ведущих западных политиков и комментаторов, например на BBC или CNN, то создаётся ощущение, что холодная война никуда и не уходила. Опять идёт деление стран на прозападные, либо пророссийские режимы. В первых — почти манна небесная, а последние, конечно же, априори недемократичны.

Одним словом, причин для обиды с нашей стороны найдётся предостаточно.

«Может ли американская правящая элита в корне переосмыслить складывающуюся мировую ситуацию и роль США в современном мире? Ведь это значило бы отказаться от идеи фикс по достижению мирового господства и переходу к принципу баланса сил и bipolarности, по крайней мере. Но США однозначно не готовы к этому, потому что мало еще набили шишек на своем лбу. Осмысление реалий у американской элиты еще впереди»¹²³ — пишет президент Академии геополитических проблем Л. Г. ИВАШОВ.

В то же время, признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, не просто показало мощь новой России, не только выясвило ослабление Америки, но, самое главное, — это стало символическим началом конца однополюсного мира! Впервые Россия открыто противопоставила себя Соединённым Штатам и не уступила их давлению. Хотя это переломное явление и осталось за рамками понимания большей части американской правящей элиты. Библейский грех гордыни не позволяет осмыслить собственное пусты и небольшое, но падение с пьедестала «главного государства», по выражению Рэната КОРСЭТТИ, бывшего, до 2007 года, президента Всемирной эсперанто-ассоциации.

Эту ситуацию американский политолог Фарид ЗАКАРИЯ назвал «постамериканским миром»: «В военно-политической сфере в мире по-прежнему существует только одна сверхдержава. Однако, по всем направлениям — в промышленности, финансах, образовании, социально-культурной области — соотношение сил меняется, уходя от американского господства. Это не означает, что создаётся антиамериканский мир. Мы переходим к постамериканскому миру, который определяется и управляется из многих центров, многими игроками»¹²⁴.

Есть ещё один аспект, обойти который не представляется возможным.

Важным, раздражающим весь здравомыслящий мир, фактором является повсеместное навязывание американских стандартов в области культуры и языка.

Американская клип-культура формирует глобальное зомбированное «поколение ПЕПСИ», поколение «манкуров», не помнящего своего национального родства и озабоченного лишь поисками быстрых денег, которые можно и нужно растратить

¹²³ ИВАШОВ Леонид Григорьевич. Мир нуждается в переосмыслении своей сущности. — 15.11.2007. — www.ivashov.ru/Archive/24.html

¹²⁴ ЗАКАРИЯ Фарид. Постамериканский мир. — Газета «The New York Times», США, 06.05.2008 — www.inosmi.ru/translation/241195.html

на бесконечные развлечения. Это не только чисто российское явление — это именно глобальный процесс. Не зря серьёзное образование в самих США ориентировано на узкую прослойку интеллектуальной элиты, в отличие от европейских или российских традиций, где больше возможностей получить качественное высшее образование, чем в Америке. Это подтверждают беседы автора с некоторыми представителями деловых кругов из Европы, переехавших для развития бизнеса в США.

Наряду с долларом, массовая псевдо-культура и массовый «глобальный английский», в отличие от классического «british English» — это важнейшие инструменты глобального доминирования США в сегодняшнем мире. Если мы все не хотим пропасть по одиночке, нам придётся отказаться как от глобального примата доллара, так и от глобального примата английского, через который американцы и протаскивают свою идеологию мирового «демократического» доминирования как в политике, так и в экономике и, особенно, в культуре. Весь мир вынужден вымучивать из себя какие-то английские фразы, в то время как новые «хозяева мира», наподобие древнеримских, посмеиваются над наивными одураченными «*homo sapiens*», которым washingtonская пропаганда успешно внушила, что если вы не владеете «global English», то, скорее всего, вы просто недоучка или невежда, а то и вовсе патологически недоразвиты и ваше психическое состояние подлежит клинической реабилитации.

По прошествии двух десятков лет начинаем ощущать себя в положении тех восточно-европейцев времён «реального» социализма, которых заставляли в школах и институтах изучать русский язык в обязательном порядке. А эта принудительность вызывала, разумеется, негативную реакцию в отношении русского языка и, соответственно, России-СССР в целом.

Британцы прекрасно осознают значимость распространения своего языка: «У нас нет сомнений, что работа Британского Совета, особенно по распространению английского языка в Азии, в дальнейшем будет чрезвычайно полезна для нашей торговли в других странах.» (Drogheda Report, 1954)¹²⁵.

Изучать иностранные языки в России, Китае, Японии и во многих других развивающихся и развитых странах означает, по сути, учить английский и только английский. К сожалению, в нашем отечестве, это также стало грустной нормой. Редко кто изучает другой язык. А уж о том, чтобы осваивать два языка — это привилегия главным образом только «инязовцев» — и даже у них второй язык это как бы неполноценный, владеть им на уровне первого обычно не обязательно. Стыдно смотреть, когда наши ведущие телекорреспонденты в странах с замечательными языками, как французский, немецкий, испанский, итальянский и т.д. — берут интервью только по-английски. Даже на уровне центрального телевидения корреспонденты-международники не утруждают себя знанием других языков.

Известный британский исследователь Роберт ФИЛИПСОН определяет языковой империализм английского языка в своей нашумевшей одноимённой книге¹²⁶ как «до-

¹²⁵ ЗАРЕЦКИЙ Евгений. Распространение английского языка в мире как одна из форм американского мессианства. — № 18 (163), 25.12.2007. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu—www.woa/wa/Main?textid=2110&level1=main&level2=articles>

¹²⁶ PHILLIPSON, Robert. Linguistic Imperialism. — Oxford University Press: 1992. — ISBN 0-19-437146-8

минирование, обусловленное установлением и постоянной поддержкой структурного и культурного неравенства между английским и другими языками»¹²⁷.

В противовес этому, международное эсперанто-движение исповедует принцип «языковой демократии». Этой концепцией «мы стремимся, чтобы базовые идеи демократии (равные права для всех людей, свобода коммуникации, эффективное участие в принятии решений) имели также и языковое измерение»¹²⁸.

В этом контексте необходимо помянуть о замечательной практике в Европейском Союзе, где имеется официальная рекомендация учебным заведениям преподавать два иностранных языка. При таком раскладе учащиеся отрываются от практики «иностранный язык равно английский язык».

Например, в маленькой Венгрии, студенты при добровольном выборе языков, согласно рейтинговой статистике, выбирают английский в качестве одного языка (условно первого), а вот в качестве условно второго выбирают либо немецкий (сказывается историческое прошлое в рамках Австро-Венгрии) либо эсперанто, как третий по популярности.

Действительно, гениальный проект российского подданного Людвика ЗАМЕНГОФА за свою почти полутора-вековую историю стал зрымым, реальным воплощением языка международного общения. Речь идёт о языке эсперанто и движении эсперантистов за использовании этого нейтрального, т.е. политически не-ангажированного, простого и, одновременно благозвучного языка, что дважды в 1954 и в 1985 гг. получило официальное одобрение в резолюциях Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО. И не даром: сейчас не найдётся другого, третьего языка, кроме доминирующего, majorityного английского и, пока ещё миноритарного по распространению, — но имеющего, тем не менее свою конкретную «аудиторию», эсперанто, который бы мог называться международным. Т.е. речь идёт о том, что люди разных национальностей, граждане разных стран не пользуются другими языками-посредниками в общении друг с другом, кроме английского или эсперанто (в случае, когда какой-либо язык является для одной стороны родным, — этот язык не может претендовать на статус международного). Речь идёт как о живом общении, так и о виртуальном — в Интернете. При одном условии — свободе выбора иностранного языка, как в случае с венгерским примером. Чего, увы, не наблюдается в родных пенатах.

Подводя некий итог сказанному, можно предложить три варианта сценария траектории геополитического развития России в будущем.

СЦЕНАРИЙ № 1 КАТАСТРОФА

Создание Дальневосточной Китайской Республики (ДВКР), провозглашение ею сначала своей независимости, которую признает Китайская Народная Республика. В дальнейшем, всенародным голосованием (т.е. голосами китайского абсолютного

¹²⁷ Языковой империализм. — <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

¹²⁸ Lingvoj en EU — Lingva demokratio. (Языки в ЕС — Языковая демократия. — В. С.). — http://eo.nitobe.info/ld/lingvoj/lingva_demokratio.php

большинства) ДВКР будет просить КНР о включении сё в состав Великого Китая, что, конечно же, будет с удовлетворением принято.

При самом пессимистичном раскладе Китайская Республика, которая возникнет на территории России, может включать и Сибирь.

Этому содействует и всё ещё слабая российская экономика, ещё не доросшая до выпуска высокотехнологичной продукции.

В более общем экономическом плане, можно смело утверждать, что нынешняя практика экспорта российских природных энергетических ресурсов: нефти, газа, леса — это порочная практика, своего рода «тroyянский конь» нашей экономики. Общеизвестно, что продавать продукты глубокой переработки намного выгоднее, чем продажа необработанного сырья. Можно было бы продавать хотя бы электроэнергию или продукцию нефтехимии. А нынешняя «экономика трубы» ничем не отличается от средневековой продажи за рубеж «пеньки и мёда». Полагаем, что должна быть принять законодательная база, запрещающая разбазаривание того, чего вскоре мы можем окончательно лишиться. Например, нефти, которой вряд ли останется в России уже к концу нынешнего XXI века. Конечно, такая же ситуация с нефтью и в мире в целом, но нас интересуют в первую очередь собственные проблемы, а уже потом глобальные.

Однако, парадокс в том, что выход из «экономики трубы» не представляется возможным пока не закончится, или приблизится к этому, хотя бы один из главных российских энергетических ресурсов: скорее всего это будет нефть. Политическая элита, тесно связанная с «капитанами бизнеса» из «профсоюза олигархов» наподобие РСПП и других структур, необязательно институционализированных в виде официальных юридических лиц, не позволит лишить быстрых сверхдоходов себя и своих друзей-товарищей. И только потеря нефти сможет открыть многим глаза.

А находящееся благодаря изощрённой пропаганде в состоянии спячки российское общественное мнение готово «проглотить» что угодно, в том числе, например, и сказку о борьбе властей с коррупцией или роман о том, как правительство заботится о нуждах пенсионеров. Доставка пропаганды из телевизора в мозги зрителей достигла такой высокой степени эффективности, что брежневско-сусловские идеологические службы ЦК КПСС умерли бы второй смертью от зависти, если увидели бы такое.

СЦЕНАРИЙ № 2 ИДЕАЛЬНЫЙ — ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ

Для этого Российские власти должны пойти на чрезвычайные меры по заселению опустевшего за последние 20 лет Дальнего Востока, где население всего федерального округа стало меньше населения МОСКВЫ. Нужно бесплатно выделять землю эффективным крестьянам-фермерам, платить матерям за рождение и воспитание детей намного больше, чем в Центральной части страны, максимально сократить налоги и увеличить пенсии и т.д. Т.е. практика американских гомesteadов Америки XIX века (Гомestead-акт от 1862 г.)¹²⁹ — это только часть того, что нужно сделать сейчас для наших граждан на востоке страны. Это долг российского государства перед населением Дальнего Востока, мягко говоря, не избалованного вниманием Центра. Одни только

¹²⁹ КУРОПЯТНИК Геннадий. Гомestead-акт и сельское хозяйство в годы войны с Югом, 1861–1865. — <http://america-xix.org.ru/library/kuropatnik-land/9.html>

цены на авиаперелёты о многом говорят: долететь до ПЕКИНА или ТОКИО порой дешевле, чем до ХАБАРОВСКА или ВЛАДИВОСТОКА. Это должны быть поистине чрезвычайные меры, требующие от Власти огромной концентрации силы воли. Но, увы, намёков на таковую пока не наблюдается.

СЦЕНАРИЙ № 3 РЕАЛИСТИЧНЫЙ

России придётся вступить в ассоциацию-союз с другими мировыми центрами силы. Именно мировыми, т.е.: США и ЕС. Впрочем, аналогично, и им также придётся пойти навстречу России и вступить с ней в альянс. Возможно, лучше было бы дружить по принципу «за», т.е. по-хорошему. Но, если так не получается, то придётся дружить по принципу «против», имея в виду Китай. Но, отнюдь не из неприязни и тем более не из ненависти к нему. **В новом гуманизированном мироустройстве, не должно быть врагов, а только конкуренты.** И такое объединение сил необходимо не для скокрушения «врага», а для более эффективной конкурентно-способности.

И подтолкнёт Запад на сближение с Россией как взлёт мощи России в 2000-е годы, так и относительное «падение» Америки. Именно относительное, вызванное подъёмом других государств.

«Большая игра» («Big game») по Редьярду КИПЛИНГУ может интерпретироваться как борьба двух империй Британской и Российской за господство над Центром Азии (или Евразии). Согласно Зиггеву БЖЕЗИНСКОМУ — это понимается уже как противостояние США и СССР-России. В будущем — многозначительный термин «большая игра» вполне можно применить к взаимоотношениям США, угасающей сверхдержавы, и Китая, взлетающей сверхдержавы. Или для описания Китайско-«Северных» взаимоотношений, если США, Россия и Евросоюз объединят свои усилия.

Российской эlite такой вариант развития событий значительно ближе и понятнее, нежели мифическое сближение с Китаем и, в целом с Востоком. Ибо Запад, в лице Европы и Америки, всегда вызывал у власти имущих положительные эмоции. Для создания и поддержания такого «status quo» Запад постоянно использует свои мощные информационно-пропагандистские ресурсы. Здесь нашли своё место и швейцарские банки, отказывающиеся давать информацию на своих клиентов, и офф-шоры, и «куршавели», и западная культура, и тот же западный английский язык и т.д. Собственно говоря, российская элита во многом уже давно инкорпорирована в западные структуры, даже если и несколько своеобразно: швейцарские банки наряду с оффшорами для неё намного важнее членства в НАТО, например. Осталось главное, институционализировать взаимоотношения России и Запада, снять оставшуюся со времён холодной войны взаимную подозрительность и допустить свои народы до интеграционных процессов.

С другой стороны, есть и вполне приземлённые причины, почему Запад должен согласится на сближение с Россией. Во-первых Европа не может обойтись без российских энергоресурсов. А во-вторых, для самих США содействовать сближению России и Китая — это означает самим приближать кончину своего мессианского величия. Также самоубийственно для США и позволить Китаю захватить российский Дальний Восток, т.е. прирасти не только гигантской территорией, но и огромными природными ресурсами.

При вступлении с кем-либо в ассоциацию желательно занять в этом тандеме наиболее выгодные стартовые позиции, которые позволили бы, в идеале, диктовать будущим партнёрам те условия, которые представляются наиболее выгодными при вступлении в «брак». Т.е. — это как брачный контракт. Как сказала одна опытная дама из популярного советского фильма — «Не важно, что брак не по любви, а по расчёту. Лишь бы расчёт был верный!».

В случае признания такого сценария наиболее правильным, российским властям понадобятся колossalные информационно-пропагандистские усилия для того, чтобы убедить Запад в своей правоте. Управление эти процессом — это фактически управление будущим России.

Наш прогноз и сценарии движения к будущему — это отнюдь не «столкновение цивилизаций»¹³⁰ по Сэмюэлю ХАНТИНГТОНУ, а естественная в рыночной среде **«конкуренция цивилизаций»**. Что и закономерно. Никто ещё не смог опровергнуть того факта, что люди, в великом большинстве своём, сближаются по национальному признаку, а не вопреки ему. Создание глобальной расы и глобального языка — это дело крайне отдалённого будущего. А вот консолидация в Северном полушарии — это как раз и есть первый шаг в сторону этого процесса, на наш взгляд вполне объективного, пусть даже это и идёт в разрез с пожеланием многих о сохранении мирового культурно-языкового разнообразия. Однако, по состоянию на сегодняшний день — **сохранение своей национальной идентичности**, включая ареал-территорию проживания, культуру и язык — это объективное стремление всех этносов, даже не имеющих своей государственности. И это есть **второй главный процесс современного глобализирующегося мира**, как обратная сторона медали по отношению к континентальной консолидации.

¹³⁰ ХАНТИНГТОН Сэмюэль. Столкновение цивилизаций? (HANTINGTON, Samuel. The Clash of Civilizations?) — 1993 — <http://www.nbuv.gov.ua/polit/93hsc.htm>

The China Factor between Washington and Moscow: Strategic Perspectives from 2014, 2021, and 2048

Yong-Bin Lee

[ABSTRACT]

The rise of China, *zhouguo de jueqi*, gradually resulted in widening influence and enhancing power of China in world affairs in general as well as in global geopolitics including Russo-US relations in particular. The aim of this paper is, by explain the China factor in the U.S.-Russian relations from 2014, 2021, 2048 as strategic projection, to expect the strategic interactions and main directions of world politics and its implications for the 21st century.

In this regard, how can we define the contents and characters of China's foreign policy toward the United Sates and Russia in the post-Cold War era? The rise of China is to be maintained harmoniously and peacefully in 2014, 2021 and 2048? And what elements will be the central force in considering the China factor between the U.S. and Russia? Finally, is the evolving China factor will reshape the strategic interactions between Washington, D.C. and Moscow as illustrated before?

In a nutshell, a cautious examination on the China factor in the U.S.-Russian relations should be focused on a macro-level analysis not only for understanding the fundamental cause for it, but also for explaining the significance and paradox of it, as well as for forecasting the continuity and change of trajectories in world politics.

I. Introduction: «the Second Cold War» with the Rise of China?

The rise of China, *zhouguo de jueqi*, gradually resulted in widening influence and enhancing power of China in world affairs in general as well as in major directions of global geopolitics initiated by the Russo-U.S. relations in particular. Ongoing hot debates about the return of China whether «*Pax Sinica*» or not, accordingly, have been followed by divided perceptions on the relative decline of the U.S. power and influence¹³¹. In a sense, it

¹³¹ Henry A. Kissinger, Does America Need a Foreign Policy: towards a Diplomacy for the 21st Century

seems that the ultimate winner of the Cold War is neither the U.S. nor the former Soviet Union but China.

The aim of this paper which is based on historical interactions is, by explain the China factor in the U.S.-Russian relations from 2014, 2021, 2048 as strategic projection, to expect the strategic interactions and main directions of world politics and its implications for the 21st century. For instance, 2014 gives us two hundred years projection since the Vienna Congress and a hundred year trajectory since the birth of Hong Xiuquan, a spiritual leader against the Qing Dynasty. In addition, 2021 not only means a hundred year projection since the China Communist Party(CCP) established but also a thirty years projection since the former Soviet Union disintegrated. 2048 stands for two hundred years projection of the ultimate demise of Sino-centric regional system in East Asia initiated by the Nanking Treaty in 1848 and a hundred years trajectory of the beginning of the Cold War as shown below. Arguably, we can expect the China factor, thus, which is mirrored by historical trajectories and global trends, and which will be impacted by identity transformation in 2014, regime change in 2021 and systemic revolution in 2048, continues to impact the directions of global politics which will be formed and reformed incessantly by the Russo-US relations.

[Table-1] The China factor mirrored by historical trends for 2014, 2021, and 2048

	2014	2021	2048
30 Years Projection	The Israeli Occupation of South Lebanon	The Demise of Soviet Union	
100 Years Projection	The Birth of Hong Xiuquan	The Establishment of the China Communist Party	The Start of the Cold War
200 Years Projection	The Vienna Congress	The Outbreak of Greek War of Independence	The Demise of Sino-centric World by the Nanking Treaty
The China Factor Mirrored by Trends	Identity Transformation	Regime Change	Systemic Revolution

(New York: Simon & Schuster, 2002); Charles A. Kupchan, *The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-First Century* (New York: Knopf, 2002); G. John Ikenberry, ed., *America Unrivaled: The Future of the Balance of Power* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2002); Joseph S. Nye Jr., *The Paradox American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone* (New York: Oxford University Press, 2002); Andrew J. Bacevich, *American Empire: the Realities and Consequences of U.S. Diplomacy* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003); T. R. Reid, *The United States and Europe: The New Superpower and the End of American Supremacy* (New York: Penguin Books, 2004); Zbigniew Brezezinski, *The Choice: Global Domination or Global Leadership* (New York: Basic Books, 2004); John Lewis Gaddis, *Surprise, Security and the American Experience* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005); Francis Fukuyama, *America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy* (New Haven, C.T.: Yale University Press, 2006); Dennis Ross, *Statecraft: and How to Restore America's Standing in the World* (New York: Farrar, Strauss and Giroux, 2007); Fareed Zakaria, *The Post-American World* (New York and London: W. W. Norton & Company, 2008).

The central puzzle, in this regard, is as follows. How can we define the contents and characters of China's foreign policy toward the United States and Russia in the post-Cold War era? The rise of China is to be maintained harmoniously and peacefully in 2014, 2021 and 2048? And what elements will be the central force in considering the China factor between the U.S. and Russia? Finally, is the evolving China factor will reshape the strategic interactions between Washington, D. C. and Moscow as illustrated before?

This research paper first outlines Chinese foreign policy towards the U.S. and Russia in the post-Cold War era, before going to explore further how interactions between the U.S. and Russia have been affected, focusing on structural change of international system in global geopolitics. It then considers the China factor from strategic projections in 2014, 2021 and 2048 with a discussion of the relating issues on identity transformation, regime change and systemic revolution in China that must be addressed if the China factor is to be a harmonious element for the U.S.-Russian relations which could form or deform the stability of global society as a whole.

II. Chinese Foreign Policy towards the U. S. and Russia

That the global geopolitics has been affected by the strategic triangle among the U.S., Russia, and China is an undisputed fact. It is also true, in addition, that bilateral interactions between Washington, D. C. and Moscow were often generated with their triangular implications and strategic motivations towards Peking in consideration. When it comes to the direction of global geopolitics, in this context, we should review the history and characteristics of Chinese foreign policy towards the U. S. and Russia in the post-Cold War era which has been a response to strategic conversions or diversions between them.

Chinese foreign policy in the post-Cold War era has to find the middle ground between the Bear and Eagle in the aftermath of brutal accidents around the Tian'anmen square of Beijing in June 4, 1989. Due to domestic vortexes and international criticisms triggered by the tragedy of the Tian'anmen Massacre, China's national strategy of economic development should overcome the (in)direct interferences from the EU and U.S. while searching for a new way to hedge against them. How can we, then, define the contents and characters of China's foreign policy toward the United States and Russia in the post-Cold War era?

Chinese foreign policy(CFP) towards the U. S. and Russia in the post-Cold War era, in a sense, can be seen as strategic responses to international interactions led by the U. S. and Russia. China's transition from Deng Xiaoping to Jiang Zemin, with strengthened alliance formation between Japan and the U. S. in 1997, made CFP reorient its strategic consideration. In contrast, the mutual reduction of armed forces along the borderline between China and Russia since 1990 have enormously lowered the possibility of military threat between the two countries, which resulted in drastic military cooperation in 1990s against the U. S. military hegemony in common as follows¹³².

¹³² Paradorn Rangsimaporn, «Russia's Debate on Military-Technological Cooperation with China,» *Asian Survey*, Vol. 46, No. 3(May/June 2006), pp. 477–495.

[Table-1] Russian Arms Sales to China in the 1990s

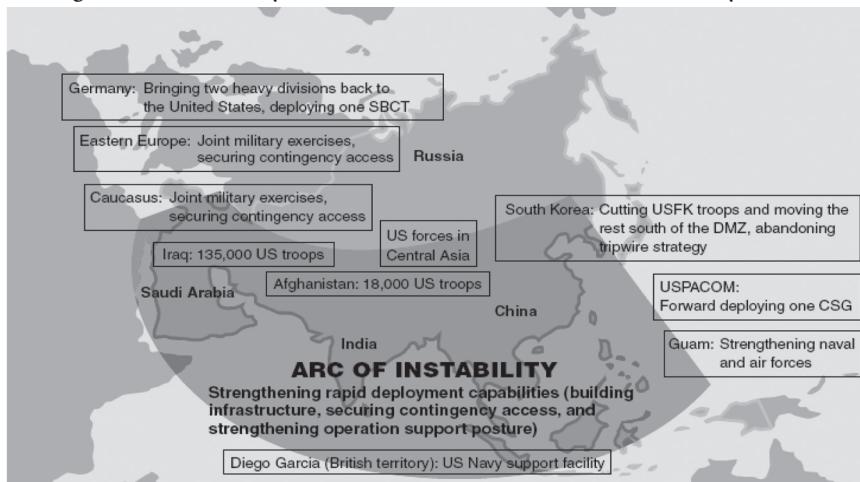
Name	Number
Sovremeny-Class Destroyers	4
SS-N-22ShiShM (Sunburn Ship-to-Ship Missile)	32 Missiles (2 Systems)
IL-28 Beagle Bomber	1
IL-76MD Transport Aircraft	7
Ka-27 Multi-purpose Helicopters	12
S-300 (SA-10) SAM	4 Launchers (100 Missiles)
Su-27SK Fighters	50 (Licensed Production, 200)
Kilo-Type Submarines	4
T-80U Main Battle Tanks	200
A-50 AE&W Aircraft	Unknown
Tor-M1 SAM System	15
Su-30MKK Fighters	40

[Table-2] Russian Arms Sales to China, 2001–2005

Equipment	Year	Quantity
Su-30MKK aircraft	2001	38
Kilo-class submarines	2002	up to 8
SOVREMENNYY II-class destroyers	2002	2
S-300PMU-1 surface-to-air missile system	2002	4 battalions
Su-30MK2 aircraft	2003	24
S-300PMU-2 surface-to-air missile system	2004	8 battalions
AL-31F aircraft engines for the F-10 fighter	2004	100
IL-76 transport aircraft	2004	10
RD-93 aircraft engines for the JF-17 fighter	2005	100
IL-76 transport aircraft	2005	40
IL-78 tanker aircraft	2005	8

Since the start of the GWOT(Global War on Terror) led by the U.S. in the aftermath of 9/11 terror attacks in 2001, in addition, China's global strategy against the U.S. unilateralism has been flexible responses: forming Shanghai Cooperation Organization(SCO) with Russia against the U.S. while assisting the GWOT if necessary. It is a natural response from China to the U.S. military goals and continuing presences beyond the Far East as demonstrated well below.

[Figure-1] U.S. Military Presence Overseas and the «Arc of Instability»¹³³

[Table 3] The U. S. defense policy goals and defense planning direction in *Quadrennial Defense Review 2001/2006 and National Defense Strategy 2008*

Year	Defense Policy Goals	Defense Planning Direction
2001	<ul style="list-style-type: none"> assuring allies and friends; dissuading future military competition; deterring threats and coercion against U.S. interests; if deterrence fails, decisively defeating any Adversary 	shifting the basis of defense planning from a «threat-based» model to a «capabilities-based» model for the future (focusing more on how an adversary might fight rather than specifically whom the adversary might be or where a war might occur)
2006	<ul style="list-style-type: none"> defeating terrorist networks; defending the homeland in depth; shaping the choices of countries at strategic crossroads; preventing the acquisition or use of WMD; refining the military force planning construct for wartime 	developing a 21 st century «total force» which must be finely tailored, more accessible to the joint commander and better configured to operate with other agencies and international partners in complex operations, and which must have far greater endurance to win a «long war»
2008	<ul style="list-style-type: none"> defending the homeland; winning the long war; promoting security; deterring conflict; winning our nation's wars 	shaping the choices of key states, preventing adversaries from acquiring or using WMD, strengthening and expanding alliances and partnerships, securing U.S. strategic access and

¹³³ Data from the US Department of Defense web site.

Year	Defense Policy Goals	Defense Planning Direction
		retaining freedom of action, and integrating and unifying our efforts to win a «long war against violent extremist movements»

In contrast, CFP towards Russia has been relatively stable element in strengthening China's military transformation and energy diversification. According to the new foreign policy concept for the Russian Federation approved by the Russian President Dmitry Medvedev and released in July 2008, the Russian Federation pursues an open, foreseeable and pragmatic foreign policy. The main objective is to ensure national security, defend and enhance its sovereignty and territorial integrity, raise its international prestige and create favorable external conditions for its modernization¹³⁴.

Although there is a wide concern in the West about the ultimate intention of Russian strategic considerations, China's strategic approach towards Russia is a continuing aspect of mutual cooperation against the U.S. unilateralism¹³⁵. China could gain strategic resources from Russia as a quasi-alliance including military innovation, energy diversification, and international breakthrough against the U.S.-led alliance in East Asia: the U.S.-Japan alliance in particular¹³⁶.

What is interesting currently is that China's security policy now transformed from land-oriented military defense towards sea-oriented strategic projection with the rise of Chinese submarines. As Dan Blumenthal stressed, «China has had more than enough military capacity to deter Taiwan from formally breaking with the mainland.»¹³⁷ In addition, China tries to maintain or contain mutual relationship with the U.S. in Beijing Six formed as a diplomatic arena to solve the North Korean nuclear problems, while keeping or enhancing mutual interactions with Russia based on strategic supports from Shanghai Cooperation Organization.

In a nutshell, CFP in the post-Cold War era towards the U.S. and Russia can be defined as selective processes against the U.S. unilateralism defined in China's own eyes. Even though China continues to assist the U.S. in GWOT in part, CFP has a tendency to side with Russia against the U.S. projections from the Middle East to East Asia via Central Asia. When the U.S.-Japan alliance evolved as a strong unity in 1997, China pursued a strong quasi-alliance with Russia while encircling the U.S. with bilateral interactions in the region. CFP towards Moscow and Washington, accordingly, can be coined as economic cooperation with the U.S. and strategic coordination with Russia. In this context, the strategic coordination between Peking and Moscow can be termed as the rise of «the New Second World.»¹³⁸

¹³⁴ <http://president.kremlin.ru> (Accessed on July 30, 2008)

¹³⁵ Yuliya Tymoshenko, «Containing Russia,» Foreign Affairs, Vol. 86, No. 3(May/June 2007), pp. 69–82.

¹³⁶ Yang Liyu, «Zhong'e huzuo yu meiri lianmeng [Sino-Russian Cooperation and the U.S-Japan Alliance],» Zhengming (June 2006), pp. 58–59.

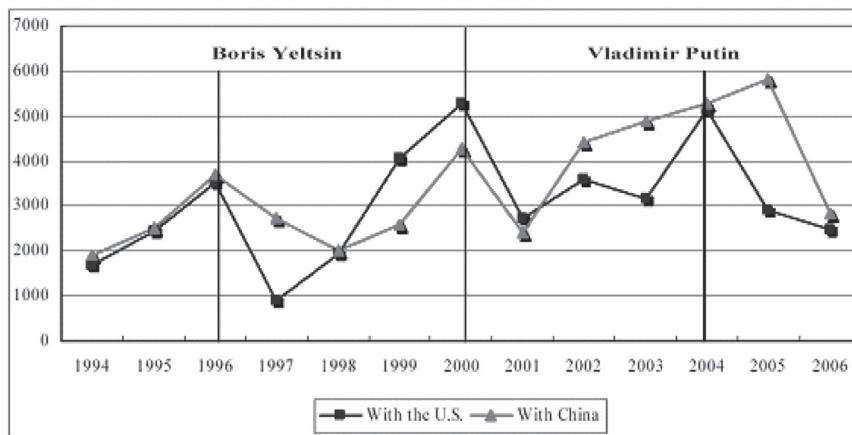
¹³⁷ Dan Blumenthal, «An Underwater Threat,» May 13, 2008. <http://www.aei.org> (Accessed on July 15, 2008)

¹³⁸ Azar Gat, «The Return of Authoritarian Great Powers,» Foreign Affairs, Vol. 86, No. 4(July/August 2007), pp. 64–67.

III. The China Factor: Back to the Future Harmoniously?

The rise of China is to be maintained harmoniously and peacefully in 2014, 2021 and 2048? It is important to reassure China's international mindset reflected in its policies before seeking answers relating to the question above: «China continues to act like a small country with little impact on the global system at large and therefore little responsibility for it.»¹³⁹

[Figure-2] Russia's Trade Balance with the U.S. and China (Millions of Dollars)¹⁴⁰

[Table-4] GDP of China, Russia and the U.S. in 2000–2007¹⁴¹ (PPP, Millions of Dollars)

	2000	2007
China	5,019,395	7,055,079
Russia	1,219,358	2,088,207
The U.S.	9,612,680	13,811,200
World	44,913,907	65,167,392

The economic rise of China is a fact which can not be denied in quantity. What is more important is, however, that the trilateral economic relations among China, Russia and the U.S. have been a mixed interaction as shown above¹⁴². In tandem, the total GDP of China

¹³⁹ C. Fred Bergsten, «A Partnership of Equals: How Washington Should Respond to China's Economic Challenge,» *Foreign Affairs*, Vol. 87, No. 4(July/August 2008), pp. 63–64.

¹⁴⁰ Created from sources of IMF.

¹⁴¹ Data from the World Bank. <http://www.worldbank.org>

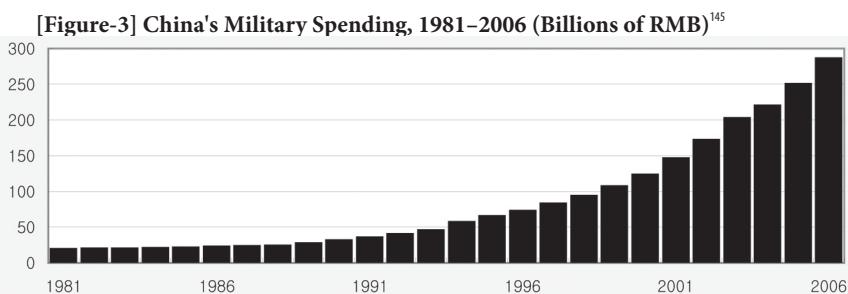
¹⁴² V. Kudrov, «Экономика России в Европе и мире [Russia's Economy in Europe and World],» *Мировая экономика и международные отношения*, No. 5(2007), pp. 45–57.

and Russia is now approaching to a point beyond GDP of the U.S., as we can expect from the tendency from 2000 to 2007. In the near future, China's economic development will threaten the economic supremacy of the U.S., and the strong belief that «the First World» including Japan, EU, and the U.S. leads global interactions now and forever will be threatened by «the Second World» led by Sino-Russian economic cooperation.

Arguably, China will be impacted by identity transformation in 2014, regime change in 2021 and systemic revolution in 2048 which will continue to impact the directions of global politics mapped mainly by the Russo-US interactions. The resurgence of China, then, is to be kept harmoniously and peacefully in 2014, 2021, and 2048? Although China's economic development introduces soaring assertive national sentiments in China, the New China, *Xinhua*, led by the CCP is not a continuous entity from its own history based in Confucianism which can be labeled as «Chinese fundamentalism.» In this regard, China will search for its own Chineseness as an identity transformation in the near future.

It seems that the CCP, in tandem, will have no choice but to transform itself in 2021, as Foreign Policy of the U.S. predicted in 2005 that the CCP will be vanished for China's economic development within 35 years¹⁴³. Even though the complex processes of policymaking including foreign policy are secretive in nature, social actors including NGOs and public opinions are gaining important roles in forming Chinese foreign policy than in 1990s¹⁴⁴. Current Chinese leaders in the CCP are very versant with these new situations in an era of globalization and information, and they suggest the way for «harmonious development» which can be applied both to domestic situations and foreign affairs. As demonstrated in front of the Tian'anmen square in 1989, however, the logic of CCP hegemony can not be sustained finally, if no sound political reforms.

By 2048, China should prepare the harmonious world, *datong shijie*, in order to pave way for renewed greatness of China initiated by the establishment of PRC in 1949. It means a systemic revolution is to be expected in 2048. Hong Kong is expected to return wholly in 2047 after its transition for 50 years from 1997 with Mainland China. Accordingly, China will pursue unify its territory including Formosa by 2048.

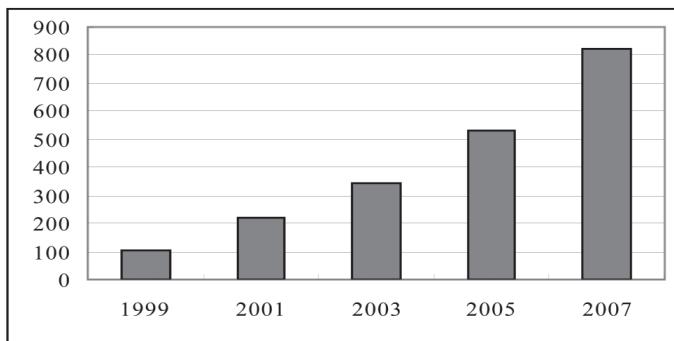

¹⁴³ Chosun Ilbo, August 25, 2006, A14. <http://www.chosun.com>

¹⁴⁴ Yufan Hao and Lin Su, eds., *China's Foreign Policy Making: Societal Force and Chinese American Policy* (Burlington, VT: Ashgate Publishing Company, 2005).

¹⁴⁵ China Research Institute, *Chugoku nenkan 2006 [China Annals 2006]* (Tokyo: Soudosha, 2006), p. 284.

[Figure-4] Russia's Military Spending, 1999–2007 (Billions of Ruble)¹⁴⁶

As John Mearsheimer points out, «China is still very far away from the point where it has enough latent power to make a run at regional hegemony. So it is not too late for the United States to reverse course and do what it can to slow the rise of China. In fact, the structural imperatives of the international system, which are powerful, will probably force the United States to abandon its policy of constructive engagement in the near future.»¹⁴⁷ In tandem, «the fact is that international politics is a nasty and dangerous business, and no amount of goodwill can ameliorate the intense security competition that sets in when an aspiring hegemon appears in Eurasia. That is the tragedy of great power politics.»¹⁴⁸ Dale Copeland similarly concludes that if high rates of Chinese growth continue through the first decade of this century, Washington's China policy «can be predicted to gravitate toward the hard-line end of the spectrum,» meaning, for Dale Copeland, a Cold War-style containment strategy aimed at limiting trade and investment relations with China¹⁴⁹.

In this regard, Taylor Fravel also predicts, «as China continues its rise, its strategic goals may shift, which in turn could require the development of new capabilities. The most recent national defense white paper referred broadly to the role of the military in ensuring the interests of national development [*baozhang guoja fazhan liyi*], a phrase which suggests the start of an evolution towards a sixth strategic goal of defending and securing Chinese economic interests. This would include interests beyond its borders and even beyond the Asia-Pacific region, including the security of sea lines but also the protection of Chinese investments and citizens overseas.»¹⁵⁰

¹⁴⁶ The Ministry of Defense of the Russian Federation. <http://www.mil.ru> (Accessed on May 30, 2008)

¹⁴⁷ John Mearsheimer, *The Tragedy of Great Power Politics* (New York: W.W. Norton, 2001), p. 402.

¹⁴⁸ John J. Mearsheimer, «China's Unpeaceful Rise,» *Current History* (April 2006), p. 162.

¹⁴⁹ Dale Copeland, *The Origins of Major War* (Ithaca: Cornell University Press, 2001), p. 244.

¹⁵⁰ Taylor Fravel, «China's Search for Military Power: Internal Control, Peripheral Denial and Limited Force Projection,» presented at International Symposium on Security Affairs 2007: «China's Rise and Its Limitations: China at the Crossroads,» hosted by National Institute for Defense Studies, Ministry of Defense of Japan, Tokyo, Japan, February 1, 2007.

Consequently, China wants to make it more difficult and painful for regional actors including Russia and Japan to choose the United States over China in any future standoff. The central element which will decide the peace and stability of global politics in the 21st century will be the direction of CFP towards Russia and the U.S. whether «the Second Cold War» or not.

IV. The China Factor: Back to the Future Bilaterally or Not?

The China factor has been a central part of global geopolitics. Historically, Pax Britanica could not be sustained without China's inability to cope with internal problems and foreign affairs resulted in its great leap backward. Pax Americana also can not be managed without China's tactical about-face between the former Soviet Union and the U.S. during the Cold War era. With the demise of bipolarity in 1991, what we have seen now is the world now going to non-polarity from a mixed feature between uni-polarity and multi-polarity¹⁵¹. As Richard N. Haass pointed out, in an era of globalization with non-polarity, «the United States no longer has the luxury of a «You're either with us or against us» foreign policy.»¹⁵² In tandem, «we are now living through the third great power shift of the modern era—the rise of the rest.»¹⁵³ Approaching to Pax Sinica in economic area at least, the China factor will define the durability of Pax Americana and evolving contents of non-polarity in the offing. The rise of China continues to be managed, accordingly, «the United States will have no choice but to assume the worst about those capabilities [of China] and act to balance and deter China.»¹⁵⁴

What elements, then, will be the central force in considering the China factor between the U.S. and Russia? First of all, China's identity transformation will matter seriously. China continues to argue that she has a variety of national identity. Deng Xiaoping, former paramount leader of China, suggested so-called «the 24 Character Strategy» in the early 1990s as a guiding principle for CFP: «Observe calmly; secure our position; cope with affairs calmly; hide out capabilities and bide our time; be good at maintaining a low profile; and never claim leadership.» Even though China is the only member state of UNSC for Asia and the first state possessing the nuclear bomb in Asia, it is common sense that China can be classified both as a leading state in the third world and a fundamental member of the second world. Given the rise of Chinese nationalism, China's identity transformation will impact not only on the contents and strategies of CFP but also trilateral balance among China, Russia, and the U.S.¹⁵⁵

¹⁵¹ Robert D. Kaplan, *The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post Cold War* (New York: Vintage Books, 2000).

¹⁵² Richard N. Haass, «The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance,» *Foreign Affairs*, Vol. 87, No. 3(May/June 2008), p. 53.

¹⁵³ Fareed Zakaria, «The Future of American Power: How America Can Survive the Rise of the Rest,» *Foreign Affairs*, Vol. 87, No. 3(May/June 2008), p. 42.

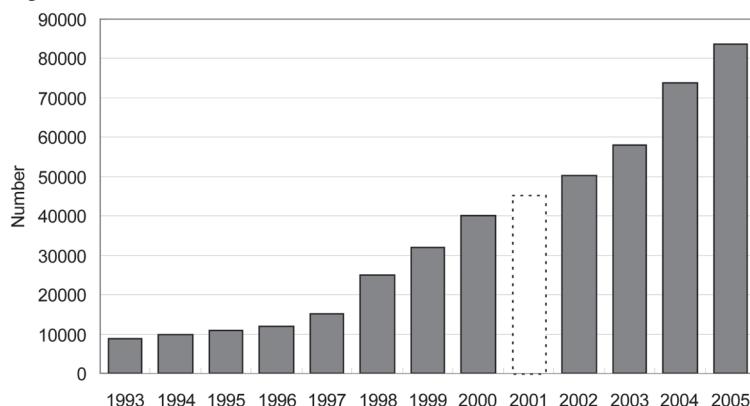
¹⁵⁴ David M. Edelstein, «American Images of a Rising China: Lessons from History and Theory,» in Carola McGiffert, ed., *China in the American Political Imagination* (Washington, D.C.: The CSIS Press, 2003), p. 11.

¹⁵⁵ Peter Hays Gries, *China's New Nationalism: Pride, Politics, and Diplomacy* (Berkeley, California: University of California Press, 2004; Christopher R. Hughes, *Chinese Nationalism in the Global Era* (New York: Routledge, 2006);

[Table-5] Frequency of key words appeared in the reports of NCCPC, 1982–2007¹⁵⁶

Key Words	12 th , 1982	13 th , 1987	14 th , 1992	15 th , 1997	16 th , 2002	17 th , 2007
Nation (minzu)	5	23	22	37	54	39
People (renmin)	40	75	96	116	126	143
Society (shehui)	42	253	224	257	231	309
Democracy (minzhu)	5	51	39	57	58	69
Peace (heping)	1	12	25	34	25	40
Development (fazhan)	47	176	163	186	239	307
World (shijie)	3	28	30	41	38	35

[Figure-5] Incidents of mass disturbances in China, 1993–2005¹⁵⁷

Secondly, the regime change in China will matter importantly. Paradoxically, «China's future is bright because the Communist Party's future is dim.»¹⁵⁸ The history of China's 150 years struggle with modernity suggests that it may require a major shock to the ruling establishment. Hu Jintao, the supreme leader of China, is trying to adapt China—with its 1.3 billion citizens—to the modern world, and particularly to the information revolution.

¹⁵⁶ Created from six original manuscripts of National Congress of Communist Party of China(NCCPC) from 1982 to 2007, which were presented respectively by Hu Yaobang(1982), Zhao Ziyang(1987), Jiang Zemin(1992, 1997, 2002) and Hu Jintao(2007). <http://cpc.people.com.cn> (Accessed on May 1, 2008)

¹⁵⁷ Albert Keidel, «China's Social Unrest: The Story behind the Stories,» Policy Brief, No. 48(Carnegie Endowment for International Peace, September 2006), p. 3.

¹⁵⁸ Bruce Gilley, «If People Lead, Elites Will Follow,» Foreign Policy (May/June 2006), p. 71.

And Hu's success heavily dependent upon sustaining the rates of economic growth achieved in the 1980s and 1990s. That means the Chinese political system is relying on the buoyancy of the global economy. But even a healthy global economy will not protect China's ruling elites if their internal problems are not solved¹⁵⁹.

Any country that is experiencing rising income inequality, increasing social unrest, and severe environmental degradation is more likely to falter than succeed. In other words, it is difficult to go all good things together: economic development, political stability, social harmony and international conditions that are only relevant to People's Republic of China as demonstrated well in the figure above.

The new leaders of China have spewed populist rhetoric [*qinmin zhengce*] and announced additional spending on health and education in rural areas. But these promised policy adjustment are inadequate in light of the huge buildup of social problems over the past 15 years including the serious environmental problems at least, and the government's strategy of throwing money at such problems is treating symptoms, not the root causes. Perhaps most important, Hu Jintao has embraced a populist approach that better protects the interests of farmers, migrant workers, the urban unemployed, and other vulnerable social groups¹⁶⁰. These steps have proved immensely popular at home. But they not only carry big risks for the government of China, but also worsen the security situation in the region including Sino-Japanese relations and Sino-American relations as well. In this regard, the regime change of China will have enormous effects on global balance in a Janus-faced way.

Thirdly, the systemic revolution in China will matter meaningfully. With the demise of Soviet Union in 1991, the structural change of international system lenders China to rethink and amend its own grand strategy from or within foreign policy and domestic bases. In the post-Cold War era, on the one hand, China has been encouraged to improve relations with its neighbors diplomatically and economically at least in part as a hedge against U. S. power and the fear of encirclement by a coalition led by the United States. Men Honghua of the influential Central Party School argued in 2003, in addition, China should avoid «falling into the trap of U. S. encirclement [Meiguo de baoweiquan]» by adopting measures such as «strengthening contacts with countries along [China's] periphery; promoting the construction of China-ASEAN free trade area,» and so on¹⁶¹. In tandem, Michael Glosny cites multiple works by Chinese scholars that view improved relations with ASEAN as a means to avoid those states' linking up in an encircling alliance with a revitalized U.S.-Japan alliance¹⁶².

In early 2000, Condoleezza Rice wrote, «China resents the role of the United States in the Asia-Pacific region. This means that China is not a 'status quo' power in its own favor. That alone makes it a strategic competitor, not the 'strategic partner' the Clinton administration once called it.» Francis Fukuyama, writing in one recent article of the Wall Street Journal,

¹⁵⁹ Roderick MacFarquhar, «Rotting from the Inside Out,» *Foreign Policy* (May/June 2006), p. 72.

¹⁶⁰ Cheng Li, «The Leadership Learning Curve,» *Foreign Policy* (May/June 2006), p. 68.

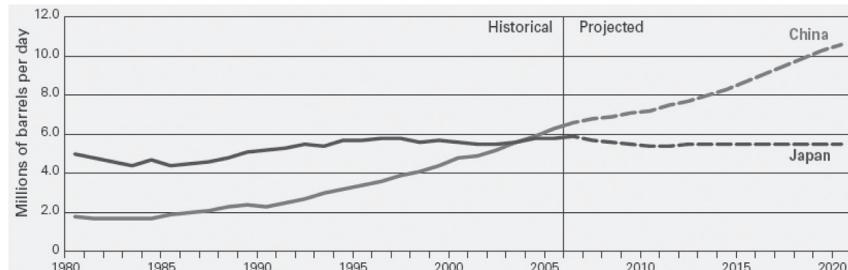
¹⁶¹ Men Honghua, «Bian beidong yingdui wei zhudong mouhua, weihu he tuoquan guojia zhanlue liyi [Changing a Passive Response into an Active Plan, Protecting and Developing the National Strategic Interest],» in Hu Angang, ed., *Zhongguo Da Zhanlue* [The Grand Strategy of China] (Hangzhou: Zhejiang People's Publishers, 2003), p. 86.

¹⁶² Michael A. Glosny, «Heading toward a Win-Win Future? Recent Developments in China's Policy toward Southeast Asia,» *Asian Security*, Vol. 2, No. 1(2006), pp. 24-57.

in addition, sees a similar trend in China's ambitions as well: «the Chinese know what they are doing: Over the long run, they want to organize East Asia in a way that puts them in the center of regional politics. They can succeed where Mahatir failed because they are an economic powerhouse capable of doing our favors.»

While Hu Jintao's populist coalition in the national leadership continues to grow, the dynamic of a complicated factional interdependence will most likely continue to hold in the years to come. The CCP has been quick to adapt and make tactical adjustments. These crisis-management skills may help it survive even repeated shocks while maintaining its grip on power. «Whatever happens,» however, as Minxin Pei argued, «one thing is certain: a regime so burdened by corruption, cynicism, and decay will hardly turn China into the next great superpowers.»¹⁶³ In this regard, «what form Chinese nationalism will take,» basically, «will depend in large part on whether or not China's leaders and public view themselves as under pressure from the outside world or as gaining respect and acceptance in the international community.»¹⁶⁴

[Figure-6] Crude oil demand of China and Japan, 1980–2020¹⁶⁵

Finally, the dual rise of China and Islam will matter profoundly. With the demise of Soviet Union, Central Asia turned up for China as a bridging area between Middle East and China. In the early 1990s, China fears the expanding influence of militant Islam in Central Asia, inspired by Iran and Pakistan, «but appears to be even more concerned over Turkish backing for the concept of a 'Greater Turkestan'.»¹⁶⁶ Paradoxically, China worried intensively about «the rise of Islam» in Central Eurasia, while «the rise of China» generated the China threat perceptions worldwide.

[Figure-7] China's crude oil import from Kazakhstan, Russia and Saudi Arabia,

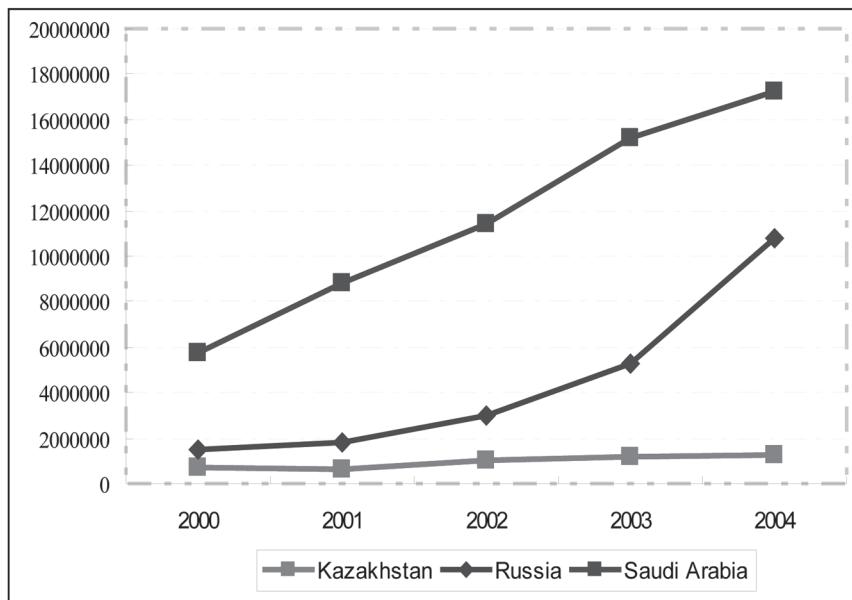
¹⁶³ Minxin Pei, «Long March to Nowhere,» *Foreign Policy*(May/June 2006), p. 73.

¹⁶⁴ Thomas J. Christensen, Alastair Iain Johnston, and Robert Ross, «Conclusions and Future Directions,» in Alastair Iain Johnston and Robert S. Ross, eds., *New Directions in the Study of China's Foreign Policy* (Stanford, California: Stanford University Press, 2006), p. 382.

¹⁶⁵ International Energy Agency, *Oil Outlook 2006* (Paris: IEO/OECD, 2005).

¹⁶⁶ Lillian Craig Harris, *China Considers the Middle East* (London and New York: I.B. Tauris, Co., 1993), p. 269; Masayuki Yamauchi, *Enver Pasha, the Unsatisfied Man: From the Middle East to Central Asia* (Tokyo: Iwanami Shoten, 1999), p. 120.

2000–2004 (10,000 Tons)¹⁶⁷

In addition, Beijing worries «Russia might try to exclude it from the region or that Russia is already too weak to be a local security manager that defends China's equities until China is strong enough to supplant it regionally.»¹⁶⁸ According to one internal document in China, the strategic aim in the Central Asian states mainly is to use China for balancing the influence from Russia and Islamists.

Thus, there is a contradictory aspect in Chinese foreign policy in Central Eurasia where the China factor between Washington and Moscow will be focused obviously: searching for active cooperation from Russia and Islamic republics in the region, while preparing for «unexpected» unilateral movements from them against China's peaceful development and internal integrity. , the strategic importance and geopolitical centrality of Central Eurasia for China are still relevant as a significant transit area from Middle East to China. In this context, China's energy policy toward Central Eurasia is based on «multilateralism between major regional powers and bilateralism with regional states» against the U. S. unilateralism in the region, while taking the middle ground seriously as a transit area or *zhuanlue dingwei* [a strategic area vital for China's survival].

«In the Chinese view,» accordingly, «multipolarity is not a value by itself, but a tool towards a strategic end, namely, the relative reduction of the relative superiority of the

¹⁶⁷ Created from various data on international oil trade.

¹⁶⁸ Stepen Blank, «China in Central Asia: The Hegemony in Waiting?» in Ariel Cohen, ed., *Eurasia in Balance?: The US and the Regional Power Shift* (Burlington, VT: Ashgate Publishing Company, 2006), p. 150.

United States.»¹⁶⁹ And China, with its growing economic and military clout is expected to be more projected to follow path of «assertive unilateralism» in Asia, «while advancing for multilateralism on the global level,»¹⁷⁰ if necessary. More specifically, China's growing assertiveness in its *yazhou rentong* [Asian identity]¹⁷¹, in an era of globalization, can be interpreted as independent efforts in the form of cultural good-neighbor diplomacy in order to distance itself from ascending the hegemonic power in the world: to isolate the U.S. in Asia and to make it respected from global society.¹⁷²

With the dual rise of China and Islam, strategic communication between China and the Islam states in the Middle East can be formed not only on the Green Line but also on the global geopolitics, for China needs oil in the Middle East and the Islam states need political support for them. Arguably, «even if there are such reserves [of oil in the South China Sea], the Chinese can still buy them the rightful owners of such resources. When no such resources are made available to the Chinese in the market or otherwise, the Chinese may then take appropriate action.»¹⁷³

V. Conclusion: Taking the End of Chinese Rise Seriously

Finally, is the evolving China factor will reshape the strategic interactions between Washington, D. C. and Moscow as illustrated before? It is apparent that «the United States cannot—and should not—return to the policies of the Cold War or of eighteenth-century diplomacy.»¹⁷⁴ «Today, nobody can» accordingly, «cope with global challenges single handedly. Neither diktat, nor «bipolar directory» can fit the task of world governance. What is needed is collective leadership of major states [...]»¹⁷⁵

As United States' unipolar moment will end inevitably, the rise of China will end ultimately which can add dynamic elements in global geopolitics in the 21st century. Even though it is expected that China's GDP will overtake the U.S. around 2020¹⁷⁶, it should not be forget that the rise of China can not be maintained without the Western market led by the U.S. and

¹⁶⁹ Kurt Radtke, «Sino-Indian Relations: Security Dilemma, Ideological Polarization, or Cooperation Based on Comprehensive Security,» in Mehdi Parvizi Amineh and Henk Houweling, eds., *Central Eurasia in Global Geopolitics: Conflict, Security, and Development* (Leiden: Koninklijke Brill NV, 2004), p. 202.

¹⁷⁰ Vinod Anand, «Politico-Military Developments in Central Asia and Emerging Strategic Equations,» *China and Eurasia Forum Quarterly*, Vol. 4, No. 4(2006), p. 175.

¹⁷¹ Chen Xiangyang, *Zhongguo mulin waijiao: sixiang, shijian, qiandan* [China's Good-Neighbor Diplomacy: Thoughts, Practices and Outlooks] (Beijing: Shishi chubanshe, 2004), pp. 302–303.

¹⁷² Anne-Marie Brady, *Making the Foreign Serve China: Managing Foreigners in the People's Republic* (Lanham, Boulder: Rowman & Littlefield Publishers, 2003); Stephen M. Walt, *Taming American Power: the Global Response to U.S. Primacy* (New York: W.W. Norton & Company, 2005).

¹⁷³ Terence Kwai and Chan Hon Wing, *War and Peace between American and China: How Solving the Taiwan Problem Can Lead to a Pacific Century* (London: BookSurge, LLC., 2006), p. 276.

¹⁷⁴ Henry Kissinger, «America at the Apex: Empire or Leader?» *The National Interest*(Summer 2001), p. 16.

¹⁷⁵ Sergei Lavrov, «Today, Nobody Can Cope with Global Challenges Single-Handedly,» *International Affairs*, Vol. 53, No. 6(2007), p. 1

¹⁷⁶ G. John Ikenberry, «The Rise of China and the Future of the West: Can the Liberal System Survive?» *Foreign Affairs*, Vol. 87, No. 1(January/February 2008), p. 36.

The China Factor between Washington and Moscow...

oil supplies led by Russia and the states in the Middle East. Ongoing processes of identity transformation, regime change, and systemic revolution in China, therefore, should be observed seriously in an era of globalization.

In a nutshell, a cautious examination on the China factor in the U.S.-Russian relations should be focused on a macro-level analysis not only for understanding the fundamental cause for it, but also for explaining the significance and paradox of it, as well as for forecasting the continuity and change of trajectories in world politics.

Сведения об авторах

Baird Ryan G. — PhD. candidate, University of Arizona

Corbett Renato — professor of political science, University of Alabama, Birmingham

Donaldson Robert H. — trustees professor of political science, University of Tulsa

Grant Keith A. — PhD. candidate, University of Arizona

Volgy Thomas J. — Ph.D., University of Minnesota. Executive Director of International Studies Association (ISA)

Карабешкин Леонид Александрович — доцент Евроуниверситета г. Таллин, кандидат политических наук

Курилла Иван Иванович — заведующий кафедрой зарубежной истории и мировой политики Факультета истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, доктор исторических наук

Piskunova Ekaterina — assistant professor University of Montreal

Sadri Houman A. — professor, University of Central Florida (USA)

Сегурь Валентин Ионович — член Правления Российского союза эсперантистов

Yong-Bin Lee — researcher, Korea Legislative Studies Institute, National Assembly of Republic of Korea

Троицкий Михаил Алексеевич — кандидат политических наук, МГИМО (У) МИД России

Поздышева Наталья Владимировна — аспирант Института Европы РАН